

Ольга Овчинникова

БУДНИ ВЕТЕРИНАРНОГО ВРАЧА



Ольга Овчинникова

**Будни ветеринарного
врача. Издание 2-е,
исправленное и дополненное**

«Издательские решения»

Овчинникова О.

Будни ветеринарного врача. Издание 2-е, исправленное и дополненное / О. Овчинникова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-908072-1

Книга основана на реальных событиях и содержит описание случаев, с которыми сталкивается ветеринарный врач частной клиники. Простым, эмоциональным языком автор рассказывает о своей профессии: сложностях, возникающих при постановке диагноза, отношениях между людьми, нелёгкой борьбе за здоровье и жизнь животных. Книга будет полезна тем, кто собирается посвятить свою жизнь ветеринарии, а также владельцам собак и кошек. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-908072-1

© Овчинникова О.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Глава 1. Копростаз	7
Глава 2. Руменотомия	13
Глава 3. Заводчики	18
Глава 4. ЧМТ	28
Глава 5. Приютские коты	36
Глава 6. БАД	43
Глава 7. Стажёр	56
Глава 8. Панлейка	63
Глава 9. Кесарево	71
Глава 10. ОРЖ	78
Глава 11. Лишай	82
Глава 12. Синдром Хансена	91
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Будни ветеринарного врача

Издание 2-е, исправленное и дополненное

Ольга Овчинникова

Посвящается памяти брата Дмитрия.

Корректор Людмила Пругло

Дизайнер обложки Дмитрий Постовалов

© Ольга Овчинникова, 2023

© Дмитрий Постовалов, дизайн обложки, 2023

ISBN 978-5-4490-8072-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Содержание этой книги ни в коем случае не следует рассматривать в качестве руководства к действию для лечения своих питомцев: в случае необходимости обратитесь за помощью в ветеринарную клинику. Каждое животное болеет индивидуально.

Любые, описанные здесь алгоритмы диагностики и лечения, возможно, к моменту выхода книги уже потеряют свою актуальность, – ветеринарная наука не стоит на месте.

Здесь описан только мой личный опыт. Большинство имён людей и кличек животных изменены. Совпадения – это лишь совпадения¹.

Эта книга – про жизнь, смерть, незаконченность, ошибки и опыт.

На основе реальных событий.

И, да, в книге есть мат. Много мата.

С большой степенью вероятности от неё разбомбит (возможно уже), независимо от того, какую роль ты играешь в жизни: ветврача, заводчика, грумера, владельца животного, вегана с тонкой душевной организацией или даже если не имеешь отношения к животным.

Хотя, конечно, имеешь: мы все – приматы.

За сим люблю и обнимаю. Добро пожаловать в ветеринарные будни.

¹ Для тех, кто верит в совпадения (здесь и далее – прим. автора).

Глава 1. Копростаз²

*Shit happens*³.

Ничего, как говорится, не предвещало.

Однако, на приёме – кобель овчарки, его хозяева и их приятель, приехавший в гости, – он и оказывается первопричиной визита в ветклинику.

Гость из добрых, разумеется, побуждений купил на рынке самый большой говяжий мосол и отдал его на съедение собаке. Как гостинец.

– Третий день просрать не может, – отвечает хозяин предельно чётко на мой дежурный вопрос: «Что случилось?»

– Я оплачу все расходы! – жизнерадостно вещает его друг – натуральный, как очевидно, блондин.

Первое, что бросается в глаза при встрече – это его шикарная шевелюра, будто из рекламного ролика про шампунь, улучшающий рост волос. Революционная формула, реновация разорванных структурных волосяных связей на молекулярном уровне и прочий бред. Но шевелюра шикарная. Помимо этого, мужчину выделяют изумрудные весёлые глаза, которые прямо светятся от восторга в предвкушении спецоперации под кодовым названием «Избавление».

Хозяин собаки – мрачноватый, серьёзный – совершенно не разделяет его восторга, являя своим настроением абсолютную противоположность.

– Я очень спешу, – больше для них, чем для меня говорит женщина – ухоженная брюнетка, тщательно следящая за собой: аккуратный, в меру броский макияж дополняет идеально ровная стрижка каре; расстёгнутое короткое белое пальтишко обнажает платье изумрудного цвета.

Увы, эти два слова – «копростаз» и «спешу» – никогда ещё не уживались вместе.

Действие происходит в отделении клиники – одном из нескольких, – которое находится в посёлке деревенского типа. Располагается оно в одноэтажном доме, который слегка перекосило от старости. Снаружи стены дома облуплены и шелушатся корочками салатовой краски. Некоторые стёкла в окнах выбиты, и это в полной мере отражает рентабельность отделения: посещаемость здесь низкая, а платёжеспособность приходящих людей ещё ниже.

В смену работает один врач, и в качестве незаменимого помощника приходит Эмма, живущая рядом. Она следит за этим филиалом уже давно, вставая в холодное время года в пять утра и протапливая печку, чтобы ни врачи, ни клиенты с их животными не очоурились. К началу дня в клинике царит деревенский уют, и от печки разливается мягкое тепло.

Эмма – человек житейский, и её советы являются решающими просто потому, что ей хорошо знаком менталитет проживающих в посёлке людей, одним из которых сама она и является. Эмма носит короткую стрижку, одевается исключительно в практичные вещи и на всё имеет своё мнение, ценное и весомое. Она мало в чём сомневается, умеет донести до людей суть проблемы и практически всегда угадывает степень тяжести состояния животного, – опыт, как говорится.

Вдвоём мы сканируем собаку взглядами – Эмма спереди, а я сзади, – будто прожжённые экстрасенсы.

Пёс большой, серьёзный, и в моей голове стандартно прокручиваются породные овчарочные болезни, среди которых красными буквами горит: «Экзокринная недостаточность поджелудочной железы». Вот прям для такой породы скормить говяжий мосол – это большая, большая ошибка. Немецкие овчарки, как, например, и колли, могут иметь генетическую аномалию:

² Копростаз – это остановка продвижения каловых масс по кишечнику с его закупоркой и невозможностью опорожнения.

³ *Shit happens* (рус. «Дерьмо случается») – английское сленговое выражение.

ацинарную атрофию поджелудочной железы, наминутчку, – это когда ацинарные клетки органа изначально дефектны.

– Блевать ещё начал, – подтверждает мои догадки хозяин. Он говорит, тщательно взвешивая каждое своё чугунное слово.

– Ясно. Держите за ошейник, – говорю, приближаясь к собаке сзади и надевая перчатки. Крепкой рукой он берёт овчарку за ошейник и спрашивает, с интонацией, которой озвучивают риторические вопросы:

– А что, разве собакам кости давать нельзя?

Щупаю псу живот. Потерпите. Сейчас будет демонстрация ответа на Ваш вопрос. Предельно подробная. Как бы ещё к хирургам не пришлось обращаться...

Живот овчарка прощупать даёт, но не полноценно, – под конец начинает крутиться, реагируя на дискомфорт. Беру термометр и задираю ей хвост. Термометр упирается во что-то каменное.

Помнится, намедни был среднеазиат, которого по доброте душевной накормили бараньими головами в количестве трёх штук. У того в попе была кость величиной с кулак – стояла на выходе, но из-за жуткой боли не выходила. Вместо неё из ануса сочилась кровь, и время от времени во время потуг выпадали куски слизистой оболочки кишечника.

Меняю градусник на палец, лезу овчарке в попу – ну да, картина похожая. Костный комок, к тому же щедро утыканный острыми, словно лезвия «Спутник», пластинками надкостницы, и тоже величиной с кулак. Овчар начинает тужиться и орать.

– Сделайте ему укольчик, и мы поедem, – вещает дама на этот раз в мою сторону. – Я очень спешу.

С её стороны доносится аромат дорогого парфюма.

Я вылезая из собачьей задницы и с говняной рукой, задранной пальцами кверху, пространственно вещаю про последствия панкреатита, некроза кишечника и необходимость эвакуации этих самых костей в кратчайшее время. И что спешка нужна только в поимке блох, а здесь быстро никак не выйдет. В буквальном смысле.

– И что делать? – бледный хозяин вторгается в рассказ на устрашающем описании «панкреонекроза со смертельным исходом». Мой необузданный воспалённый мозг, собравшийся вынести страшный вердикт «сахарный диабет», умолкает.

«Что делать?» Я уверена, Чернышевский имел прямое отношение как ко всей медицине, так и к ветеринарии в частности. Да стопудово! Этот вопрос задаётся здесь чаще всего, и сами мы произносим его раз десять на дню. Да чаще, чаще!

– Анализ крови на панкреатическую липазу⁴. Если диагноз подтвердится – курс капельниц, дней семь. Диета. Плюс сейчас нужно эвакуировать то, что стоит на выходе. Возможно, придётся резать.

На лице женщины вырисовывается уверенность в том, что с них просто хотят содрать денег.

– Капельницу только сегодня. И не надо анализов. Эвакуируйте, – и она грациозно машет в воздухе ручкой, как бы давая разрешение. И через секунду выдаёт: – Что Вы застыли, девушка? Делайте, делайте!

«Срочная эвакуация! Тревога! Тревога! Всем какашкам, гостям и костям на выход! Внимание!» – звучит в голове сирена – так мой внутренний голос задиристо развлекается, с юморком.

⁴ PLI (Pancreatic Lipase Immunoreactivity).

Их друг разглядывает плакат с изображением межпозвоночной грыжи, а затем переключается на исследование постера «Глаз с сухим кератитом⁵». Гость молчит, выражая заинтересованность картинками только позой: шея вытянута, руки заложены за спину.

– Эмма, – я поворачиваюсь к своей милейшей помощнице, – как у нас обстоят дела с вазелиновым маслом?

Дело в том, что помимо прочего, Эмма заказывает в клинику медикаменты и покупает те из них, которые заканчиваются. Но только самые необходимые, ввиду того, что они едва окупаются.

– Полбутылочки-то есть, – тотчас отвечает она. – Но это ваша, дерматологическая заначка.

Вот же блин.

– Значит так, – я поворачиваюсь к Гостю, отрывая его от «сухого глаза». Вам нужно доехать до аптеки и купить пару флаконов вазелинового масла. Для клизмы.

– Понял! – весело отвечает он и выбегает из кабинета: в окно мы видим его резкий прыжок в чёрную низкорослую иномарку и столь же стремительный отъезд.

– Пока он ездит, поставим катетер и прокапаемся, – предлагаю я.

...Дальнейший час проходит в методичном вливании жидкостей внутривенно. Овчарка лежит на столе, хозяева сидят на стульях рядом. Я же то меняю бутылочки в капельнице, то, словно заправский бармен, развожу в большой чашке с тёплой водой солёную магнезию, пытаюсь соблюсти пропорции для достижения нужной гипертоничности. Гость возвращается быстро. Две бутылочки с вазелиновым маслом, купленные им в аптеке, дополняют клизменный рецепт прозрачными каплями, которые сливаются на поверхности воедино, – красота, да и только!

Чтобы как-то структурировать время, рассказываю владельцам про удивительные особенности жизнедеятельности прямой кишки:

– В ней физиологичным образом происходит всасывание жидкости из каловых масс обратно в организм. То есть при поступлении жидкости извне она автоматически перестаёт сдерживать то, что просится наружу, и это облегчит нам процедуру эвакуации.

Больше прочих, почти не моргая, меня слушает Гость. Женщина нетерпеливо поглядывает то на свои часы с крупным циферблатом, инкрустированным рубинами, то на ногти, то в маленькое зеркальце, доставая его из кармана пальто.

– Если сейчас, в острый период не сделать курса капельниц, то потом это придётся долго расхлёбывать, – от моего откровенного сленга женщина морщит носик. Похоже, она всё ещё уверена, что с них просто хотят содрать денег, и достучаться поэтому не получается.

«По крайней мере, ты попыталась», – вещает внутренний голос.

Много раз так заканчивались истории самоуверенных владелиц собачек с острым панкреатитом, которых намеренно любовно напичкали деликатесами. Меня не прельщает восклицать потом ненавистное: «Я ж говорила!», когда, спустя полгода тощую, ввиду нарушения всасывания питательных веществ, с пучками выпадающей шерсти собаку приносят на приём и спрашивают: «Что делать?» Время назад не вернёшь. И клетки поджелудочной, которая сама себя переварила, – тоже.

Под конец капельницы медленно ввожу обезбол – не помешает.

Очередная бутылочка вскоре заканчивается, и мы всей толпой выходим на улицу, так как делать клизму большой собаке в помещении клиники чревато дальнейшей генеральной уборкой и неистребимым запахом собачьего дерьма. Надеваю вторую пару перчаток поверх

⁵ Dry Eye Syndrom (DES) – синдром сухого глаза. Возникает, когда слёзные железы не производят достаточное количество слёз.

первых. Как показывает опыт, от вездесущего амбре это не спасёт, так что это чисто для самоуспокоения.

Конец августа балует тёплой погодой, дождя не предвидится. Пристраиваемся во дворе под старым, раскидистым клёном.

Хозяин держит овчарку, а я с помощью большого шприца и трубки, присоединённой к нему, вливаю в собачий зад маслянистую жидкость, – трубка постоянно вываливается. Овчар тужится, кричит, пытаюсь помочь ему пальцами, но боль слишком сильная. Вливаю маленькие порции раствора снова и снова. Обе бутылочки вазелинового масла стремительно исчезают в недрах собаки.

– Ещё надо, – умоляюще говорю Гостю, держа в руках говняные трубки и шприц.

– Окей! – жизнерадостно вскрикивает он и вновь бежит к машине: судя по всему, зрелище постановки клизмы видится ему прикольным.

Он уезжает и уже через десять минут возвращается снова с двумя бутылочками. Скорый малый. Респект.

Я вливаю новые порции жижи в собаку, которая тужится и кружит вокруг хозяина. Бегаю следом за ней со скользким шприцом в руках. Жирная жидкость щедро льётся обратно, фонтаном орошая всё, что находится в прямой досягаемости. Очень быстро хвост и задние лапы⁶ собаки оказываются в маслянистой говняной субстанции, после чего начинается прицельный огонь в мою сторону. Руки, одной из которых я держу хвост, а другой набираю раствор и вливаю его в собаку, слабо защищённые халатом, до локтей покрываются ароматным коктейлем. К ним быстро присоединяются ноги, на которые попадают остаточные, и потому самые сочные капли. Увернуться от этого изобилия невозможно, и я смиряюсь. Рукава и штанины методично пропитываются жидкостью с характерным фекальным амбре. Наконец, один из каменных костяных комков с усилием вываливается из собаки. Однако, здравствуйте! Подбираю его и демонстрирую хозяину овчарки острые, торчащие отломки надкостницы:

– Вы спрашивали, можно ли давать кости собакам.

Он кивает, давая понять, что я услышана. Тут и без слов всё понятно. Набираю новую порцию жидкости в шприц.

Тут овчар изворачивается и кидается на меня, как на источник жуткой боли, происходящей у него под хвостом. К счастью, хозяин успевает вовремя отреагировать и резко дёргает его за ошейник, а я рефлекторно отпрыгиваю и валюсь на землю. Возле уха раздаётся сочный лязг зубов. Быть в говне, да ещё и искусанной – сценарий, прямо скажем, не самый оптимистичный! Теперь мой халат приобретает творческий вид и сзади.

Женщина, взглянув на меня, заливается звонким смехом, а затем закатывает глаза к небу и требовательно восклицает:

– Девушка! Можно уже побыстрее? Я же русским языком сказала, что очень опаздываю! Сколько можно возиться?

Молча ректалю собаку: очередной костный кусок стоит на выходе.

– Там ещё один, – констатирую для особо нетерпеливых.

– Ещё вазелина? – Гость аж пританцовывает от нетерпения.

Он стоит на приличном расстоянии и поэтому говорит заведомо громче: голос звонкий, дикция идеальная. Женщина находится ещё дальше, демонстративно поглядывая на часы. Одна Эмма – рядом, держит чашку с разведённым для клизмы раствором – кому-то же надо быть в эпицентре событий.

– Да, – отвечаю Гостю, – купите ещё две бутылочки и заодно резиновую спринцовку. Большую.

⁶ Правильно говорить «конечности», да простят меня ортопеды.

– Живо чтоб! Мухой! – подгоняет его женщина. – Тут и так быстро работать не научились! Бардак, безобразия!

Да уж куда нам быстро, да ещё и работать, мисс Пассивная Напомаженная Агрессия! Гость кидается в иномарку, разворачивается на пяточке земли и исчезает за поворотом. Возвращается он ещё быстрее, чем раньше. Ключи на всякий случай оставляет в машине – и вот напрасно, как оказалось – случай ждать себя не заставил.

– Аптекарьша странно на меня посмотрела, – говорит Гость задумчиво, вручая мне бутылочки и спринцовку на вытянутых руках.

Оставляю это без комментариев: ох, её можно понять.

Новые и новые клизмы, фонтаны ароматной жидкости, – с резиновой грушей всё происходит быстрее и эффективнее. Однако, это не спасает мои ноги, обутые в сандалии: тонкая ткань сияюще-белых с утра носков не в силах защитить от бурных собачьих потуг и последующих испражнений. Когда новая порция говняной жижи попадает на мои несчастные ноги, стекая со штанов, со стороны женщины раздаётся:

– Две минуты и как хотите!

– Не мешай. Ты видишь, работают люди? – осаживает её мужчина.

– Я опаздываю на педикюр! – взвизгивает она.

«А у меня свидание после работы», – мысленно парирую ей в ответ.

И зачем только мы так договорились? От меня ж теперь такой стойкий парфюм, что аж глаза режет! Несравнимый по стойкости даже с самыми дорогими, изысканными духами, типа «Jar Parfums Bolt of Lightning»! Остаётся только забыть этот самый «Bolt».

Ну почему вместо запаха тёртой смородины, свежескошенной травы, цветущих георгинов и сломанных веток я вынуждена благоухать, простите, собачьим дерьмом, параллельно выслушивая претензии от подобных цветущих женщин?

Расстроено запиливаю собаке в зад ещё две полные спринцовки жирной воды и зажимаю хвост. Чтоб, значит, настоялось до каберне совиньон или, там, шардоне. Ну давай уже, выдай нам, не держи в себе! Изящные ноготочки отдельных личностей больше не могут ждать – помирают без педикюра.

Дальше случается непредвиденное.

– Да сколько можно возиться! – женщина подбегает и отталкивает меня от пса. Хвост шлагбаумом задирается кверху.

Не, ладно бы подбежала, но толкаться и наклоняться было зачем?

Ей в лицо, прям в лобешник в струе из жирного говнеца выстреливает костный кругляш. Меткий выстрел, прям бинго! И мелкие брызги веером на пальто, бывшее пару секунд назад кипенно-белым.

Окрестности оглашает вой пожарной сирены и наш гомерический хохот, – благо, я успеваю скрыться за клёном, согнувшись напололам. Гость рыдает. Эмма утыкается носом себе в плечо. Мужик отворачивается, закрыв рукою лицо. Дама прыгает в машину и, разъярённо захлопнув дверь, заводит мотор.

– Стой! Куда! – воет мужчина, давясь от смеха, но машина со стоном покрывок трогается и с рёвом уносится вдаль.

На педикюр, куда-куда...

...Когда остатки компании уезжают, – вызвав «такси для животных» и кое-как уболтав водителя уложить благоухающую собаку в ногах, – я медленно стаскиваю с рук перчатки, неведомым образом традиционно пропустившие стойкий запах и спрашиваю у Эммы:

– А тёплая водичка с мылом у нас имеется?

– Не, только холодная, – отвечает она с усмешкой. – Но могу предложить освежитель для туалета!

– У меня свидание с Константином Вениаминовичем. То есть Вениаминовичем, – говорю я, всё ещё икая от смеха. – Да тьфу ты... Какой к чертям освежитель? Чтобы от меня пахло говном в альпийских лугах? Или свежим бризом очистных сооружений?

Эмма только хохочет:

– Ландышевый подойдёт?

* * *

Свидание проходит в дорогом кафе, в окна светит остывающее, но пока ещё по-летнему тёплое солнце, какое и бывает в конце августа. В помещении так жарко, что рабочее амбре смело раскрывается в стойкий, узнаваемый аромат. К нему примешивается концентрированный запах ландышей.

Константин – среднего телосложения, лысоватый, толстоватый, с короткими, словно сардельки, ухоженными пальцами, уверенный в себе мужчина, с которым мне посчастливилось познакомиться наемни, – заказывает вино. Он ведёт себя, как на рабочем совещании, – не улыбаётся и словно считает каждую минуту времени.

Меня не покидает чувство, что нужно было заранее распечатать и принести своё резюме. В двух экземплярах. Вместе с родословной и результатами всех анализов, доступных в нашей галактике.

Кафешка уютная, круглый столик накрыт сияющие-белой скатертью, поверх которой лежат квадратные салфетки бордового цвета. В центре стоит хрустальный бокал с миниатюрной розочкой. Сюда Константин привёз меня на машине, похожей на бронепоезд – это какой-то дорожный хаммер. Но это не точно.

Заказываю себе фисташковое мороженое. Константин, оправдывая статус бизнесмена, устраивает форменный допрос: где работаю, кем, сколько платят, есть ли дети, где живу и каковы мои ближайшие цели?

Мои ближайшие цели – это отмыться от вьёвшегося в кожу запаха дерьма, закинуть в себя дешёвые пельмени и попытаться досмотреть с третьего раза обучающий видеосик про отиты собак. А потом долго пытаться уснуть, мучаясь бессонницей до пяти. И, уснув на рассвете, посмотреть очередную серию про экстренного пациента из трэш-сериала «Опять ты не успеешь». В общем, всё по чётко отлаженному плану – прям «To-do list»⁷ какой-то!

Про это благо разумно умалчиваю. Мысли о щедром благоухании лесными ландышами, среди которых «нацрале», я заедаю мороженым, которое никак не кончается. Лоснящийся вид, благородный костюм тёмно-синего цвета, аквамаринный галстук и деловой подход Константина никак со мной не сочетаются, – ни в каком, даже самом фантастическом виде. Чувствую себя скованно и мучительно.

Между тем, он начинает делиться своими предпочтениями:

– Терпеть не могу собак – так бы ходил и отстреливал их. Чем их сейчас там травят? Посоветуйте.

– Знаете, – чуть не подавившись, я кладу ложечку на стол, так и не доев мороженое, – мне, пожалуй, пора идти. Спасибо за всё.

Он меня не останавливает.

«День как начался говном, так им же и завершился».

⁷ To-do list – список дел или задач делового человека.

Глава 2. Руменотомия⁸

Постучали восемь раз. Неужели осьминог?

Наверное воскресенье. Валяюсь дома, изучая видео про технику эпидуральной анестезии, – сие, как и новокаиновые блокады, приходится осваивать ввиду отсутствия хороших обезболов в арсенале.

Кстати, создатель новокаиновых блокад утверждал, что с их помощью можно вылечить любые болезни.

Когда я работала в совхозе, без навыков проведения проводниковой анестезии было никуда. Без неё порванное колючей проволокой вымя корова просто не даст зашить. Коровы – вообще лучшие учителя. Грамотно не обезболишь – от прицельных ударов копытами получишь чёрно-зелёные синяки на ногах и, в качестве бонуса ещё – навозным хвостом по лицу.

Магия проводниковой заключается в том, что колешь в одном месте, а обезболивается совершенно в другом – там, куда направляется нерв.

Надо было овчару тоже такую запилить, – тогда бы всё легче прошло. Что-то я ступила... Обколола бы попу местно, и тогда его не мучили бы рефлекторные спазмы. Дело в том, что чувствительность кишечника, как таковая, имеется только на выходе. Впрочем, несколько раз воткнуть иголку в попу – то ещё издевательство!

«Ничо так мысли! Женственность так и прёт! Когда уже замуж? – о, этот здравомыслящий голосок в голове! – А то гамно, гамно...»

Стойкий и неистребимый, как сам запах обсуждаемой субстанции, стереотип на тему «ветврачи все пахнут говном» жёстко въелся в умы людей. Вероятно, это идёт всё оттуда же, с ферм, где приходилось не только «ректалить» тёлочку на предмет стельности, запикивая им в жопу руку, но и отделять гнилые, рвущиеся под пальцами, благоухающие разлагающейся плотью последы, проникая уже в другое естественное отверстие. Все выделения, с которыми приходилось контактировать, неизменно оказывались на закатанном до плеча рукаве, поскольку «погружаться в работу» приходилось буквально до самых ноздрей.

Однажды нас с главветврачом вызвали в дальнейшее отделение к корове с залёживанием. По версии доярок корова отвязалась и «сожрала тачку комбикорма», после чего слегла в проходе фермы. Блистающая чистотой, будто вылизанная тачка демонстрировалась в качестве улики. Диагноз напрашивался сам собой: «атония⁹ и переполнение преджелудков», из которых самым печальным было бы переполнение так называемой книжки, название которой дано ей за внутреннее строение в виде множества тонких листков. При переполнении книжки между её листками плотно спрессовывается корм, затем наступает некроз и смерть.

– Предлагаю руменотомию! – эмоционально вопила я, громыхая огромным стерилизатором с кучей прокипячённых инструментов.

Главный ветврач – молодая, симпатичная женщина Людмила Николаевна, которую я всегда уважительно называла по имени-отчеству, – настороженно посмотрела на меня и спросила:

– А наркоз какой давать будем?

– Алкогольный, конечно же!

Мой энтузиазм тогда плескался через край. Я умудрялась стерильно готовить тканевые препараты из селезёнок забитых коров, отстаивать сыворотку крови, взятую на местной бойне и подключать её к лечению дрищущих телят, химичить, изготавливая живые вакцины от коро-

⁸ Руменотомия (от *rumen* – рубец и *tomia* – разрез, рассечение) – вскрытие рубца, с целью извлечения инородных предметов.

⁹ Атония преджелудков – прекращение моторики рубца, сетки и книжки.

всего папилломатоза из срезанных у самой же пациентки бородавок и, уж конечно, ни за какие коврижки не упустила бы возможности кого-нибудь прооперировать.

Людмила Николаевна всегда была за любой подобный кипишь, и в этом мне с ней, как с непосредственным начальством, очень повезло. Много раз ей приходилось прикрывать мою задницу, когда эксперименты не оправдывали ожиданий или были финансово невыгодными. Ведь всем известно – в хозяйстве принято лечить исключительно продуктивных коров, а остальные идут на мясо. Если же операция по деньгам не оправдана, то врач обязан отправить корову на бойню, вместо того, чтобы оперировать её и спасать, – собственно, сей факт в итоге и послужил причиной моего увольнения.

Технику проведения руменотомии нам показывали на мясокомбинате во время учёбы. Причём корове общего наркоза даже и не давали, а просто обкололи местно, обезболив место разреза. Корова тогда спокойно дала себя и разрезать, и зашить.

– Алко-гольный, – произнесла Людмила Николаевна по частям, взвешивая ситуацию и поправляя очки, придающие ей учёный вид.

Не прошло и пары часов, как мы уже ехали на машине с набором стерильных инструментов, ниток и накрученных салфеток. Первым делом по приезду в отделение мы пошли в местный магазинчик за наркозом, – то есть, собсна, за водкой. За нами в очередь пристроились две старушки, и через паузу одна сказала другой:

– Слышь... Пятровна... Ветелинары пожаловали...

Мы, гордо распрямив спины и улыбаясь, переглянулись между собой – надо же! Так редко тут бываем, а узнают! – но не успели спросить, откуда такая осведомлённость, как старушка закончила свою фразу, максимально развёрнуто ответив на незаданный вопрос:

– ... навозом воняют.

К этому моменту подошла наша очередь, и Людмила Николаевна, обращаясь к продавщице, воскликнула особенно экспрессивно:

– Две бутылки водки!

Старушки незамедлительно отреагировали и на это:

– Ну точно, ветелинары...

...Нда...

Корову мы занаркозили с одного пузыря. Вдобавок я запилила ей конкретную премедикацию¹⁰ и новокаиновую проводниковую блокаду, обколов строго по рекомендациям, данным в хирургической раритетной книге, пропахшей ксероформом. Корова глубоко уснула, завалившись набок. У её головы был приставлен деревенский мужичок в засаленном тулупе, толстых рукавицах и с топором, – на случай неудачи во время операции, несвоевременного пробуждения пациентки или возникновения иных неожиданных обстоятельств. К слову, «кесарево» на деревенском языке означает оглушить корову топором, вспороть брюхо, вытащить телёнка и затем пустить её на мясо. Это звучит жестоко, но в противном случае гибнут оба, а так остаётся в живых хотя бы телёнок.

Итак, побрив корове бок, щедро обработав его йодом, обколов там, где надо, и разрезав кожу, мышцы и стенку рубца, я нырнула рукой в его недра, чтобы начать выгребать комбикорм и... не нащупала там ничего, кроме завалившегося пучка силоса.

– А... – медленно оглядела я всех вокруг, – комбикорма-то нету.

– Как так: нету? – Людмила Николаевна отодвинула меня от коровы, сунулась в разрез – благо стерильности внутри рубца не требовалось – и растерянно подтвердила: – И правда... Нету!

¹⁰ Премедикация – это предварительная медикаментозная подготовка пациента к общей анестезии и хирургическому вмешательству.

В тишине, сопровождаемой догадками, куда всё-таки делась целая тачка комбикорма, я выгребла оттуда остатки силоса, тщательно, послойно зашила, и вскоре корова благополучно проснулась.

К вечеру ей полегчало, а на следующий день она погибла, пытаясь родить телёнка. В итоге мы потеряли обоих.

Тот случай заставил меня в дальнейшем собирать анамнез более тщательно, не доверяя тому, что изначально говорят владельцы животных. Правильный диагноз звучал как «предродовое залёживание», а не «переполнение преджелудков». Возможно, нам следовало вместо руганотомии сделать ей кесарево сечение, – из тех, при котором и корова, и телёнок остаются в живых, если что.

...С воспоминаний переключаюсь на новое обучающее видео – лекция на этот раз про лишай у кошек. Узнаю про парочку новых медицинских препаратов и как лучше дозировать капсулы для малогабаритных котят. Это напоминает пособие по созданию «кокаиновых дорожек» с последующим делением на необходимое количество частей и смешивание со сливочным маслом с последующей заморозкой. Такой метод вдобавок снижает побочку от препарата. Вот, блин, умельцы...

Переболеть лишаём, наверное, приходилось каждому ветеринарному врачу. Мне это «счастье» досталось в период, когда эффективного лечения ещё не существовало, – в течение полугода пришлось втирать в себя весь тогдашний существующий и крайне скудный арсенал противогрибковых средств. Самым сочным из них была жидкость цвета фуксии, которая после высыхания исчезала, будто её и не бывало, как, впрочем, не было и эффекта. Маленькое круглое пятнышко на руке постепенно росло, становясь овальным, почёсывалось, и исчезать не торопилось.

Через полгода мой дерматолог окончательно сдалась и назначила приём на тот исключительный день, когда в её руках оказывалась металлическая бутылка с жидким азотом: попутно доктор работала косметологом, продляя тёткам молодость разнообразными инновационными методами, которые тогда только входили в моду. Ватная палка, щедро смоченная в дымящейся жидкости и приложенная к лишайному пятну, с которым я уже практически сроднилась, положила начало избавлению от прогрессирующей болячки.

– Через пару недель нужно заморозить ещё раз, – сказала доктор, убирая палку с азотом – к этому моменту моя кожа на руке онемела до полной бесчувственности.

Но через пару недель я уехала на учёбу, и повторную заморозку пришлось провести сухим льдом, раздобытым по случаю экскурсии нашей группы по крупнейшему хладокомбинату. Пока одноклассники резвились, кидая друг другу за шиворот дымящиеся куски льда и игнорируя этим запрет, данный на входе преподавателем, я положила себе один в карман: всю экскурсию пришлось идти, изрядно отключив кусок халата от тела, чтобы не отморозить себе бочину. После повторной экзекуции холодом о заболевании лишаём осталось только ностальгическое воспоминание и белое овальное пятно на коже руки.

Сейчас – другое дело: фармакологи готовы предоставить целую армию высокоэффективных средств, и котят при обнаружении лишая уже не убивают жестоко, как это было раньше, а успешно излечивают.

* * *

...Итак... Как там дела с овчаркой?

Долго кручу в руке телефон и думаю, позвонить ли её хозяевам, чтобы узнать об этом. Очень хочется иметь обратную связь.

Один из хирургов клиники, куда я одно время ходила на стажировку, имел привычку методично обзванивать владельцев прооперированных им животных. И однажды он не только

перестал это делать, но и отказался отвечать почему. Тайну раскрыл коллега, случайно подслушавший разговор, по иронии ставший последним, – пересказывал он его, давясь от ехидного смеха, примерно так:

– Алло, как ваша собачка? Умерла? Ну, перед смертью ей стало легче?.. Перед смертью, говорю, полегчало? Что, что? Куда мне идти?

...Ненавижу разговаривать по телефону. Надо или уже позвонить, или отказаться от этой мысли. Помереть-то она, всяко, не должна была. В итоге всё же решаюсь. После серии долгих гудков владелец собаки берёт трубку и на мой вопрос отвечает предельно чётко и односложно, – так же, как и в начале приёма:

– Просрался он.

Ну, вот и ладушки! Прощаемся, вешаю трубку.

...Ур-р-ра! Просрался! Вот щастье-то щастье!

В голове, тяжело вздохнув, раздаётся разочарованный голос: «Вот тебе счастье-то». Так и вижу его фейспалм¹¹. Надо ногти, что ли, подстричь. Или сходить на этот, как его... педикюр, что ли...

* * *

Познакомилась с мужчиной, договорились встретиться в метро. На фото он выглядит большим, добрым и сильным. И ещё у него есть то, что неизбежно меня подкупает – борода. Зовут Алексеем.

Так... Чулки, тонкие кружавчики, ногти и красное, винного цвета платье. Окрылённая ожиданиями, оставляю дома и куртку, и зонтик. Конец августа – лето же! И вот, пунктуально рассчитав время, еду.

...Спустя полчаса меня накрывает жестокий ливень, и я промокаю насквозь, до этих самых тонких кружавчиков. Стуча зубами, забегаю в метро. Там, между двумя рядами дверей тёплым феном дует струя воздуха, в которой я и пытаюсь согреться. Лето, ага! Холод пробирает до мозга костей, медленно и верно превращая меня из улыбающейся феи в хмурую бабу. И чем больше Алексей опаздывает, тем сильнее проявляется этот эффект, – словно изображение на плёнке в кабинете рентгена.

Время тянется, словно резина, и с каждой минутой я ненавижу себя всё больше за то, что забыла зонтик, и куртку, и за то, что стою сейчас и жду мужика! Ведь должно быть наоборот, разве нет? Может, он в пробку попал. Или ещё что.

– Привет! – мужской жизнерадостный голос раздаётся рядом.

Оборачиваюсь. Алексей лучезарно лыбится, словно бы и не опоздал на полчаса. Натягиваю на себя улыбку:

– Привет.

Хоть бы извинился, но нет. Он без цветов, которые хоть как-то могли бы оправдать его, – мужчины, видимо, не желают тратиться заранее даже на это.

– Попала под дождь, – говорю ему, являя собой жалкое синюшное зрелище. – Замёрзла, как собака сутулая.

– Поехали ко мне. Согрею тебя... чаем, – отвечает он с запинкой, и на лице появляется животное вожелание. О, мы на «ты» уже, что ли?

Сам-то в сухой куртке, а я в мокром холодном платье, с подола которого щедро каплют тяжёлые капли воды, очерчивая вокруг меня кривоватый круг. Хоть бы куртку свою предложил. Борода ещё эта тёплая... Бесит.

– Я встречаюсь с малознакомыми мужчинами только на нейтральной территории, – озвучиваю один из своих принципов, всё ещё сдержанно улыбаясь.

¹¹ Фэйспалм, от англ. Facepalm (face – лицо, palm – ладонь) – популярное выражение в виде физического жеста рукой, с помощью которого автор пытается показать разочарование.

Блин, ну давай уже, извиняйся, что опоздал. Дай мне куртку. Сделай что-нибудь, а то холодно так, что пипец. Зубы выбивают методичную дробь, кожа на руках и ногах покрывается отборнейшими мурашками.

– Ну, я не знаю тогда, – мнётся Алексей. У него звонит телефон.

Мельком глянув на меня, он отвечает на звонок, одновременно уходя в сторонку и прикрывая трубку рукой.

– Да, любимка... до вечера... я буду... ага, – долетают до меня отдельные слова, щедро приправленные извиняющимся тоном.

Ну зашибись! Что я здесь делаю, вместе с платьем, маникюром, чулками и, твою мать, кружавчиками? Что со мной не так?

Он вешает трубку и возвращается. Ладно, я помогу, чувак.

– Мне домой нужно, – говорю ему, неожиданно для себя испытав облегчение от этих слов.

Внутри начинает доминировать желание поспать и поплакать, – иными словами то, что я уж точно умею делать более-менее профессионально. Алексей пожимает плечами, продолжая стоять, как истукан, и молчать.

Взмахиваю рукой напоследок и прохожу через турникет, ныряя в подземелье метро. Настроение всё равно испорчено. А когда двигаешься, создаётся иллюзия, что не так уж и холодно.

В вагоне метро выжимаю подол платья, с которого мутными гроздьями падают капли воды, оставляя лужицы на полу. Сажусь в автобус, устраиваюсь в кресле, вжимаясь в него – сухое, тёплое. Платье холодным пламенем обнимает ноги, но вскоре я срастаюсь с телом сухого кресла и уже терпимо, уже терпимо... Рядом садится молодой человек, который держит длинную красную розу. Роза торчит впереди него, как флаг, и сам он похож на военного, который вот-вот отдаст честь. Хотя, может, роза будет подарена той, которая отдаст свою честь ему, – такая вот ассоциация.

Автобус едет, равномерно гудит, убаюкивая плавными движениями и дорожным шумом. Засыпаю под сожаление, что мне розы не дарят.

...Просыпаюсь от того, что молодой человек скидывает мою голову со своего плеча. Это так резко и бесцеремонно, что хочется сказать ему гадость. И в то же время стыдно и неудобно. Блин, уснула на человеке... Сделав вид, что ничего не поняла, пытаюсь снова дремать, уже на другую сторону. Даже извиняться не хочется. На мне в автобусе часто тоже многие спят, как бы это ни звучало...

Мы выходим на конечной – этот парень с розой и я. Иду позади него, на душе тоскливо и пусто. Он несёт розу как знамя, и у него кривые тонкие ноги. Хоть бы она тебе не дала, неудачник хренов.

Под усиливающийся стук зубов добираюсь домой, где набираю горячую ванну. Пока льётся вода, божаю глинтвейн: бутылка красного вина, корица, апельсин, сахар, яблоки, – всё это образует в кастрюльке горячительный, сладкий, а главное согревающий душу коктейль.

Глинтвейн и ванна. Ребята, я с вами!

...Содержимое кастрюльки через край постепенно переливается внутрь меня, вода в ванной прогревает снаружи, и их сочетание спутывает мысли в единый пьяный комок. Спустя несколько часов, когда вода становится комнатной, а у кастрюльки обнажается дно, в голове проявляется только одна, относительно умная мысль:

«Тебе противопоказано пить».

Да мне, по ходу, всё противопоказано. Жить особенно.

Глава 3. Заводчики

Если хозяин идиот, то коту пизда.

Помимо тихого деревенского филиала у клиники есть ещё городской, и сегодня я работаю там с ночи в день. Это кирпичный, двухэтажный домик, где есть холл для ожидания, терапевтический кабинет, УЗИ, рентген, операционная; а на втором этаже находятся вакцинальный кабинет, маленькая лаборатория, зоомагазин, ординаторская и груминг, – всё компактно и функционально.

Холл для ожидания здесь почти никогда не пустует, но сегодня с утра там сидит только одна женщина. С кем-то маленьким. Мы, субботняя смена, видим её через видеокамеру, сидя в ординаторской.

За админа сегодня Аля – скромная, исполнительная девочка с длинной косой, старомодно перекинутой через плечо. Карие глаза, обрамлённые пушистыми ресницами, доверчиво смотрят на мир.

Аля идёт узнавать, с кем пришла женщина и быстро возвращается.

– Там со щенком. Кому? – она неуверенно обводит нас взглядом.

В отличие от моей трёхэтажной библиотеки, в её чудесной головке матюги не то, что не живут, но даже и не задерживаются. Улыбчивую Алю любят все. Она всегда готова помочь, при необходимости подержать животное, и большинство людей нагло пользуется её неспособностью отказать. Я её жалею. Таких людей нельзя ставить админом – эта должность грубо, в короткие сроки убивает нервы, порождая либо неврастеников, либо матёрых, толстокожих циников, и Аля, принимающая всё близко к сердцу, стремительно приближается к первому варианту развития событий.

Вопрошающе, она повторно обводит нашу троицу взглядом. Так как в холле никого не было, все мы поднялись наверх, оккупировав диванчик и обеденный стол, а в приёмном кабинете с профилактической целью поставили кварц – слишком много вирусных пациентов идёт в последнее время. Грязная, дождливая осень, слишком быстро сменившая солнечное лето, щедра на такие подарки.

На вопрос Али все демонстративно делают вид, что заняты. Она тяжело вздыхает и говорит, определённо не добавляя энтузиазма:

– Хозяйка щенка – заводчица. Ой! – и звонко заливается смехом от того, что оговорилась так лихо. – Заводчица, я хотела сказать!

Скрестила, что называется, заводчицу и разведенца. Разведенцы скрещивают бессистемно, близкородственно, от чего потомству передаются генетические, а нередко и вирусные неизлечимые заболевания; вынуждают своих животных бесконечно рожать; не делают генетических тестов и кормят животных, с целью экономии, самым дерьмовым кормом. Они никогда не признаются, что продали котёнка, уже больного ФИП или лейкозом, или с генетической аномалией. За всё это разведенцев я люто ненавижу, хоть и называю их заводчиками, – это слово привычнее.

– Ну, кто? – тоскливо вопрошает Аля, поочерёдно оглядывая нас.

Быть админом тяжело ещё и потому, что с одной стороны приходится иметь дело с владельцами животных, которых надо выслушивать, уговаривать и выстраивать в очередь, иногда нарываясь на грубость. А с другой стороны – мы, которым надо этих самых животных раздать. Сегодня, когда все свободны, а на приём пришёл всего один человек – и тот заводчик – сделать подобное так, чтобы никого не обидеть, для Али особенно проблематично.

После затянувшейся паузы, она терпеливо выслушивает сразу две стандартные отговорки:

– У меня скоро придут по записи.

– Я – курить, и ещё мне с анализами разбираться.

Ни одной грамотной отмазки мне не достаётся.

– Я бы и рада, – торопливо навёрстываю упущенное я, – но у моей жопы и дивана свидание в самом разгаре!

С этими словами и плюхаюсь на диван. Девчонки ржут:

– Мужика себе заведи наконец!

– Ладно. Давайте спички тянуть, – предлагает Аля, усмехнувшись и вытаскивая из кармана полупустой, гремящий одинокими спичками коробок. Зачем они некурящей девушке – остаётся загадкой. Она достаёт их, отламывает у одной кончик и зажимает три штуки в руке.

В любом случае выбор упадёт на того, кто высказался последним, а мой авторитет в коллективе пока что довольно жалок. В любом случае, мне будет полезен опыт приёма таких пациентов и общение с разными людьми, да и Алё жалко.

«Да-да! Точно! Будет полезно! Ты же явный социофоб и интроверт-самоучка!» – гундит внутренний голос.

Я бы попросила без ярлыков, эй!

– Давай я возьму, – отвечаю Але, и она с благодарностью бросается мне на шею, закатив глаза.

Спускаюсь, демонстративно шаркая. Выключаю кварц.

* * *

...Щенок гриффона. Дыхание тяжёлое, с хрипами.

– Рассказывайте, – говорю я приветливо, хотя совсем себя так не ощущаю.

«Герпес собак, – интуиция ставит предварительные диагнозы. – Бордетеллёз. Аспирационная пневмония с синдромом угасающего щенка из-за насильного выпаивания молока, неонатальный изоэритролиз...»

Заводчица, полноватая дама средних лет, от которой за версту несёт наглой самоуверенностью, измеряет меня недоверчивым взглядом и с вызовом говорит:

– Нас лечит самый лучший врач, но она сейчас в отпуске, поэтому я приехала к вам. У меня питомник.

«Я переведу, – охотно откликается мой внутренний голос и с интонацией интерпретирует сказанное: „Ты – говняное говно, покрытое сверху говнистой говёшкой и намазанное по бокам говнистым говнецом. Но делать нечего. Скажи чего умного, а я потом погуглю ещё“, – дословно примерно так!»

Вот спасибо тебе большое за вольный перевод; вот что бы я без тебя делала-то?

Собираю анамнез. Итак. Насильно щенка не кормили. Уже хорошо, ибо слабые щенки теряют способность глотать, а аспирационная пневмония лечится очень трудно и не всегда успешно.

– Расскажите, чем лечили.

Потому что заводчики обожают лечить своих животных. Без диагноза. Просто потому что. Не перепробовав всего, они и шагу не сделают по направлению к клинике. Женщина начинает перечислять, а я киваю и всячески поддакиваю, потому что если на этапе опроса начать критиковать хотя бы какое-то из сказанных слов: всё, пипец. Дальше можно будет добиться сознанки только с помощью раскалённого утюга. Она перечисляет увесистый список, в конце которого значится:

– ...Дексаметазон... Что ещё ему поколоть?

– Дозу дексаметазона какую делали? – нейтрально спрашиваю я, покрываясь злобными мурашками отчаяния. Улыбки на мне уже не существует даже в виде гримасы.

– Ноль три миллилитра. Два раза в день. Сегодня третий день.

– Мне нужно его взвесить. Сейчас вернусь. Подождите, пожалуйста, – я беру щенка и, прежде чем моя злость прорывается наружу, выхожу из кабинета, жопой плотно закрыв

за собою дверь. Весы для «мелочи» стоят наверху, в зоомагазине, где я и взвешиваю маленького пациента: весит он всего семьсот пятьдесят граммов.

Коллеги встречают меня вопрошающе: каждый раз, когда кто-то поднимается с приёма, он ищет «помощь зала», хочет совершить «звонок другу» или стремительно закапывается в местной библиотеке. Вместо ответа я аккуратно вручаю щенка Але и пинаю мешок с наполнителем для кошачьих туалетов. И в исступлении тихо ору:

– Дексаметазон! Ноль три миллилитра! Два раза в день!

– Что? – вытаращив глаза, переспрашивают девчонки. – Сколько?

– Но-о-оль! Три-и-и! – и со следующим пинком отбиваю себе палец. – Ай-й!

– Ни один пациент не должен умереть без дексаметазона¹²! – шутят коллеги в виде поддержки. Плоский медицинский юмор, уже баян, как и заводчики с их жадой напичкать всех и каждого дексом... Ширяли бы уже гомеопатию – от неё хоть вреда никакого. Как, впрочем, и пользы...

Глядя в зеркало на стене, я выравниваю дыхание и, изображая аутотренинг, говорю:

– Именно сегодня я отношусь к людям добрее, – кстати, это пятый постулат Рэйки. – Я люблю заводчиц. Я очень люблю заводчиц...

Когда уже, чёрт, гормональные препараты начнут продавать по рецептам? Когда уже все подряд перестанут колоть их при любом пуке, нарушая баланс в организме и роняя нахрен иммунитет? Как это всё выравнивать, а? Вы видели толщину учебников по эндокринологии? А текст там какой! Адренкортико... мать его... тропный гормон!

Отдышавшись, забираю щенка у Али и сдержанно говорю:

– Обработай весы, пожалуйста.

Она испуганно кивает. Герпес заразен для других собак.

Возвращаюсь в кабинет, искусственно улыбаясь.

Долго и кропотливо высчитываю нужные дозы, колю щенку уколы, рассказывая про герпес и бордетеллёз. И тут заводчица говорит:

– Мой врач ставит ему аденовироз.

– Не исключено, – констатирую я, по-прежнему сохраняя невозмутимость: Рейки рулит! – Хотя аденовироз-то вряд ли, учитывая наличие прививок у суки. Герпес или бордетеллёз более вероятны. Вы делали тесты?

– Нет.

– Можно взять пробы на всё это. Но отрицательный результат не будет говорить о том, что их нет, тем более у пролеченного щенка. Пятьдесят на пятьдесят.

Соглашается. Беру пробы. Пишу назначение – это рекомендации из англоязычной книги, – и тут женщина замечает:

– Я была с собаками на выставке три недели назад.

– И? – подталкиваю её продолжать, отрываясь от писанины.

– И они принесли оттуда ринотрахеит. Ну, перечихали все, перекашляли. А сейчас всё нормально.

– Ну так ринотрахеит и герпес – это одно и то же.

Недоверчиво смотрит. Называйте, как хотите: вирус-то один. В завершение мягко пытаюсь отговорить её от дексаметазона:

– Ампула, один миллилитр, идёт на взрослого человека, килограмм этак на семьдесят. Он делается строго по показаниям. А щенок весит семьсот пятьдесят граммов, что примерно в сто раз меньше, – па-а-ауза, длиною в осознание, и я продолжаю: – Дексаметазон убивает иммунитет, который необходим щенку для борьбы с вирусом, а заодно и надпочечники, что вызывает ятрогенную болезнь Аддисона, – иногда для пушего веса приходится блистать тер-

¹² Дексаметазон – гормональный препарат, глюкокортикостероид.

минами. Сейчас этим термином мог стать «Адренкортикотропный гормон», но боюсь, этого мне без запинки и предварительной тренировки не выговорить. Продолжаю обычным, человеческим языком: – Я бы не стала продолжать ему делать дексаметазон. При вирусных болезнях к тому же он строго противопоказан.

Она смотрит куда-то вбок и молчит.

«Так, так! Я переведу! – снова вторгается в мои мысли дружеский внутренний голос: – Я не согласна. Наш врач знает лучше! При аденовириозе декс – самое то!»

Не париться? Ещё немного, и у меня начнётся состояние аффекта!

Отдаю ей назначение.

Я недостаточно хорошо объясняю?

Добавляю в свой спич ещё и про боксы для слабых щенков, кормление через зонд и сыворотку от переболевших собак подкожно. Женщина меня не дослушивает. Она забирает щенка, – щенка, которого методично прикончила своим незнанием, – и молча уходит...

«Бокс? Вы в курсе, сколько он стоит? – озвучивает её мой внутренний голос. И добавляет, немилосердный: – От тебя уже ничего не зависит, так что забей и не парься!»

Поганое чувство, что я опять не достучалась до очередной заводчицы, ввергает меня в депрессию.

– Да не парься, – весело кричит Аля, пробегая мимо и невольно повторив фразу из моей головы.

Я люблю заводчиков. Я очень люблю заводчиков...

* * *

В этот момент начинают идти люди. Девчонки исчезают в хирургии, а мне достаётся кошка с кровотечением из матки. Кошка красивая, дымчато-серая, с чёрной головой и хвостом, – бирманской породы. Шерсть мягкая, словно пух.

– Давно? – спрашиваю я, наблюдая, как кошка прямо на глазах теряет по каплям кровь.

– Третий день, – сознаётся хозяйка.

«Третий? День?»

Заглядываю кошке в рот – слизистые бледные, со смертельно-зелёным оттенком.

– Это экстренное состояние, – раздумывать некогда, и я говорю быстро, – срочно ищите донора и... Она могла отравиться крысиным ядом? Она не беременна? Котята? Прививки есть? Может, змея укусила? Генетический тест на болезнь Виллебранда¹³ делали?

Выясняется, что кошка недавно родила, и в следующую течку снова была повязана с котом.

– Сделайте ей укольчик, – нетерпеливо говорит женщина.

Глубокий вдох. Да что ж вы со мной сегодня делаете-то!

– Ваша кошка потеряла очень много крови, – говорю медленнее, но очень внятно. – Она нуждается в удалении матки и полном обследовании. Нужно установить причину, взять анализы, но уже сейчас понятно, что ей необходимо переливание, иначе она может не перенести операцию...

– В интернете пишу... – перебивает меня женщина.

– Вы что, не понимаете, что она умрёт? – я срываюсь на крик, и тут же беру себя в руки: нельзя орать на людей во время приёма: – Извините...

Чёрт... Я же люблю людей. Или нет?

«Не любишь. Ты потому в ветеринары и подалась: из ненависти к людям», – успокаивает, как может, внутренний голос.

¹³ Болезнь Виллебранда – врождённая «гемофилия».

– Вашей кошке необходимо обследование, переливание крови и операция, – смотрю женщине прямо в глаза, чтобы донести, что всё из перечисленного не моя экзотическая прихоть, а крайняя необходимость. Сколько раз мне ещё повторить это?

– Уколите ей что-нибудь, – отвечает женщина.

– Разумеется, я сделаю ей укол, – в голове уже крутится альтернативный список, который, вероятнее всего, не поможет. – Но это её не спасёт. Анализ крови?

– Нет, не надо.

«Так... тихо, тихо», – внутренний голос едва успевает не дать мне взорваться снова. На каменных ногах я выхожу из кабинета, набираю в шприцы два кровоостанавливающих препарата и один гормональный, возвращаюсь и заодно приношу журнал:

– Пишите: «От обследования животного отказываюсь. От овариогистерэктомии отказываюсь. Число. Подпись».

– Зачем это?

«Затем!»

– Снять с нас ответственность, – поясняю более чем сдержанно.

Пишет. Беру в руки первый шприц.

– Я сама сделаю, – опережает меня женщина.

– Сами?

– Так дешевле, – поясняет она. – Вы же и за укалывание берёте.

«Чёрт с тобой, – я поскрипываю зубами. – Ещё этого не хватало!»

На ум приходит случай, когда мужчина сам колот коту якобы подкожно, в холку, а на самом деле тыкал прямиком между рёбер, каждый раз прокалывая лёгкие. Такая ежедневная перфорация вызвала проникновение воздуха из лёгких в подкожную клетчатку. Через пару недель кот покрылся пузырями, при поглаживании хрустел и крепитировал. Тогда всё закончилось более-менее благополучно – из-под кожи воздух удалось частично откачать, а остальной рассосался.

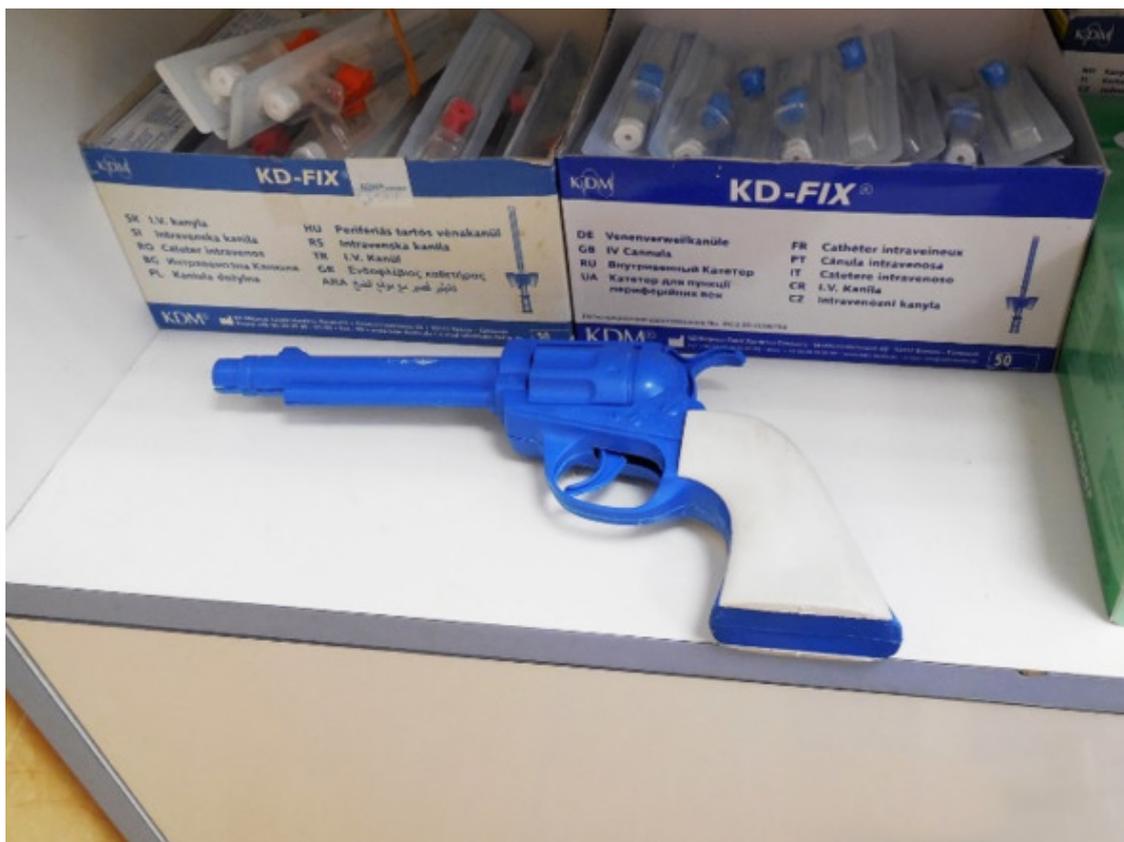
Объясняю, как делать и даже придерживаю кошку, пока женщина колет препараты. Сэкономила, молодец, чо... Возьми с полки пирожок. Там два – возьми тот, что посередине.

– Я пошла? – спрашивает она, беря на руки кошку, из которой продолжает щедро и методично капать кровь.

На столе алым пятном красуется лужица. Как я могу их отпустить?

– Скажите, – спрашиваю осторожно, – почему Вы отказываетесь от операции? Это спасло бы её. Она же иначе умрёт.

– А зачем мне кошка, которая не сможет рожать котят? – удивлённо отвечает женщина вопросом на вопрос.



Последний рубеж.

– В смысле? – о, это уже интересно... По коже пробегает взбодораженная волна ледящих мурашек.

– Я – заводчица, и кошки нужны мне для воспроизводства. Зачем мне кошка без матки? Оу... По крайней мере, честно.

Очень медленно я беру в руки журнал, сжимаю его и молча выхожу из кабинета. Аля, которая по случаю оказывается рядом, на этот раз не находитесь, что и сказать.

Я люблю заводчиц... Я очень люблю заводчиц...

* * *

– Поджелудка это! Поджелудка, говорю Вам! – визгливая худая барышня с редкими волосами, когда-то крашенными в рыжий, упорно тычет мне в лицо маленькой, безучастной к происходящему кошкой.

Моя интуиция, которая в назначении пишется как «предварительный диагноз», утверждает, что у кошки ХБП – хроническая болезнь почек¹⁴.

– Что ест? – стандартно собираю анамнез я.

Главное, задать вопрос не «чем кормите?», а именно «что ест?» И ещё, главное, в процессе расспросов никак не реагировать на то, что слышишь. Быть безоценочной. Это позволяет услышать больше. Кошка как бы сама ест несбалансированный корм. Ходит в ближайший супермаркет, затаривается разрекламированными паштетами и ест. Рекламы пересмотрела на ТВ. Никто не виноват.

Я позволяю себе огласить своё мнение только когда владелец высказался полностью. Итак...

– Она уже месяц ничего не ест! – визжит женщина.

¹⁴ ХБП, или ХПН (хроническая почечная недостаточность).

Хочется зажать уши, чтобы только не слышать сей резкий голос.

– Раньше что ела? – старательно перефразирую я вопрос.

Если сейчас она скажет: «Не знаю», боюсь, что по инерции выдам: «А если бы знали?», но женщина, недолго думая, начинает перечислять:

– Мясо, рыбу, – и затем в списке звучит один из массово разрекламированных кормов эконом-класса.

«ХПН», – более убедительно поддакивает мой внутренний голос, огласив всё более созревающий диагноз.

– Стала больше пить, да? – задаю следующий вопрос.

– Откуда Вы знаете? – спрашивает женщина удивлённо.

«Определённо ХПН... Однако, что-то не сходится. Слишком быстрое развитие болезни... Слишком быстрое...»

Действительно: кошка камышового цвета, возраст всего семь лет... Генетика у таких беспородных товарищей позволяет им доживать до глубокой старости. При должном уходе, разумеется.

– Ещё что ела? – мой пытливый ум стандартно достаёт вымышленный «утюг для сбора анамнеза».

– Я прочитала в интернете про мочекаменку! – кричит женщина всё тем же отвратительным голосом, вынуждая непроизвольно морщиться.

– И-и-и? – фраза «прочитала в интернете» едва не выводит меня из хрупкого равновесия, но я стоически сохраняю спокойствие.

«Ты спокойна и безмятежна, как цветок лотоса у подножия храма истины», – потусторонним голосом звучит внутри.

– Я стала давать ей лечебный корм! – и женщина называет марку корма, явно преисполненная гордостью.

– Давно даёте? – невозмутимо спрашиваю я, глядя на кошку и всячески избегая смотреть на её хозяйку, чтобы не выдать себя и своё отчаянное негодование, которое так и норовит запачкать белоснежные лепестки безмятежного лотоса.

– Третий год как!

Больше вопросов нет. Лечебный корм, который даётся не дольше пары месяцев и строго под контролем анализа мочи, при долгом применении резко сдвигает кислотно-щелочное равновесие в обратную сторону. Тип мочекаменной болезни, если она вообще была, меняется, и образуются уже другие кристаллы, не растворимые. Затем, как при любой мочекаменной, поражаются почки.

Передо мной на столе сушёная, тощая кошка, с липкими от обезвоженности глазами и свалявшейся шерстью – сплошной колтун... под хвостом – комок из шерсти, пропитанный кровавым жидким калом... во рту уремиические язвы и специфический запах «зоопарка»... Кошка сидит, уставившись в точку и сосредоточившись на внутренних ощущениях, вызванных жестокой интоксикацией.

Щупаю почки. Вместо них под пальцами обнаруживается нечто сморщенное, размером с две маленькие фасолинки. Полная атрофия, если не сказать хуже... Тут и без анализов всё понятно.

– Предварительный диагноз: терминальная стадия хронической почечной недостаточности. Прогноз неблагоприятный, – выношу вердикт я и добавляю: – Мне очень жаль.

Что должно звучать как необходимость эвтаназии¹⁵. Редко кого я уговариваю на подобное, но эта кошка просто нуждается в быстрой и безболезненной смерти – она просится на это,

¹⁵ Эвтаназия, или эвтаназия (от греч. eu – хорошо и thanatos – смерть) – безболезненная медикаментозная помощь в умирании.

как никто другой. Позволять ей жить дальше равнозначно жестокому обращению с животным, однако женщина меня как будто не слышит:

– Поджелудка это, говорю Вам! У моей прошлой кошки было то же самое! Шесть лет прожила, а потом – бах! И поджелудка отказала!

Зашибись. Выходит, это уже вторая, угробленная тобой кошка. Моя ты «дорогая»!

– Нельзя кормить кошку одним мясом и рыбой – в таком рационе слишком много белка, – говорю я. Эта информация уже не поможет данной кошке, но, возможно, уберёжёт последующих. – И лечебный корм без диагноза давать нельзя, тем более так долго.

– Поджелудка! – словно заведённая, кричит женщина.

Да ёб твою мать же, а! Вдо-о-ох! Медленно, в уме, считаю до десяти, но на цифре «три» срываюсь:

– Из того, что я вижу, это скорей всего почки! Если есть сомнения, давайте возьмём анализы крови.

«...Но это лишние расходы», – внутренний голос проговаривает фразу, которая следует автоматически.

На анализы женщина соглашается, как и на однократную капельницу. Закон подлости: кому это надо – не уговоришь, а тут уже без вариантов – и вдруг согласна...

Беру кровь. Затем тихонечко вливаю в кошку минимум жидкости, чтобы облегчить ей тот период жизни, в течение которого будут делать анализы, – кошка совершенно безучастна и даже не сопротивляется, как могла бы. Пока я медленно нажимаю на поршень шприца, у женщины звонит телефон.

– Алё? – кричит женщина на всю клинику в трубку телефона. – Привет! Я с Муськой в клинике. Поджелудка у неё! Я же говорила.

Надо было сказать: «Терминальная стадия поджелудки». Когда уже я начну находить общий язык с клиентами?

– Позвоните вечером по поводу анализов, – устало говорю напоследок, написав короткое назначение: «Предварительный диагноз: Терминальная стадия ХПН. Рекомендована эутаназия».

Провожая их до дверей.

Дальше мужчина с догом на стрижку когтей; забираем переноску с кошкой, на кастрацию, – больше в очереди никого.

– Аля, зови следующих!

В кабинет заходит странная женщина – в бордовом балахоне, с чёрным котёнком на руках. Её руки покрыты ранками и трещинами, похожими на детские цыпки. Скидывает с головы капюшон: волосы красные, дикий пугающий взгляд и лицо в крови, – в целом как будто не человек пришёл, а оборотень.

– Что случилось? – спрашиваю я, стараясь не смотреть ей в лицо.

– Да вот, – женщина ставит котёнка на стол и, спохватившись, прячет руки в рукавах балахона.

– Мальчик? Девочка?

– Я не знаю.

– Давайте посмотрим, – я принимаюсь разглядывать взъерошенный, лопоухий комок со слезящимися глазами, с которого на стол спрыгивает блоха – шевелит лапками, вращается на боку. – Ест, пьёт? Рвота, понос?

Блоха, оттолкнувшись, с завидной траекторией улетает в открытый космос.

– Не знаю я, – пожимает плечами женщина. – Только нашла.

– Мяу, – воинственно вопит котёнок.

Меряю ему ректально температуру, щупаю живот, изучаю глаза и рот. Заглядываю под хвост:

– Девка. А окрас-то! – под слоем грязи на хвосте проглядывает белая кисточка: – Пролечить – и вырастет в красавицу-кошку.

Пишу назначение, отпускаю их и пока никого – иду в ординаторскую, где Аля смотрит в мониторе видеонаблюдения, как женщина, сидя на крыльце, то ли смеётся, то ли плачет, – и не поймёшь.

– Ты заметила? – говорит она полусшёпотом. – Такая странная. Лицо в крови. И будто бы не в себе, что ли. А зрачки такие... тонкие, как иголки!

– После суток и не такое привидится, – отвечаю я, деревянно осев на диванчик и стаскивая ортопедический воротник. – Каждый из нас чуток не в себе, Алечка. Покажи мне кого нормального. Давай быренько чаёк-кофеёк и поскакали кошку делать, пока никого нет.

– Так выглядит стрёмно, – добавляет Аля, оторвавшись от монитора и жамкая на чайнике кнопку включения. – А котёнка пожалела, подобрала. Не поймёшь этих людей.

– Элурантроп наверное, – усмехаюсь я.

– Кто-кто? – переспрашивает Аля.

– Ну, человек-оборотень, который превращается в кошку или, там, в тигра, – и я, не удержавшись, щипаю её за бочину: – Р-р-р!

Она взвизгивает и отпрыгивает, едва не уронив на пол чашки.

У нас однажды воду отключили, а хирургу на последней операции фонтанчик крови лицо оросил – щедро так. Хирург со смены так и ушёл, не отмывшись. Тоже поудивлялся, чего это люди шарашатся.

А мне как-то, помнится, атропин прилетел в глаз – так коллега выпускала воздух из шпричика с препаратом. Зрачок в этом глазу расширился, и я едва смогла дальше вести приёмы – ни черта этим глазом не видела. То ещё зрелище было, скажу я вам.

...Пока чай-кофе, Аля привычно созванивается с лаборантами, которые по телефону диктуют ей результаты анализов крови. Зажав телефон между плечом и ухом, она старательно вырисовывает цифры на бланках, и я, подглядывая, мельком просматриваю анализы кошки с подозрением на ХПН. Основные почечные показатели предсказуемо зашкаливают; прогрессирующая анемия и нарушение обмена веществ подтверждают грустный диагноз. Надеюсь, говорить по поводу этого с ней буду не я: опыт подсказывает, что когда об одном и том же говорят разные доктора, до хозяина пациента доходит быстрее.

Под конец смены уставшая Аля приносит мне телефон:

– Хотят с врачом поговорить.

Я натягиваю колготину. Смена была тяжёлой, поэтому я натягиваю её уже минут сорок, – со стороны это выглядит, как неподвижное сидение на диване, у которого продолжается бурный роман с моей жопой. Все остальные давно ушли.

– Алё? – отвечаю в трубку и узнаю голос той самой заводчицы, которая приходила с кровотечением.

– Скажите... моя кошка лежит на боку, глаза стеклянные... не моргает... и вроде не дышит. Она что, умерла?

* * *

Вчера опять работала сутки. В промежутке между пациентами изучала схему лечения атопиков¹⁶, со скрипом запоминая названия препаратов. «Почесологи» – так забавно именуется в узких кругах профессия дерматолога – говорят, что аббревиатура атопического дерматита говорит сама за себя, – это АД для всех.

¹⁶ Пациенты – аллергики, страдающие атопическим дерматитом.

Быть хорошим врачом – это постоянно учиться. Все эти пустулы, папулы, гранулёмы и, не побоюсь этого слова, бляшки сами себя не выучат и не вылечат.

Опять же этими словами можно вполне себе безопасно ругаться, – так я достраиваю в своей библиотеке матов ещё одну полочку, четвёртым этажом, рядом с которым тут же услужливо возникает устойчивая стремянка. Хоть какой-то стимул.

На ночь в стаце оставался кот после задержки мочи, и вторую половину ночи я вставала каждые полчаса, чтобы проверить его или поменять шприц на инфузомате. Это было ужасно. В моем возрасте не спать сутки чревато, но есть ультиматум: или ночные смены, или досвидос.

Досвидос после каждой ночной смены звучит всё заманчивее.

На заре моей карьеры предложение работать по ночам звучало даже забавно – как можно принимать экстренных, когда едва освоила постановку катетеров? Меня стали ставить в смену со старожилами, за счёт чего навыков заметно прибавилось. Теперь мне самой доверяют натаскивать новичков, – стандартный обычай передачи опыта в коллективе. Ночь уже не пугает, как раньше, но сон пропал, и теперь ещё снятся кошмары. Это адски выматывает.

Я хочу спать, спать и спать. И спать, и спать. Круглосуточно. И когда такая возможность возникает – лежу в обнимку с бессонницей и воспоминаниями о своих тяжёлых пациентах. Надо найти мужчину. Такого, чтобы не позволял мне тяжело работать. Чтобы я полотенчики, там, беленькие на кухне вешала на крючочки... Кроватку застилала без складочек... Вот тогда я смогу спать без кошмаров и переживаний.

«Ага, мечтай!» – прерывает иллюзорные мысли внутренний голос.

Видение полотенчиков тает, сменяясь красочной картинкой кровавой парвовирусной дрисни, огромную лужу которой выдал наледни ротвейлер во время капельницы. И не успела я закидать её пелёнками, не давая растечься по всей терапии, как пёс начал щедро блевать жижей, похожей на кровавый кисель. После их ухода, кабинет погрузился в жутчайший коктейль из запахов: специфический аромат эвакуированных из организма выделений щедро смешался с едкой хлоркой и озонистым ароматом кварцевой лампы, рядом с которой я повесила свой халат, напысканный дезинфектантами. На входной двери полчаса висела грозная надпись, где жирным красным маркером значилось: «Кварц опасен для глаз! Не входить!» с нарисованным, не менее красным слезящимся глазом. Этот глаз наглядно демонстрировал, что будет у того, кто захочет «просто спросить», пытаясь вломиться без вызова.

Остаток смены я вождельно расчёсывала красные пузыри на руках и лице, констатируя аллергию на хлорку. Для кошек она, кстати, тоже ядовита. Озон ядовит тоже, и кабинеты после него надо проветривать.

– Жареными микробами пахнет, – мечтательно озвучила тогда Аля свои ассоциации с запахом кварца.

По её мнению, когда рана при обработке щиплет – это тоже микробы, которые «дохнут в муках».

* * *

... Вот уже ночь, выходной, а я, вместо того, чтобы мило похрапывать и пускать слюнку на мощном мужском плече, смотрю вебинар про стареющих кошек. Основная мысль: у пожилых кошек надо рутинно брать кровь на тироксин, и теперь есть корм для больных гипертиреозом.

«Н-да, тяжёлый случай. Пожалуй, мужчина необходим», – замечает внутренний голос где-то на задворках параллельно осознанию того, что и корм при гипертиреозе кошек далеко не панацея.

Глава 4. ЧМТ¹⁷

Заворот желудка – это заболевание ночное. Царство вагуса¹⁸
(П.Р.Пульняшенко).

Наш городской филиал работает круглосуточно, моя смена – ночная, и вечер встречает традиционно полным холлом народу. Это и повторники, которым назначены процедуры два раза в сутки, и те, за кем владельцы наблюдали весь день, в надежде, что всё пройдёт само, и те, кого обнаружили блюющим или дрищущим, придя домой после работы.

Ночная смена у меня сегодня с Серёгой: я выхожу как терапевт, он – за хирурга. Работать с ним одно удовольствие – это один из тех опытных, молчаливых врачей, которые говорят строго по делу.

Сергей среднего роста, с короткими, взлохмаченными волосами, одет в слегка помятый халат, из кармана которого всегда торчит какой-нибудь шприц – или пустой, для раздувания манжетки интубационной трубки, или, перед операциями, с чем-нибудь вкусным, набранным для дачи премедикации. Смеётся Серёга крайне редко – вынужденный циничный юмор, присутствующий хирургам, делает его харизматичным, а редкие шутки просто убойными.

С удовольствием приходится признать, что хирургия – его призвание, особенно, что касается сборки в первоначальное состояние костей конечностей и раздавленных тазов у бедолаг, упавших с большой высоты или попавших под колёса машины. Разглядывая снимки пациентов до и после операции, особенно с костями, разломанными в хламину, я всё больше укрепляюсь в мысли, что невозможно быть хорошим врачом сразу во всех областях, и что будущее ветеринарии – за узкой специализацией. Сейчас я стараюсь так и делать: если пациент хирургический, то отдаю его тем, кто в этом поднаторел. Исключение составляет, пожалуй, гнойная хирургия – всякие наружные повреждения не ввергают меня в транс так сильно, как необходимость проникновения в брюшную или, не дай бог, в грудную полость животного. И кости уж как-нибудь сверлите там без меня, пожалуйста!

Рентгеновские снимки Сергей читает легко, подробнейшим образом описывая мельчайшие детали из увиденного. Что-нибудь как выдаст невозмутимым тоном, типа: «Остеофитный рост с дорсо-медиальной поверхности эпифиза лучевой кости по типу энтезиопатии длинного абдуктора первого пальца»¹⁹. . . И всё это – при том, что и в терапии, и в ведении экстренных пациентов он тоже ас. Незаменимый, короче, кадр.

– Кто? – спрашиваю Алю, которая заходит в кабинет, держа мятую, исписанную огрызком карандаша бумажку с криво написанным списком. Заглядывать в него бесполезно: почерк настолько врачебный, что можно лишь позавидовать.

– Два вирусных дристуна, тяжёлый кот, сбитый машиной, и сейчас ещё подъедут со щенком, сбитым электричкой, – речитативом, с готовностью, перечисляет она. И затем радостно добавляет: – И бордоский дог звонил.

– Что хотел? – настораживается Сергей, и вслед за ним автоматически настораживаюсь я. Как будто щенков, машин и электрички мало!

– Не знаю. Вроде пучит его, – Аля пожимает плечами, не разделяя нашего беспокойства. – Сказала: приезжайте, посмотрим.

¹⁷ ЧМТ – черепно-мозговая травма.

¹⁸ Вагус (блуждающий нерв) – он очень длинный, идёт от черепа до середины желудочно-кишечного тракта – отсюда и название.

¹⁹ Даже не спрашивайте.

На лице у невозмутимого Сергея отражается лёгкое волнение, которое молниеносно передаётся и мне: уж не ОРЖ²⁰ ли тут... Нужно срочно всех принять и покинуть инструменты для экстренной операции.

– Давай кота, – торопливо прыскаю на стол дезраствором и протираю его салфетками: экстренные всегда в приоритете.

... Совсем ещё молодой рыжий кот, сбитый машиной. ЧМТ, легочное кровотечение, шок. Прогрессирует нервное возбуждение – завёрнутый в полотенце, кот с громкими криками вырывается, скрежеща когтями по столу, и пожилой хозяин едва удерживает его. Эта гиперактивность – последствия повреждения головного мозга. Крики ужасны.

– Лёлик... Лёлик, – безуспешно пытается успокоить котёнка мужчина.

Колю препарат, снижающий двигательную активность – микродозу, – что даёт возможность поставить внутривенный катетер и начать выводить из шока. Под действием препарата котёнок успокаивается.

Серёжа уходит готовить операционную к приёму собаки с потенциальным ОРЖ – какое-то время оттуда слышится металлический лязг инструментов, необходимых для гастропексии²¹.

Подключаю котёнка к инфузому²², посадив его в кислородный бокс. Чуть позже запилим рентген, а сейчас и фиксировать страшно.

– Вы такая молодая и так много знаете, – между делом замечает владелец котёнка.

Редко когда я смотрю на проходящих в клинику людей, но этот – пожилой интеллигентный мужчина – привлекает внимание своей вежливостью и доверием к моим манипуляциям.

– Спасибо, – искренне благодарю его за комплимент, покрываясь от смущения пунцовым румянцем.

– Мы заплатим любые деньги, – говорит он в ответ. – Вы только делайте всё, что нужно.

У него звонит телефон, и он начинает деликатно объяснять жене про состояние котёнка – такими словами, что мне и не подобрать. То есть, он понял, что состояние тяжёлое, но не хочет её расстраивать, поэтому в разговоре налегает на положительные моменты:

– Здесь такие умные и понимающие врачи, – голос звучит тепло, искренне, и я ещё больше смущаюсь, слыша это. – Они делают всё возможное. Не волнуйся. Стабильное состояние, говорят, – хотя моя фраза только что прозвучала как «Стабильно тяжёлое»...

Лёлик остаётся на ночной стационар, и его хозяин перед уходом оставляет денежный залог:

– Звоните в любое время, и ночью. Денег не хватит – мы найдём.

– Хорошо, – я готова прослезиться: одет он небогато, и крайне маловероятно, что имеет лишние деньги – именно такие люди обычно долгов и не оставляют. К тому же, это говорит о приоритетах: кому-то важнее деньги, а кому-то – жизнь, пусть даже это котёнок. Отпускаю его.

Жаль, что параллельно с мыслями о лечении приходится думать о том, как уложиться в те деньги, которыми готовы пожертвовать люди. Вот бы о деньгах вообще не думать... Эта мутная история про Айболита, который всех лечил бесплатно, всячески противопоставляя себя меркантильной сестре Варваре, ещё с детства изрядно искажает у людей представление о стоимости ветеринарных услуг.

При любом экстренном состоянии, в том числе и ЧМТ, в процессе постоянного мониторинга повторные анализы и дополнительные исследования просто необходимы, и это стоит

²⁰ ОРЖ – острое расширение желудка.

²¹ Гастропексия – операция по подшиванию желудка к брюшной стенке.

²² Инфузомат – прибор для дозированного введения растворов и препаратов при проведении интенсивной терапии и анестезии.

серьёзных вложений. При ЧМТ прогнозы всегда самые осторожные – никаких гарантий давать нельзя, даже если сейчас всё хорошо. Мозг – такой мозг...

Однажды мне довелось лечить чёрного маленького котёнка, которого пьяная хозяйка, вернувшись домой, от души пнула так, что он ударился головой об печку. До сих пор вспоминаю белый, округлый, меловой след на его голове. Удар был такой силы, что кости черепа вмялись внутрь, и, разумеется, не обошлось без ЧМТ с сотрясением.

Несколько минут безучастного лежания возле печки сменились истошными криками и судорогами а-ля «безудержное стремление вперёд», – в таком вот виде котёнка мне и принесли.

Дело было в деревне, и всё, что я могла сделать – это ввести его в наркоз, чтобы снять судороги. Пока бежала по сугробам до ветаптеки, кабинет которой находился в помещении фермы, котёнок несколько раз неосознанно рвался из рук и истошно вопил, – выглядело это так, будто я его мучаю или пытаюсь задушить.

В наркозе он пробыл сутки, на вторые – впал в кому, а на третьи умер, так и не придя в себя. Мне запомнилось, как из его ушей линияли отодектозные²³ клещи в виде белых, отлично видимых на чёрной шерсти точек. Так и вижу, как медленно и верно клещики собрали свои микроскопические чемоданчики и понуро устремились на поиски нового хозяина, словно цыгане или гастарбайтеры, – прочь из уже непригодных для жизнедеятельности ушей.

Даже сейчас, при всём нынешнем богатом арсенале, с аппаратами МРТ, КТ, ингаляционным наркозом и новыми методиками оперирования головного и спинного мозга, тяжёлые травмы, несовместимые с жизнью, часто заканчиваются летально.

* * *

– Со щенком приехали, – запыхавшись, оповещает Аля, будто сама тащила сюда сбитого электричкой пациента прямо от железнодорожного полотна.

– Зови, – коротко бросаю ей, протирая стол.

...Трое – два парня и разукрашенная до безобразия девушка с копной фиолетовых волос – заносят щенка. У него отрезан хвост – оголённые хвостовые позвонки и шерсть вокруг испачканы кровью – и, похоже, лёгкая черепно-мозговая травма.

– Он в шоке, – выношу вердикт я и добавляю: – И надо ушить культю хвоста. И обследовать его на внутренние повреждения. – И после некоторой заминки: – Сейчас примерно скажу, сколько это может стоить...

– Вы что, не можете полечить его бесплатно? – с наездом спрашивает девушка, повышая голос с первых слов. Судя по имиджу, она принадлежит к субкультуре «Винишко тянь²⁴».

История стара, как мир: люди думают, что их миссия состоит исключительно в том, чтобы донести животное до клиники, а там уж, конечно, со всех сторон к нему сползутся бесплатные медикаменты и те врачи, которые и подлечат, и пристроят, и насчитают плюсики к карме за душевную доброту пришедших. Врачи эти обязаны быть профессионалами и должны питаться исключительно воздухом. На худой конец – солнечной праной. И самое главное: они должны быть абсолютно лишены гена алчности, подобно пресловутому доктору Айболиту.

– Серё-о-ож! – зову на помощь. – Сколько будет стоить всё это? Плюс-минус?

– Ну... – говорит он, бегло осмотрев щенка. – Он бездомный. Можно прооперировать со скидкой, по дневному тарифу...

О, это было бы идеально для обеих сторон!

– Вы не понимаете! – взрывается девушка, возмущённо глядя сквозь оправу больших очков, в которых нету стёкол. – Мы уже принесли его!

²³ Отодектоз – ушная чесотка.

²⁴ Винишко — своеобразная субкультура подростков с короткими стрижками и яркими волосами. Тянь – уменьшительно-ласкательный суффикс из японского языка; ошибочно употребляется в значении «девушка».

– И что? – требую продолжения я. Мы же пытаемся идти навстречу!

– Вы бессовестные! – выдаёт она новый аргумент, потрясая в воздухе прекрасно намажюреными руками. К слову, о приоритетах...

– Мы бессовестные? – я удивлённо поднимаю брови кверху, и это отнюдь не наигранная реакция. Да Вы, девушка, дипломированная нахалка!

– Усыпайте! – вдруг выдаёт она, наскაკивая на меня боком.

– Он не безнадёжный, – отвечаю ей, отступая на шаг.

«В отличие от тебя, детка».

Щенок в сознании, вполне адекватный. Возможно, обошлось без внутренних повреждений. Вывести из шока, ушить культю, надеть воротник на шею, – вот что ему надо. Помимо адекватного куратора, конечно.

– Так давайте сделаем, будто бы он безнадёжный, – девушка пытается договориться со мной об убийстве!

«Что?» – насмешливо парирует ей мой внутренний голос.

Это напоминает про случай, когда мерседес сбил мальчика на пешеходном переходе. Уже на следующий день белую зебру покрасили и убрали дорожные знаки, будто их там и не было. Кроме того, в крови мальчика «обнаружили» алкоголь.

– Он не безнадёжен, и я не стану его убивать, – подвожу черту я.

– Ах так! – и далее следует угроза: – Да я про вас такое в интернете напишу! Про вашу клинику! И про вас!

Интересно, что? «Жесть, посоны, смотреть до конца: врач отказалась убивать»? Это что вообще? А должна была? Дайте ссылочку на документ, вдруг у меня и правда есть священное право кого-нибудь грохнуть! Руки иногда так и чешутся! Умиляюсь подобным наездам.

– Посмотрите туда, – хладнокровно я указываю на камеру видеонаблюдения. – Все ваши угрозы записываются. Нам бы очень хотелось помочь, но по всей вероятности это невозможно... Собаке нужен куратор.

Девушка ещё какое-то время быкует, но фраза про камеру заметно сбивает с неё спесь. Пока один из парней тащит её под локоть по направлению к выходу, а девушка делает вид, что активно сопротивляется, другой забирает щенка со стола, гнусно пробубнив:

– Да пошли, обратно его отнесём.

«Отличная манипуляция».

И все они исчезают, оставив горькое послевкусие от своего визита. Внутри ощущается мерзкий осадок и нечто, похожее на чувство вины. От белоснежного лотоса не остаётся ни лепесточка.

Есть такое незыблемое правило: не можешь помочь – пройди мимо. Вместо того, чтобы перекладывать проблемы на других, просто не берись за то, что тебе не под силу!

– Что? Это? Было? – вопрошаю в отчаянии от того, что ничем не смогла помочь щенку. Похоже, этот вопрос звучит риторически.

«Потребительский экстремизм, вот что это было».

– Пойду рентген котёнку сделаю, – вместо ответа Серёжа отлучается к стационарнику, а Аля невозмутимо говорит:

– Зову дристунов? Они давно сидят: пропустили экстренных.

– Назначения с собой? – нетерпеливо вытягиваю руку, чтобы быстрее начинать набирать шприцы для струйного вливания жидкостей. Переключаться приходится быстро. Ещё и бордос маячит на задворках где-то.

– Из другой клиники, – Аля разводит руками, что означает: это не повторники, и придётся разбираться с самого начала. – Там никаких назначений не дали.

Пока она зовёт людей, я грустно осознаю, что стала циничной – это хуже всего. Прямо как Варвара.

... Два парвовирусных²⁵ беспородных щенка, неделю лечатся в другой клинике. Один уже практически овощ: обезвожен до безобразия, лежит на боку.

– Шансов почти нет, – говорю про него очевидное. – Единственное, что может помочь – это переливание крови от переболевшего донора. Ещё нужно сделать полный анализ крови, но... он может не дожить до результатов.

Хозяйка – молодая, грустная женщина – понимающе кивает. Пока я ставлю внутривенные катетеры обоим щенкам, которые уместаются на одном столе, она звонит кому-то по телефону: и рука, и голос дрожат. Поочерёдно вливаю щенкам растворы для снятия обезвоженности, наблюдая за состоянием.

Аля убегает в холл с кварцевой лампой и вешает на входную дверь предупредительную табличку с красным глазом. Парвовирусный энтерит очень заразен, и сам вирус живёт в окружающей среде около трёх лет, так что я мысленно хвалю Алевтину за проворство. Пусть холл немного покварцуется, а ночью-то мы основательно всё отдраим... Поставив кварц, Аля прощается с нами и, зачем-то извиняясь, уходит, – её смена закончилась.

Через двадцать минут в холле клиники громко хлопает дверь и, минуя кварц, в кабинет врывается женщина с огромной московской сторожевой овчаркой:

– Доноры! Мы доноры! – кричит она с порога и, запыхавшись, запоздало здоровается со всеми нами: – Здравсьте.

Никогда ещё доноры не находились так быстро.

Провожу их в другой кабинет – доноры не должны контактировать с вирусными животными, даже если они привиты или переболели тем же самым. Конечно, после переболевания парво заболеть второй раз надо ещё умудриться – слишком злой вирус вырабатывает стойкий, пожизненный иммунитет, – но, тем не менее, таковы правила.

Накладываю на толстую собачью лапу жгут и в три больших шприца с антикоагулянтом²⁶ сливаю с терпеливого донора шестьдесят миллилитров ценнейшей крови. Конечно, с такой собаки можно было бы слить и два литра, но я жадничаю не сильно, – по одному шприцу достанется щенкам, а третий убираю в холодильник. Донор, так и не понявший, почему его выдернули из дома в глубокую ночь, с забинтованной лапой бодро уходит из клиники, увлакивая бегущую следом хозяйку.

Кровь от переболевших парвовирусной инфекцией доноров настолько ценная, что для котят сыворотку или плазму из неё замораживают в инсулиновых шприцах – и этой дозы, сделанной хотя бы дважды, вполне хватает для борьбы с жестоким вирусом. Для щенков доза идёт побольше.

Третий шприц я собираюсь так и разбодяжить, оставляя его отстаиваться, но не успевает он даже остыть, как приходит ещё один щенок, и тоже безнадёжный: кровь, вперемешку с кусками слизистой оболочки кишечника выливается из него лужей.

– Вам крупно повезло, – говорю я, – у нас как раз сейчас есть кровь от переболевшего донора. Соглашайтесь на переливание.

– У меня денег не очень много, – женщина начинает плакать.

«Какое совпадение. И у меня», – звучит в голове, знаменуя эру вынужденной меркантильности, вызванной крайней степенью нищеводства.

– Просто скажите «спасибо» вот этой женщине, – говорю я устало, указывая на её соседку по несчастью.

Они знакомятся и в следующие пятнадцать минут мило болтают о том, как заболели их щенки.

²⁵ Парвовирусный энтерит – высококонтагиозное вирусное заболевание собак с тяжелым течением.

²⁶ Антикоагулянт – препарат, предотвращающий свёртываемость крови.

В этот момент приезжает ожидаемый бордос в сопровождении мужчины и женщины.

Я слышу, как Сергей проводит их в параллельный кабинет. Собака раздута, словно бегемот и тяжело дышит: Сергей втыкает ей в бок бранюли²⁷, из которых тут же начинает сифонить газ; быстро ставит два внутривенных катетера на обе лапы. Капельница перед операцией. Сейчас ему срочно понадобится моя помощь, а я тут с тремя дристунами вожусь...

Только бы больше никто не пришёл, особенно из экстренных. Пока я оформляю щенков, Сергей бреет собаке живот и набирает в шприцы премедикацию. Счёт идёт на минуты.

Вот щенки отпущены, хозяин бордоса отправлен в холл, хозяйка, залитая слезами – в круглосуточную аптеку за препаратом от вздутия, и кварц перенесён в кабинет.

Мы погружаемся в кошмар всех ночных смен: острое расширение с заворотом желудка.

ОРЖ – это одно из тех экстренных состояний, которое требует срочной, грамотной операции. Прооперировать ночью огромного дога с заворотом желудка и сделать ему грамотную гастропексию, часто с удалением некротизированной селезёнки, да ещё так, чтобы он не окочурился от раздражения вагуса на операции и от тромбоэмболии²⁸ после неё может далеко на всякий хирург. ОРЖ влечёт за собой заворот желудка, который пережимает этим сам себя, вызывая необратимый некроз, то есть отмирание тканей органа. Методику операции я трижды смотрела на видео и один раз вживую, но так и не поняла, как можно будучи, образно говоря, по локти в собаке развернуть желудок, отпрепарировать от него кусок, захлестнуть за ребро и пришить изнутри, к брюшной стенке.

Мне сильно повезло, что в смене сегодня Серёжа.



Лампа в операционной.

²⁷ Бранюля – пластиковый катетер на стилете; он же – катетер.

²⁸ Тромбоэмболия – закупорка кровеносного сосуда тромбом.

Даём наркоз. Привязываем дога на операционном столе. Интубируем. Зондируем. Подключаем к ингаляционному наркозу. И начинаем промывать желудок.

Сергей держит голову бордоса повыше, а я заливаю воду через воронку, присоединённую к резиновому зонду. Потом трубка с воронкой опускается вниз, в ведро, и содержимое выливается обратно – из собаки течёт голимая кровь, вперемешку с кусками слизистой желудка и разбухшими гранулами сухого корма. Чудо вообще, что зонд прошёл внутрь! Вскоре вся хирургия превращается в подобие мясокомбината – а мы ещё даже не начали резать! Если после этого мы не отдраим операционную до стерильного блеска, то обоих убьют, как минимум, дважды. Два ведра как будто крови выливается в унитаз, и этой же жижей постепенно покрывается пол. Кидаем сверху неё пелёнки, чтобы окончательно не «утонуть».

– Вот чёрт, – вдруг говорит Серёжа таким голосом, что от самой фразы веет ледяной безнадёжностью.

Кровь лужей льётся у собаки и сзади, щедро пропитывая подложенную пелёнку. Это некроз. Слишком поздно.

– Резать? – спрашивает Сергей сам себя и тут же вспоминает случаи, где ни одна из разрезанных собак с такими признаками не выживала.

Два часа после операции – это самый большой срок жизни, который был. Он смелый хирург. Но с большой долей вероятности, пёс умрёт – сейчас или чуть попозже.

Мы не можем решиться усыпить его. Мы не знаем наверняка насколько сильный некроз у него внутри. А разрезать его сейчас, после кровопотери, в шоке и нестабильного – верная дорога в чёрный пакет.

Принять решение...

– Просыпаемся, что ли? – спрашиваю Серёжу, нарушая гнетущую паузу, сопровождаемую пиканьем мониторов жизнеобеспечения.

Кивает. Закрываю вентиль, подающий газ, оставляя один кислород.

Бордос просыпается, начинает откашливать трубку; разинтубирую. Ещё капельница. Уставшим неразборчивым почерком Сергей заполняет назначение; приглашаем хозяев из холла, где они терпеливо ждали всё это время.

– Нужна гастроскопия²⁹. Резать не стали. Не буду вас обнадеживать, всё плохо, – в завершение говорит Сергей хозяевам.

И они уходят.

Дальнейшая судьба собаки остаётся неизвестной. Отсутствие обратной связи – это самое неприятное в нашей профессии, хотя иногда она приходит спустя год или два, когда какой-нибудь человек вдруг говорит:

– А помните, мы приходили с Лялей? У неё сейчас всё хорошо!

И врач упорно напрягает память, вспоминая, о какой такой Ляле идёт речь, кошка это или собака, и что с ней было, потому что лицо человека не запоминается – мы смотрим в основном на животное...

...Котёнок в стационаре переворачивается на живот, подобрав по себя лапы, и уже не бьётся в судорогах – это хороший признак. Только голову держит набок – может, внутричерепная гематома давит на мозг. Стабилен. Но в таких случаях любые прогнозы осторожны – уже в следующий момент может случиться резкое ухудшение. Дышит нормально – тоже большой, сильный плюс. Продолжаем потихоньку капать его через инфузомат.

До пяти утра отмываем клинику от парвовирусных дрисунов и бордоса, заливая всё хлоркой; кварцуем холл и хирургию. В итоге оба, в полнейшем изнеможении валимся на стулья. В голове пульсирует тупая усталость, которая так характерна для бессонной, тяжёлой ночи.

²⁹ Гастроскопия – визуальный осмотр стенок пищевода, желудка и двенадцатиперстной кишки при помощи специального инструмента – гастроскопа, вводимого в желудок через рот.

Салфеткой, щедро смоченной в перекиси, оттираю пятна крови с халата, который с утра был свежестиранным и даже – о чудо! – поглаженным.

– Это даже хуже куратора из приюта!

В ту же секунду раздаётся звонок в дверь. От неожиданности я подпрыгиваю на месте, уронив салфетку. За дверью оказывается она! Куратор из приюта!

...Давно мы так не смеялись: хохотали оба, не в силах объяснить вошедшей с переносками девушке, откуда этот нездоровый смех в пять утра.

Глава 5. Приютские коты

Не делай добра – не получишь зла.

Приезд куратора кошачьего приюта почти всегда случается ночью. По телефону это звучит как «будем вечером», но каждый раз он происходит ближе к четырём утра, в самый сон.

Многочисленные переноски заполняют коридоры клиники, и часто коты в них сидят не по одному, а иногда и не по два. Дальше начинается самое сложное: сбор анамнеза, ибо рассказать подробно о каждом из прибывших никто не может. Скромные данные: «Эта кошка не ест неделю, а может и больше» или «У этого кота плешь появилась», – и никакими щипцами больше ничего не вытацишь, так как коты и кошки месяцами сидят в клетках, и никто не обращает на них особо внимания, пока болезнь не проявит себя в полной мере.

Куратор – молодая, миловидная девушка, щедро отдающая свои силы на поддержание кошачьего приюта, который уже давно переполнен животными – жизнерадостным, полным энтузиазма голосом рассказывает, как у них обстоят дела. Её звонкий, энергичный голос никак не вписывается в это время. Я не умею любить людей в четыре утра... В другое время тоже, но в четыре утра – особенно.

И очень осторожно отношусь к приютам. Некоторым котам было бы куда лучше на воле, чем в тесной вонючей клетке. Отлов и стерилизация с последующим выпуском животных обратно, в их среду обитания, как это уже давно и успешно практикуется в цивилизованных странах, кажутся более гуманными. К тому же коты и кошки в приютах, как правило, щедро перезаражаются друг от друга букетом заболеваний и, соответственно, являют собой хроническое их проявление. То есть, по сути, каждого такого животного нужно обследовать более досконально, чем любое домашнее, а на это, как очевидно, ни у кого нет денег. Их нахождение в клетках похоже на тюрьму, к таким котам отношение всегда какое-то второсортное, и с этим ничего нельзя поделать.

На этот раз прибывают: несколько кошек на стерилизацию³⁰, часть из которых вполне может оказаться на разных стадиях беременности; один худосочный анемичный котёнок; кот-донор и один полутруп.

Последний умоляет заняться собой в первую очередь – он лежит в переноске, на боку и время от времени тоскливо кричит стонущим, полным безнадёжности голосом.

– Очень странно, – голос девушки-куратора звенит и гулко вибрирует в пространстве кабинета, отражаясь от стен. – Этот кот очень буйный, кидался раньше так, что и подойти было нельзя. А тут вдруг слёг...

Вот и вся информация. И что хочешь с этим, то и делай!

Достаю вялую стонущую тряпку в виде кота из переноски, меряю температуру. Он лежит на боку, в прострации, даже не пытаясь сопротивляться, встать или уйти со стола; температура приближается к комнатной – термометр отказывается показывать, выдаёт ошибку.

– Давно... слёг? – очень хочется побольше информации.

– Ну... – становится понятным, что ответ на вопрос будет крайне приблизительным. – Дня четыре. Наверное.

«В любой непонятной ситуации пальпируй», – правило номер двадцать.

Щупаю живот у мумии, которая недавно была диким котом. Там обнаруживается плотное, словно камень, округлое новообразование.

– Что это? – тарашу глаза на Серёжу: по ночам мозг требует отдыха, а не разгадывания ребусов.

³⁰ Стерилизация – более прижившийся термин, хотя грамотнее называть операцию кастрацией.

– Ну-ка, – говорит он и тоже осторожно щупает коту живот. В ту же секунду, мы оба понимаем, что это плотный мочевого пузырь.

– Что там? – заинтересованно спрашивает девушка, вытягивая шею – она всегда интересуется, как и чем болеют её подопечные, и сейчас принимает активное участие в процедуре постановки диагноза. Уж не знаю: она круглосуточно такая бодрая или пытается таковой казаться.

Мы встречаемся с Серёгой глазами, и я тихо резюмирую очевидное:

– Пиздец.

Сергей кивает, бесспорно соглашаясь с окончательным диагнозом.

– Что-что? – девушка хочет услышать подробнее про не расслышанное, и я формулирую точнее, выражаясь профессионально.

– Прогноз осторожный, говорю. Острая почечная недостаточность, вызванная острой задержкой мочи. Почечные нефроны не восстанавливаются. Надо было катетеризировать мочевого пузырь ещё четыре... или сколько там... дней назад.

– Вот чёрт! – произносит девушка эмоционально. Кое-какие термины за время посещения клиники она уже выучила и знает про самые безнадежные. Сейчас прозвучало целых два из них.

Да уж... Четыре дня задержки мочи... или сколько там он пролежал – это, определённо, смерть почек, которые старательно пытаются вывести из организма токсины через мочевого пузырь, но моча всасывается обратно, продолжая циркулировать по кругу. В итоге почки не выдерживают. Господи, бедное животное...

Ставим в спавшуюся вену катетер – коту не приходится даже держать. Не кот, а полутруп. Давление ниже плинтуса, и он так обезвожен, что из катетера не идёт ни капли крови, а должна бы. Подключаю капельницу. Грелка. Так, что дальше?

– А-а-ау, – отчаянно плачет кот. – А-а-ау!

Внутренний голос щедро матерится четырёхэтажным. Алгоритм действия при трудных катетеризациях состоит в лёгком наркозе и, при необходимости, эпидуральной анестезии: укол в область таза, раствор попадает в хвостовой отдел спинного мозга, и задняя часть туловища теряет болевую чувствительность. Эпидура, как сокращённо её называют врачи, к тому же расслабляет все сфинктеры, за счёт чего катетер проходит в разы свободнее; иногда даже камешки из уретры³¹ проскакивают сами, без долгих мучительных матюгов и ковыряний в кровавом члене.

В этот раз наркоз грозит перейти в эвтаназию даже на минималке, так что эта мысль отмечается сразу. Надеюсь, что катетеризация не будет слишком трудной.

– Молитесь, – говорю куратору, что при иных обстоятельствах звучало бы предупреждением о возможной смерти животного в результате тяжёлого состояния.

Понимающе кивает, грустнея.

Обезболиваю проводниковой анестезией – кот никак не реагирует на укол в промежность. При иных обстоятельствах мне было бы уже несдобровать! Местно – обезболивающий гель, который я также набираю в маленький шприц и потихоньку ввожу через мочевого катетер, старательно и аккуратно пихаемый в отверстие уретры.

Мысль про откачивание мочи через прокол живота никак не оставляет мою голову. К счастью, до этого не доходит – катетер, скрипя песком, потихоньку продвигается в мочевого, и вскоре нашему взору предстаёт то, что когда-то было светло-жёлтой мочой. Сейчас это нечто вишнёвого цвета и напоминает венозную кровь.

Что ж, самое сложное позади.

³¹ Уретра – мочеиспускательный канал, по которому моча вытекает из мочевого пузыря наружу.

– Пойду стационарного гляну, – говорит с облегчением Сергей и уходит мониторить Лёлика.

Откачиваю двести миллилитров концентрированной бордовой мочи. Промываю опустевший мочевой маленькими порциями тёплого физраствора. Кот понемногу приходит в себя, умолкает.

...В камере капельницы медленно капают капли: кап... кап... кап... Скорость поставлена минимальная. Сажу за столом, в ожидании её окончания. Девушка-куратор придерживает кота. В ночной тишине кабинета время тянется медленнее обычного, ощущения нереальности происходящего, усиленные недосыпанием, возрастают, и внезапно я просыпаюсь от того, что с грохотом ударяюсь лобешником об стол. Бдымс! Чёрт.

– У нас заканчивается, – отвечает девушка, показывая на капельницу и стоически делая вид, что не заметила моего вырубания. Киваю, мучительно протирая глаза. Времени едва ли прошло больше часа.

Не всегда, но алгоритм ведения такого пациента подразумевает подшивание мочевого катетера для ежедневного промывания пузыря в течение нескольких дней. Кот ходит в памперсе и защитном воротнике, и ему назначается курс капельниц в надежде спасти те почечные клетки, которые ещё остались в живых. «Раскачать почки», – говорят врачи, пока они не «схлопнулись окончательно».

Почки – очень скромные, терпеливые органы. Держатся до последнего, не жалуясь и почти ничем не выдавая своего состояния, разве что белок в моче может проявиться в начале. А потом разом сдаются.

Нужно хотя бы пять процентов их живой ткани, чтобы кот продолжил жить дальше, а у него их, похоже, три с половиной.

Отключаю капельницу, подшиваю катетер – кот на прокол кожи даже не реагирует.

Помню, на физиологии мы проходили тему «Болевые раздражители». Суть была в том, что лягушка переставала реагировать на погружение лапки в стаканчик с кислотой, когда другую её лапку сильно сжимали пинцетом. Вывод делался такой: сильный раздражитель перекрывает собой более слабые.

Вот и тут: коту так плохо, что прокола кожи он даже не чувствует.

Те занятия по физиологии никого не оставляли равнодушным. Первая половина урока происходила под эгидой выпускания, а затем поиска и поимки лягушек, которые начинали скакать по всему классу. На фоне всеобщего веселья и кипиша, у препода случалась истерика, он грозился всех отчислить, стучал кулаком по столу, брызгал слюной, вспоминая всеу декана, и только после этого, в напряжённой тишине, лягушки возвращались на столы, чтобы умереть во имя и на благо.

Чтобы избежать их убиения, я воровала отработанные лягушачьи трупики, которые выбрасывались в конце занятия в стеклянную плоску, и хранила их в холодильнике у Настеньки. Светловолосая, с синими глазищами – словом, представляющая собой сказочную нимфу и фею одновременно, – помимо хрупкой обманчивой внешности Настя обладала хриплым, прокуренным басом, которому позавидовал бы любой, самый пьяный прапорщик. Жили мы в многоэтажной общаге, и Настя – прям надо мной. Её соседка по комнате Наташа в шесть утра выходила в коридор, рьяно трубила в надыбанный где-то пионерский горн и громогласно кричала: «Па-а-адъё-о-ом!», чтобы никто из их отсека не проспал на лекции. И у них был холодильник.

Настя позволяла проникать в него, класть свой пакетик и забирать его перед занятиями. Трупки, которые за неделю неизбежно начинали пахнуть тухлячком, я выдавала за только что умерщвлённых лягушек. Препода ходил кругами, не понимая, откуда взялся столь определённый запах, а я с вымученным лицом делала вид, что мышцы на лапках сокращаются.

Однажды Настя не смогла сдержать любопытства, залезла в холодильник и развернула таинственный пакетик, источающий откровенно сомнительный аромат. Это стало ясно по челябинскому ору, прогремевшему на полобщезития, а затем и на весь район. Потому что Настя вышла на балкон, склонилась через перила и, пока я не прибежала, многократно звала прокуренным хриплым басом:

– О-о-оля-я-я! О-о-оля-я-я!

Было очень сложно объяснить ей, что я не француженка. По ходу, она мне так и не поверила...

...Возвращаюсь мыслями к настоящему и коту, который продолжает быть полутрупом, но уже молчаливым.

– Его нужно оставить на стационар, – предлагаю очевидное девушке-куратору.

Та согласно кивает. На назначении хочется распечатать молитву.

Серёжа в стационаре мирно спит на стуле. Мне нужна помощь, поэтому жестоко бужу его. Он смотрит на меня, как на привидение, встаёт, покачнувшись, и идёт следом. Кофейку бы нам сейчас обоим, а то глаза словно мёдом намазаны.

Следующий по очереди – кот-донор.

– У этого нужно взять кровь, – поясняет девушка, доставая его из переноски, – и перелить вон тому котёнку, – указывает на другую переноску.

– На спид и лейкоз³² проверяли? – уточняю на всякий случай: оба эти заболевания являются частыми спутниками котов, подобранных на улице.

– Ага, – кивает девушка. – И яйца отрежьте ему заодно.

Донорство – хоть и безопасная, но кровопотеря, а тут ещё и... с позволения сказать... яйца? Высказываюсь, но проигрываю в своём мнении: нет возможности привезти кота ещё раз, а кастрировать надо.

Набираем шприцы с антикоагулянтом.

Кот, удивлённый полуночным бдением, с удовольствием выходит из переноски, щурясь от яркого света и с любопытством оглядывая пространство вокруг. Он так рад выходу наружу, что спокойно поддаётся на наши манипуляции. Заворачиваем его в большое махровое полотенце, наркоз. Пока я беру из ярёмной вены кровь, стоя у головы, Сергей оперирует кота сзади.

Затем из переноски извлекается бледный истощённый котёнок с мутными глазами. Похоже на герпес – бич бездомных котят, из-за которых они лишаются зрения. Токсоплазмоз может быть. Переливаем котёнку кровь.

На переливании он начинает громко мурчать, лёжа в гнезде из рук куратора. Это можно было бы назвать картинкой из серии «ми-ми-ми», если бы безнадежные коты не пытались таким образом себя вылечить: мурлыканье у них – это один из способов самолечения. Вибрации там лечебные, то сё. Почти физиотерапия.

Наконец куратор уезжает, забрав две переноски: кошек на стерилизацию мы оставляем дневной смене. На часах семь утра: в окно, сквозь жалюзи щедро светит яркое солнце...

...Кот с ОЗМ переворачивается на живот, но он всё равно никакущий. Оставляю его на грелке, накрыв полотенцем. Нифига там не четыре дня, похоже.

Котёнок с сотрясением мозга стабилен.

Прямо перед приходом дневной смены в холле появляются вечерние щенки-дристуны, – те, которых двое. Живые. Овощ после переливания воспрял. Оставляем их так же смене.

По поводу третьего щенка обратной связи не происходит. Иногда, когда у хозяев нет денег, они больше не приходят, и отсутствие щенка не означает, что он умер. Иногда удаётся

³² FIV, FeLV.

отследить пациента по журналу: приходил или нет. Так я себя как бы утешаю. Этот, третий щенок нигде больше не фигурирует. Звонить боюсь.

* * *

Вечер воскресенья. Сутки после ночной смены отсыпаюсь, рухнув лицом в застеленную кровать. Снится, что у меня на столе полутрупом лежит котёнок, из-под которого на подстеленную пелёнку вытекает кровавая жижа.

«Панлейкопения», – звучит в голове диагноз.

Изучаю котёнка – мордочка ассиметричная, налицо врождённые аномалии. Еле дышит. Не успеваю я продумать алгоритм лечения, как сон обрывается.

«Кошмарные сновидения – признак психических заболеваний», – жизнерадостно вещает внутренний голос. Мне срочно нужен антидот от депрессии и ночных кошмаров.

Щас, щас... Шарю под кроватью в поисках припасённого накануне и заныканного баллончика со взбитыми сливками. Ага, вот он.

Дальнейшие полчаса просто лежу и поедаю сливки, прыская их из баллончика прям в рот. В голове тусуются философские мысли.

Хороший ли я врач? Многие на улице узнают, здороваются, а я даже не могу вспомнить их лиц. Совершенного врача по определению не существует просто потому, что учиться здесь приходится пожизненно. Часто я не могу понять патогенез, и отправляю животных к более умным и профессиональным коллегам...

Один препод в академии говорил: «У каждого врача есть своё кладбище пациентов». У меня оно тоже есть. Каждый раз, когда я теряю кого-то, в голове звучит голос коллеги: «Этот уровень пациента, вероятно, еще слишком сложен для Вас». Так и есть. И каждый раз я надеюсь не пополнить это своё индивидуальное кладбище. Выводы, полученные посредством таких смертей, обесценить невозможно.

Врачи – не Боги. Просто иногда Бог излечивает нашими руками. А иногда нет. Тут нужно смирение с Его решением, что ли.

Сливки быстро заканчиваются, и баллончик пустеет.

Ну, всё, хватит философии. Решено. Нужно срочно найти мужика, пока моя кукушенька окончательно не уехала. Все недомогания... как там дальше... перефразируя: от недопонимания! Где они там бродят, эти стада неженатых и адекватных? Сейчас только отзвонюсь нашим и – по списку: ногти, волосы, брови, каблуки, платье...

Звоню в клинику. Дневная смена говорит, что приютский кот с ОЗМ начал пить воду и чуть-чуть поел. Хорошо. Котёнок Лёлик с сотрясением всё ещё держит голову набок, но уже интересуется едой, и хозяйева приняли решение поддержать его в стационаре подольше. Святые люди. Удивительно, как он вообще выжил после такого удара машиной!

– Хозяйка звонила, – волнуясь, рассказывает по телефону Аля, – вся в слезах, умоляла продолжать лечить. Очень извинялась, что деньги за стац её дочка сможет привезти только вечером.

– Утешила её?

– Да, как могла. Сказала, что до вечера время, конечно, терпит.

На навыки врача деньги не влияют никак. Аксиома.

«Мастерство не пропьёшь?» – парирует внутренний голос.

– Как он хоть? – спрашиваю.

– Ест, если миску прямо к носу подставить. И мурлычет, как трактор, когда шейку чешешь, – радостно говорит она.

Прощаемся. Аля, конечно, тот ещё кладезь перлов. Намедни она сказала женщине: «Держите уже кота передними руками!» Хохотали все, кто был в кабинете, и сама женщина громче всех.

* * *

Боже, я попала в баночку с клеем, и зовут его Виталий. Широкоплечий, рыхлого телосложения, со старомодными очками на носу, одетый в джинсы, рубашку и свитер с оленями, любовно связанный «матушкой». И джинсовая же куртка. Художник.

На мне в честь свидания – новенькое обтягивающее платье с ярко-жёлтыми подсолнухами на чёрном фоне. Люблю жёлтый цвет – он такой солнечный, жизнеутверждающий!

Поверх платья – короткое рыжее пальто, до последнего времени тщательно хранимое шкафом для особых случаев, подобных этому.

Ах, это судьба! Талантливый, галантный, свободный Виталий...

«Ишь, выпендрилась, – комментирует мой видон внутренний голос и затем настоятельно орёт: – Очки розовыеними! Судьба... Ха!»

Виталик нежно держит меня за руку и говорит хорошие слова или молчит. Мы гуляем по городу.

– Пойдём, выпьём кофе, – говорит он – так в воздух, наконец, рождается хоть какая-то вымученная мысль.

...В уютной кафешке он берёт два кофе в бумажных стаканчиках и блины со сметаной. Помогает мне снять пальто, вешает его на крючок на стене. Грациозно сажусь за столик, с нарочитой элегантностью поправив подол платья. Взгляд Виталика упирается в мою грудь, и он неловким движением руки опрокидывает один стаканчик. Горячий, словно кипяток, напиток проливается на мои голые коленки, торчащие из-под платья.

– А-а-а-а! – ору я мужицким басом.

«Ещё и рукожоп!» – ревностно и зло комментируется внутри.

На обескураженном лице Виталика ясно читается: «Ну, всё пропало!», и, увидев это выражение, я начинаю хохотать. Дрожащей рукой он протягивает мне белоснежный платок – аккуратный, с отглаженными уголками. Вытираю ноги от кофе, продолжая смеяться, – ну, глупое же лицо!

Виталик отдаёт мне свой кофе, отказавшись купить другой.

«Нищеврод просто».

И восхищённо смотрит, словно в кино, как я ем блины и потягиваю ароматный кофе. Вкусно.

...Мы идём по парку и садимся на скамейку, усыпанную кленовыми листьями. Осень – тихая, спокойная – пришла незаметно. Мои липкие пальцы пахнут кофе, и его запах смешивается с чудным ароматом прелой листвы. Всё вокруг ярко-жёлтое, золотистое, словно в чудесной сказке.

Виталик тянет руки, обнимает меня, а потом начинает вожаделенно гладить, пытаюсь подобраться под пальто и под платье. Отстраняюсь.

Он расценивает это как призыв к действию, снимает очки и кладёт их в карман своей джинсовой куртки.

«Целоваться хочет», – ухмыляясь, поясняет внутренний голос из роли заинтересованного зрителя.

Виталик резво хватается меня за подбородок и трогает пальцем губу.

– Перестань, – отстраняюсь уже с конкретным протестом.

– Сам себе удивляюсь, – говорит он, неохотно убрав руку. – Я себя не узнаю. Да ты просто боишься, что тебе понравится!

Ещё я с мужиками на первом свидании не целовалась! Встаю со скамейки, натянуто улыбаясь. Виталик вскакивает тоже и превращается в назойливого голубя, сопровождая воркующими словами своё навязчивое окучивание:

– Ты родишь мне ребёнка. Ты такая настоящая. Ты таишь в себе бездну удовольствия. Как насчёт пожить вместе и посмотреть друг на друга в быту? Мне так нравится твой профиль. И рука. И талия.

– Моей заслуги тут нет, – поддерживаю разговор я, пресекая попытки ухватить себя за талию.

– И губы у тебя красивые...

– Губы?

– Малые и большие, – пошлит Виталик, расплываясь в плоской улыбке от собственной грязной шуточки. – Пойдём же к тебе домой! – и он вождельно заглядывает мне в глаза.

– Нет, ко мне домой мы не пойдём, – отвечаю я, кривовато улыбаясь чисто из приличия.

«Что ты тут делаешь?» – замечает внутренний голос, оглядываясь по сторонам. Мы идём по безлюдной тропинке в глухую часть парка.

Фак. Я торможу и внезапно получаю прицельный шлепок по задку. Подпрыгнув, кричу, не сдерживаясь:

– Блядь! Не делай так больше!

Виталик стоит позади, с ладонью, зависшей в воздухе, и на его лице расплывается некое оргазмическое переживание.

«Первое китайское предупреждение?» – насмешливо спрашивает голос в голове.

Романтическое настроение улечучивается. Разворачиваюсь и быстрым шагом иду обратно. Виталик короткими перебежками следует рядом.

Я не какая-то там вульгарная шлюха, ясно?

«Воу, воу, полегче!»

И я хочу домой. Без него. Моё возмущение плещется через край, и неуютность взаимодействия вынуждает кутаться в надетую на себя одежду. Нырять носом в широкий шарф, наматывать на шею поверх пальто. Зачем вообще я доставала все эти вещи из шкафа? Шла бы в своей толстовке и джинсах... Ещё и фотоаппарат взяла, в сумочке. Мол, пофоткаемся потом. Фотосессия в осеннем парке... Тьфу!

В момент рассыпающегося сказочного видения летящих над головой рыжих листьев, я получаю ещё один шлепок по задку, более увесистый. И так резко останавливаюсь, что Виталик, ослеплённый гормонами, налетает на меня сзади.

Внутри что-то обрывается, и я со всей силы, изрядно размахнувшись, бью его своей тяжёлой сумочкой прицельно по голове. Бамс!

Получается, по ходу, больно.

«Иес!»

Его лицо молниеносно меняется. Он перестаёт моргать. Совсем. Я понимаю, что, кажется, переборщила до лёгкого ЧМТ. Не зная, что и добавить, разворачиваюсь и иду по тропинке дальше. Оглушённый Виталик некоторое время по инерции топает следом, после чего притормаживает и яростно орёт:

– Ду-у-ура! Тебе к психиатру надо! Срочно! Ты неадекват, ясно? – и с истерическими нотками: – Не приближайся ко мне!

– Досвидос, – отвечаю я, и не думая приближаться. Вместо этого стремительно удаляюсь, с каждым шагом всё прибавляя скорость.

– И не звони мне, ясно? – голос Виталика срывается на фальцет.

Безнадёжно. Больное. Животное.

«В следующий раз надень платье подлиннее», – советует внутренний голос, самозабвенно хрюкая и давась от хохота.

Платье подлиннее? У меня же не трусы из-под него торчат, а колени! Колени, ясно? Колени, мать вашу!

Да пошли вы все! Ненавижу.

Глава 6. БАД³³

У Бога нет других рук, кроме твоих. Даже когда это лапки.

Сегодня суббота, и у меня рабочие сутки в филиале, где отдыхать не приходится. В смене три человека плюс админ, каждый занят своим делом, но сложные случаи мы разбираем вместе, – такая поддержка внутри коллектива бесценна.

Ход моих мыслей нарушает жизнерадостный голос Али:

– Там кролика принесли. Кому?

С экзотическими пациентами разбираться сложно, так как опыта мало, и посему никто не жаждет брать этот приём. Аля произносит индивидуально для меня спасительную отмазку:

– Тебе не дам. Сейчас дерматологический кот по записи придёт...

Сегодня я ещё и «почесолог»... В этом есть свои преимущества: экстренных пациентов в этой специализации нет, никто не помирает. Час приёма наполнен демагогией с разглядыванием под микроскопом мазков крови или соскобов с кожи. Идут мои пациенты предсказуемо, по записи; нахождение в соскобе клеща радует, словно красочно упакованный рождественский подарок. Случайная находка личинки дирофилярии заряжает бодростью на весь день. Хорошо прокрашенные синим конидии лишая приводят в бешеный восторг, заставляя бегать по клинике и умоляюще приставать к коллегам:

– Пойдём, покажу! Ну-у-у пошли-и-и! Там лишай вырос! Тако-о-ой краси-ивый! – и со смехом переспрашивать: – Куда-куда мне идти?

Сегодня у меня пока радостей нет, но стёкла для мазков натёрты до блеска и лежат рядом на столе в полной боевой готовности.

Итак, диагноз на лишай.

Он считается подтверждённым не после просвечивания под лампой Вуда; и даже не после того, как под микроскопом на размочаленных волосках обнаружены характерные грибные споры, напоминающие рыбью икру. А после того, как из подобных волосков на специальной среде вырастают колонии, которые показательно окрашивают её в красный цвет. Грибные колонии, выращенные с любовью и заботой, отпечатывают на скотче, снова красят, снова смотрят под микроскопом, обнаруживают характерные конидии, и только после этого выносят вердикт: да, таки лишай. Или не обнаруживают. Ибо на среде прекрасно растёт и здравствует обычная, распространённая повсеместно плесень.

³³ БАД – здесь: блошиный аллергический дерматит.



Лишайный волос под микроскопом.

Но, поскольку, растёт он на средах долго, и, строго говоря, выращивать его можно только в лаборатории, врачи обычно довольствуются микроскопом и разглядыванием спор, покрывающих разрушенные волоски, нащипанные с пациента. А специальные среды мы используем в сомнительных случаях или если надо подтвердить снятие карантина в многокошковых домах и приютах. Плюс лампа Вуда, куда ж без неё. Только не всякий лишай под ней светится, если что. И да, к магии вуду она отношения не имеет.

Изучаю свои насаждения: на специальных средах, размещённых в маленьких стеклянных баночках выросла какая-то вездесущая плесень. Кусочком скотча делаю мазок-отпечаток со среды, где несколько недель любовно взращивался посев с когда-то лишайного, но уже пролеченного кота. Речь идёт о продлении или снятии карантина. Когда я в очередной раз гладила этого чёрного кота зубной щёткой и выщипывала волоски на только-только обросшей котячьей морде, хозяйка чуть не плакала:

– Опять же лысинка будет! Только ведь заросло!

Что я сделаю-то? Алгоритм при лечении лишая диктует свои правила, и я следую ему неукоснительно ещё и потому, что дом многокошковый. Прокрашиваю то, что налипло на скотче.



Питательная среда для выращивания дерматофитов.

Гифы плесневелых грибов, в виде изящных ниток изобилующие на мазке, констатируют о том, что кот от лишая свободен. Аминь.

Короче, банальная скукотища, ничего интересного. Прощай, лишай.

Пока я феячу с окраской скотча, кролика, тяжело вздохнув, берёт Ира.

Низкого роста, светлая шатенка с короткой, аккуратной мальчишеской стрижкой, сделанной скорее ради удобства, Ирка покорила меня с самого начала своим непоколебимым спокойствием. В начале моей карьеры именно она позволила прикрепиться к себе цепким клещом и задавать бесконечную бездну вопросов про эффективные алгоритмы лечения, принятые внутри клиники. Досконально, подробнейшим образом именно она объясняла мне, как пользоваться лабораторным оборудованием и куда какие пробирки с капиллярами вставлять, чтобы не было мучительно больно за бездарно просранные слайды с биомаркерами. Её авторитет зародился со времён основания клиники и перешёл в глубокое, устоявшееся уважение коллег, а опыт – в стойкую уверенность в прогнозах и диагнозах, чего я никак не могу сказать о себе.

У Иры всегда уставший, немигающий взгляд, повествующий о бренности вся бытия и ответственности если не за планету Земля, то по меньшей мере за наш малочисленный субботний коллектив. Если и существуют более медлительные врачи, чем я – то это Ира. Она у нас стоматолог и, по совместительству, медик, так что взять из человеческой вены кровь или попросить себе подключить капельничку с витаминками в периоды простудных эпидемий можно просить у неё.

Приём кролика происходит на соседнем столе, и, кажется, у него проблемы с зубами. Принёс его молодой, симпатичный мужчина – к сожалению, да: с обручальным кольцом на пальце правой руки. Печально вздохнув, марлевой салфеткой сосредоточенно натираю и без того блестящие стёкла.

Зубы у кроликов растут постоянно, и в этом им можно было бы позавидовать. Но завидовать не приходится, потому что когда зубы растут криво, то они не стачиваются, а травмируют дёсны, отчего несчастные кролики перестают есть. И вторая, наиболее частая проблема у них – это абсцессы, которые, опять же, часто возникают из-за зубов. Голодающий кролик долго не живёт, так что Ира у нас – Зубная Фея, спасающая их от верной смерти.

Пока она, подсвечивая фонариком, заглядывает замотанному в полотенце кролику в узкий, расширенный двумя инструментами рот, Аля приглашает рыжего кота, пришедшего ко мне по записи. Его хозяйка – беспокойная женщина средних лет с каштановыми кудрявыми волосами – извлекает из тряпочной переноски не менее суетливого кота и ставит его на стол.

Кот тут же начинает чесаться, не обращая внимания на то, что он находится в бесспорно стрессовом месте – в клинике: очевидно, что зуд очень сильный. Задняя часть его тела полулысая, кожа слегка покрасневшая, покрыта царапинами, и это наводит на мысль об аллергии. Сейчас поищем блошиные следы... Отчаливаю с листом бумаги к раковине, обильно поливаю его водой, возвращаюсь.

– Сильный зуд – признак аллергии, и блошиная слюна – самый частый аллерген! – как можно более уверенно вещаю я, расчёсывая пальцами густую шерсть кота – от этого на мокрую бумагу сыплются крошки, которые из точек тут же расползаются в характерные коричневые пятнышки. Так выглядит тест на присутствие блох в кошачьей жизни.

– Но блох-то нет! – спорит хозяйка. – Это, наверно, лишай!

Да уж. Лишай лидирует в инете как основной диагноз для всех без исключения внезапно полысевших котов. Хочется стукнуть автора подобных статей самой толстой книжкой по дерматологии.

«Сумкой с фотиком лучше», – хихикает внутренний голос, напоминая о моём крайнем фиаско на личном фронте.

У фотоаппарата после этого заклинило шторку на объективе, между прочим. Так что я – куда более пострадавшая сторона.

– Блох на коте и не будет, – терпеливо объясняю женщине, переключаясь вниманием на приём. – Они на кота только кушать приходят. А яйца откладывают в щели полов, ковры и так далее.

– У нас нет блох! Мы живём на седьмом этаже, и у нас домофон!

Воспалённый мозг рисует картинку, как блохи, забравшись друг к другу на плечики, нажимают на кнопку домофона и пискляво просят:

– Ой, а мы к Рыжику, пообедать. Спасибо, пожалуйста! Извините за беспокойство!

Отвлекаясь от видения, скоблю места наибольших расчёсов, выдёргиваю несколько волосков и смотрю всё это добро под микроскопом, чтобы исключить чесоточных клещей и, так уж и быть, лишай. Ничего живого – только обломки волос. «Самоиндуцированная алопеция» по-научному. Лишайных спор нет и в помине. Клещей тоже.

– Нету здесь никого, – говорю женщине, выпрямляясь за микроскопом. – И лишая тоже нет. Брать другие анализы пока смысла не вижу.

Женщина недоверчиво молчит.

Пишу, чем обработать кота и особенно квартиру от блох:

– От чего бы он ни чесался, – размеренно говорю хозяйке кота, который продолжает увлечённо чухаться на столе, – обработка от блох обязательна. На этом фоне также исключают пищевую аллергию и атопический дерматит: для этого на пару месяцев кота сажают на строгую диету из одного вида белка и одного вида углеводов, а затем делают провокационный тест...

– Как это? – женщина хочет подробностей.

– Ну, – говорю я, не подумав, – сажаете его, например, только на рис с мясом кролика...

Внезапно мужчина, который держит своего кроля на соседнем столе, поднимает на меня осуждающий взгляд и переспрашивает:

– Кролика?

Ира вздыхает, красноречиво иллюстрируя мою бестактность, и тут, мелко стуча копытцами, в кабинет забегает рыжий поросёночек, которого ведёт на кожаной шлейке уверенная в себе женщина. Их сопровождает Аля.

– Взвеситься, – объявляет она для всех присутствующих.

Напольные весы стоят в кабинете, и взвешивание практикуется без очереди всеми желающими.

Я открываю рот, закашливаюсь и задумчиво выдаю:

– Ещё в качестве диеты подойдёт картошка со свиной.

Женщина, смекнув о чём речь, притормаживает, возмущённо передёргивает плечами, наклоняется и подхватывает поросёнка под мышки. На её лице легко читается: «Я бы попросила!»

Господи... Судя по искусственному меху шубки, она ещё и вегетарианка или, что ещё хуже, из секты веганов-сыроедов. В кабинете повисает неловкое молчание. Нет, я ничего против веганов не имею, но они часто ведут себя агрессивно и странно: возможно, вследствие недостатка витаминов группы В и анемии. Кормят, например, своих котов одной капустой, а те потом слепнут. Потому как аргинина или, там, таурина в траве не заложено. В напряжённой тишине поросёнок делает два громких, возмущённых «хрю». Да не бойсь. Тебя точно никто не съест!

«Чёрт!» – звучит в моей голове. Только не смеяться! Не смеяться!

– Давайте взвесимся! – нарушает неловкое молчание Аля, обращаясь к женщине и показывая на весы: судя по мучительной гримасе, её природная вежливость сейчас остро конфликтует с желанием рассмеяться.

Женщина, продолжая держать поросёнка, гордо вскидывает голову и встаёт на весы. Кажется, она хочет взвеситься сама, только боится это озвучить. Ну да ладно.

Я, возвращаясь мыслями к аллергии и завершая свою лекцию, шёпотом говорю хозяйке почесушного кота:

– В общем, можно рыбу ещё, – в надежде, что никакая рыба не заплывёт сюда случайно из форточки.

– Поняла, – так же шёпотом, заговорщически отвечает женщина.

Озвученная рыба, вроде, устраивает всех присутствующих. Так и вижу, как какой-нибудь нервный сом торопливо выкуривает быстро истлевающий чинарик на крыльце клиники, придерживая его плавником. Прежде чем окончательно схлопнуться, скудная фантазия выдаёт ещё два источника белка:

– Крокодилятину, кенгурятину ещё можно... как вариант...

Звучит забавно, но на самом деле есть корма и с этим мясом. Пока я пишу в графе «предварительный диагноз» кучу заумных терминов, в воображении к курающему сому пристраивается парочка рыдающих крокодилов и жирный австралийский кенгуру, – один только взгляд в его томные, блестящие глаза, обрамлённые густыми ресницами, закодировал бы любого мясоеда, заставив вступить в ряды веганов, праноедов и сыроедов.

«Сыроедов», – поправляет меня внутренний голос, стоически сдерживая рыдания смеха.

«Сыр нельзя!» – не вполне уместно пишу в конце назначения. Хозяйка, глядя на щедро исписанный листок, постепенно смягчается.

Но, кстати, недавно стали выпускать консервы с мышинным мясом.

...Дальше идут люди сплошь мозговыносящие.

Очень непонятный сиамский кот, претендующий на несколько диагнозов сразу, и женщина, которая не слушает, что я говорю, потому что долго и плодотворно посидела в интернете на форумах «умников». Зачем пришла?

– Нет, не надо брать кровь, – отказывается она от первого этапа постановки диагноза.

«Абу Али ибн Сина девяноста восемь болезней, промежду прочим, по пульсу различал! – поучительно глаголит внутренний голос. – Он ещё и двести видов смертельного пульса знал! А тебе всё анализы подавай!»

Где Абу Али, а где я!

Раньше меня дико бесило, что хозяева отказываются от элементарного – взятия крови, что значительно сужает нам круг поиска причины заболевания. Когда спустя несколько дней безрезультатного лечения они соглашаются сдать кровь, под действием сделанных препаратов показатели могут уже поменяться. Это из серии «скупой платит дважды».

Теперь я стала спокойнее реагировать на подобный отказ.

– Окей, пишите расписку, – мирно соглашаюсь, придвигая к хозяйке кота рабочий журнал. – Будем лечить эмпирически³⁴, – и начинаю озираться в поисках бубна.

Скорее всего, мои догадки про триадит³⁵ и кучку сопутствующих верны, но анализ крови иногда преподносит неожиданные сюрпризы.

– Ой, – смущается хозяйка кота, испугавшись ответственности. – Ладно, берите, берите.

Аминь... Беру анализы, на основное, и затем тихонечко струйно вливаю небольшой объём жидкости, чтобы нивелировать коту обезвоживание – это симптоматическое лечение, которое будет откорректировано позже. И витамин В₁₂ туда, само собой – состояние с воспалительным заболеванием кишечника часто сопровождается анемией, да и кот сиамский: может быть и букет болезней.

– По поводу анализов вечером позвоните, – я пишу назначение, игнорируя внутренний бубнёж про Али Абу.

Он, небось, и имён-то таких не знал, как экзокринная недостаточность поджелудочной, гипертиреоз или анемия.

Прощаемся... Следующий...

– Он заразный, да? Заразный? – худощавая женщина с тёмными кругами под глазами, будто бьётся в припадке и так трясёт котёнком в воздухе, что я начинаю всерьёз за него беспокоиться.

– Что? Случилось? – медленно задаю ей стандартный вопрос, рефлекторно вытягивая руки, чтобы подхватить котёнка, если он сейчас куда-нибудь полетит.

– Я его в питомнике взяла месяц назад, – судя по котёнкотрясению, женщина готова убить его прямо здесь и прямо об стену. – Вдруг он заразный? Токсоплазмозом!

– Вы беременны? – задаю вопрос, казалось бы, вовсе не в тему, но на слово «токсоплазмоз» истерикой реагируют обычно женщины в «интересном положении». Особенно ненавидят кошек акушерки, наблюдающие рождение слепых детей.

– Нет! Но вдруг он токсоплазмозный! Я вчера прочитала, что именно кошки переносят этот... токсоплазмоз!

– Видите ли, – пытаюсь подобрать правильные слова, наконец отобрав у неё вопящего котёнка, который оказывается вислоухим шотландцем. – Да, у животных и людей есть общие болезни, но кошки в отношении токсоплазмоза не так опасны, как об этом говорят. Был у него кровавый понос, судороги?

– Н-н-нет, – отрицает женщина.

– Сонный, малоподвижный? Рвота?

– Нет, нет, – отвечает она.

– Глаза нормальные, – констатирую вскользь. – Ел он мышей, сырое мясо, землероек? – пытаю дальше её.

³⁴ Эмпирически – то есть опытным путём.

³⁵ Триадит – комплекс воспалительных заболеваний поджелудочной железы, печени и тонкого отдела кишечника.

– Нет, сухой корм, – кажется, она нуждается в подробной лекции про заболевание, которое и рядом не стояло с её котёнком.

«Забавное слово», – некстати отзывается внутри на «землеройку».

Я рассказываю про токсоплазмоз, параллельно осматривая пациента: ушки чистые, рот розовый, – живой, активный котёнок. Изучаю его, скорее, для видимости – по статистике это заболевание больше присуще взрослым кошкам, а не подобной мелочи. Хотя внутриутробное заражение тоже возможно.

Живот мягкий, желтухи нет, одышки нет. Глаза обычные, только сильно испуганные. Щупаю печень – не увеличена.

– Токсоплазмозом заражено сырое мясо: говядина, свинина... ну и люди заражаются чаще всего через шашлыки, – параллельно рассказываю я. – Кошки – тоже через сырое мясо или поедая грызунов. Если кошка, съевшая мышью, всё же заразилась, то дня через три она начнёт выделять токсоплазмозные цисты, но это длится всего одну-две недели. И то кошачьи какашки должны несколько дней «дозреть» в наполнителе, чтобы стать потенциально заразными, – постепенно я подвожу женщину к выводу, что заражение возможно при поедании шашлыков, сырого мяса или кошачьих какашек, хорошенько созревших в лотке.

Последний вариант звучит экзотически. Остальные же между прочим объясняют, почему при проверке на токсоплазмоз часто именно люди дают положительный результат, а кошки, живущие в той же семье – нет. Среди людей, кстати, процент носителей довольно высок. Шашлычки-то все любят. Где там наши агитаторы веганы-сыроеды?

– Значит, если кошка ловит мышью, она всё время заразная? – спрашивает женщина уже спокойнее, но всё ещё нервно.

– Отнюдь. Кошка, раз переболевшая токсоплазмозом, становится безопасной на несколько лет, а то и на всю свою жизнь. Просто не кормите её сырыми мышами и мясом, – в завершение говорю я.

«Сырые мыши» звучат не менее забавно, чем «землеройки».

– И тщательно обрабатывайте разделочные мясные ножи и доски. Ну а про лоток и шашлыки Вы поняли.

Кивает.

Вспоминается, что в некоторых «аулах» Англии всем овцам в отаре намеренно выпаивают околоплодные воды от абортировавшей овцы, чтобы все они уже разок абортировали. Ибо после одного аборта, вызванного токсоплазмозом, больше овцы уже не абортируют. Но это вроде как не в тему, поэтому просто говорю:

– По внешним признакам котёнок абсолютно здоров. Если будет что-то беспокоить – приходите, но сейчас нет смысла его обследовать. Ни одного из клинических признаков токсоплазмоза у него нет.

Женщина, заметно успокоившись, забирает котёнка к себе на руки.

... Следующие на приём – пара, пьяная вдрыбаган...

– Он умираэ! – произносит мужчина, вытряхивая из-под куртки на стол чёрного, шустрого, в меру агрессивного кота.

От дегустации запаха созревшего перегара, которым щедро ароматизирует парочка, хочется одного – включить кварц и выбежать на свежий воздух. Владелец – с бордовой физиономией, одет в потёрханные рейтузы и драную майку; на женщине странный халатик. Оба держать кота не способны: помощники из них сейчас вообще не ахти. Подхожу к коту сзади, чтобы спокойно прощупать: таких лучше не обследовать нос к носу, чтоб не нервировать.

«Friendly cat³⁶», – раздаётся язвительное в голове.

³⁶ Friendly cat (от англ. – дружелюбный кот) – культура, основанная на понимании потребностей и особенностей поведения

Вполне себе бодрый кот пытается сбежать со стола, но затем замечает мерцающую на потолке люминесцентную лампу, которая полностью завладевает его вниманием. С интересом наблюдающий за лампой кот вовсе не смахивает на умирающего. Живот мягкий, никаких болезненных ощущений при пальпации не проявляет, и мне остаётся одно – как следует порасспросить владельцев.

– Блюёт! – с вызовом кричит мужчина и валится на стул. При этом открытую банку с пивом он с ювелирной точностью ставит на край стола. Затем бросает мутный взгляд на свою пассию и вежливо интересуется, тыча пальцем на банку: – Буишь?

Та отрицательно мотает головой, едва не потеряв равновесие.

Изучаю кота дальше. Температура нормальная, во рту чисто.

– Умираэ! Дайте ему таблетку! – слезливо произносит женщина, громко бухнувшись спиной об стену. Её причёска и внешний вид взяли бы главный приз в номинации «Я упала с самосвала, тормозила чем попало». Отказать бы им в обслуживании, да кота жалко. Не из-за причёски, конечно, а из-за неадекватности.

– Сколько лет? Что ест? – стандартно спрашиваю я. – Прививки?

Они отвечают жестами, а потом одновременно невнятно бубнят. Мои подозрения падают на огромный мешок дешёвого корма, открытый полгода назад: часто внизу мешка корм прогоркает и вызывает интоксикацию. Говорю об этом.

Однако, не исключена и инородка, и панлейка, и даже проблемы с сердцем, и прочее, прочее... Тут же на ум приходит случай с блюющим котом, у которого оказалось заболевание сердца на фоне анемии³⁷ из-за гемобартонеллёза³⁸. А казалось бы!

Женщина, рыдая, сползает и садится на корточки: из глаз вытекает слезища и повисает на кончике носа – чистейшая, словно первая капля самогона. Вероятно, содержание алкоголя в ней такое же.

– Я не переживу-у-у, – с диким рёвом выплакивает женщина и добавляет, показывая на пальцах виртуального микроскопического котёнка: – Я его вырастила во-о-от с такого разме-е-ера!

С внутриутробного, что ли... Слеза, дрогнув, срывается с кончика носа и тяжело падает на пол.

Когда я подношу к грудной клетке кота стетоскоп, чтобы прослушать сердце, мужчина воинственно восклицает:

– Денег нет!

А женщина, смачно шмыгнув носом, хриплым от переживаний голосом, кричит ещё громче:

– Дайте таблетку!

Ну, очень вовремя. Люди всегда начинают говорить, когда я пытаюсь прослушать сердце и лёгкие, – классика жанра. «Бу-тум! Бу-тум!» – отвечает мне здоровыми звуками кошацье сердце, пока сам кот замороженно наблюдает за мерцающей лампой.

– Мы не имеем права лечить бесплатно, – я вытаскиваю из ушей и сворачиваю стетоскоп в баранку. – Кот в данный момент не умирает, и никакая таблетка ему не поможет, потому что он её выблюет.

И тут я впервые задаю вопрос, который сильно облегчил бы нам работу, знай мы ответ заранее:

– Давайте отталкиваться от того, сколько сейчас вы готовы потратить. Первую помощь окажем.

кошек.

³⁷ Анемия – снижение гемоглобина в крови.

³⁸ Гемобартонеллёз (инфекционная анемия, гемоплазмоз) – кровопаразитарное заболевание, вызываемое микроорганизмами из рода *Micoplasma*.

– Денег нет вообще, – ничтоже сумняшеся замечает мужчина, сделав глоток из банки и виртуозно поставив её на стол. После чего выворачивает карманы треников, вываливая из карманов на пол кучу скомканных магазинных чеков.

– И как вас лечить? – предельно вежливо спрашиваю я.

– А никак! – женщина вскакивает, грабастает кота и хриплым баритоном орёт: – Если он умрёт, я вас всех тут поубиваю!

И размашистыми шагами выбегает из кабинета, уволакивая кота.

– За что, интересно? – громко вопрошаю вслед, не изменив интонации. – Вы пришли получить услугу бесплатно?

– Простите её, – с трудом произносит мужчина, состроив кривую ухмылку, после чего поднимается и уходит следом, не забыв двумя пальцами прихватить пивасик.

– Куда?! – тут же слышится голос Али. – Там хирургия!

Отборный мат звучит ей в ответ. Выхожу следом, наблюдая, как парочка покидает клинику, ткнувшись, наконец, в нужную дверь. Аля стоит в коридоре, удивлённо подняв кверху откорректированные намедни чайки-брови, а заодно и идеально наманикюренные руки.

«Умеют же некоторые следить за собой», – отмечается в голове.

Наши там в хирургии сейчас гнойную матку у лабрадорши удаляют, и мне вспоминается случай, как один наглый чел так же вторгся в святая святых, а ассистент хирурга, как раз принявший ампутированную пятикилограммовую кровавую матку, прямо на пороге вручил её ему в руки. От неожиданности, так сказать.

Хорошо хоть не оформила их в журнал, а то объясняйся потом.

В некоторых клиниках прямо в холле вешают объявление, что врач может отказать в обслуживании без объяснения причин. Вот про пьяных товарищей такая тема не помешала бы, ох, не помешала...

– Хорёк, – будто извиняясь, Аля приглашает следующего пациента.

Моё первое близкое знакомство с хорьком было болезненным – неожиданно, мёртвой хваткой он вцепился мне в мякиш руки. Я рукой дёрнула, но вовремя остановилась, чтобы случайно и рефлекторно не стукнуть его об стену.

Так мы и застыли, оба стиснув зубы: хорёк висел, пока не устал, и только тогда отвалился. До сих пор шрамы остались.

Поэтому хорьков я не то, чтобы не люблю, – я их боюсь. Тот, что сейчас пришёл на приём – отгрыз и съел хвост от резиновой змеи. Заставляю его блевать, но расставаться со змеёй он не спешит, – возможно, кусок проскочил дальше.

Гастроскопию бы сюда – это когда животному под наркозом вводят зонд и вытаскивают инородку из желудка обратно через рот. Если она ещё в желудке. Ну, чтобы не резать. Хозяйка хорька кричит:

– Быстрее! У меня на улице ребёнок в коляске!

Ну, миленько вообще. Тыжврач, тыжмать и тыжхорёк.

«И тыжзмея».

Объясняю про признаки инородки, необходимость УЗИ и рентгена.

– Да всё, всё, я поняла! – женщина хватает хорька, расплачивается и убегает, не взяв назначения.

Да что ж такое с вами всеми сегодня...

...Дальше женщина с корзинкой, в которой сидит котёнок.

Спросить, с чем пришли, не представляется возможным: каждую минуту у неё звонит телефон, и с каждым разом мужской голос на том конце становится всё агрессивнее, а её ответы всё несчастнее.

– Я убью тебя, если ты сейчас же не выйдешь! – этот ор из телефона слышат уже все, кто находится рядом.

– Держите! – кричит женщина в испуге, бросает корзинку на стол, кидает рядом смятые деньги и выбегает из кабинета.

Да что происходит вообще? Луна влияет? Ну и как собирать анамнез? Котёнок, ты как? Что ешь? Что болит?

Уношу его в стационарный бокс, чтоб не сбежал.

...Женщина возвращается через час. Забирает деньги, корзинку с котёнком и молча исчезает уже насовсем, так ничего и не объяснив.

...Атмосферу суеты и агрессии щедро дополняют покусанные собаки, – ну, стопудово Луна вносит свои коррективы. День плавно перетекает в вечер, переставший быть томным ещё с утра, а затем наступает ночная смена.

Ночью приходит вельштерьер, на которого напала свора собак. Однажды он уже был у нас с раной на горле, а на этот раз пришел с разорванной... этой... латеральной головкой четырёхглавой мышцы бедра и ещё одной дыркой рядом. Где тут наш анатомический атлас?

Пока собака лежит под капельницей, в атласе с ужасом обнаруживаю огромный седалищный нерв, который проходит как раз в этом месте. Задеть его – и нога перестанет функционировать.

На счастье, из отпуска вышла наша оптимистка Мара, которая меня целиком и полностью компенсирует, – с нею мы и дежурируем в ночь. Как выяснилось, Мара даже рожала за три секунды – некогда рассоливать! Вот и в работе она такая же. Я еще только думаю о том, что подготовить, а она уже завалит, бывалоча, кошку, замотав ее в полотенце, и кричит: «Ну долго ещё ждать-то?» Кошка даже опомниться не успевает, а я – тем более.

А тут она ещё и из отпуска! Вообще ураган.

Однажды энергичную Мару поставили в смену с флегматичным Серёгой, и ночью им пришлось оперировать кошку с пиометрой. Сергей «открыл» кошку и обнаружил, что матка с гноем, которую надо удалить, приросла к мочевому пузырю – как раз там, где впадают ценные мочеточники. Которые если задеть, то можно навсегда выключить почки, что равносильно смерти. И вот он задумался, как грамотно отпрепарировать матку от пузыря, чтоб ничего не повредить: ювелирная работа! Мара на наркозе стояла. Ждала, ждала... Топталась, топталась. Тянула шею. И через двадцать секунд мучительного для неё ожидания как завопит:

– Да режь уже! Режь!

Так и вижу эту картинку!

Всё тогда прошло, кстати, благополучно: матку перед удалением удалось разлучить с мочевым пузырём, а затем и с кошкой, которая после операции быстро пошла на поправку.

И вот, вельш. Запираюсь с атласом в хирургии... Стрёмно жеж! Мара, вторгаясь вихрем в операционную, кричит:

– Так! Соберись! – и с грохотом кидает в ванночку с дезраствором нужные инструменты, щедро поливает спиртом столик из нержавейки.

Из ящиков стола с оглушительной скоростью появляются две упаковки стерильных перчаток и предметы, необходимые для интубации и реанимации; гремят ещё тёплые после автоклава биксы с салфетками.

Заталкиваю гиперответственность и перфекционизм в глубокие недра психики, и мы забираем собаку на операцию. Технику сшивания мышц я знаю, шовник хороший, – и правда, что волноваться-то? Ну, нерв рядом. Так я же знаю об этом! Коллеги мои по ночам заворот желудка оперируют у крупных собак, а я тут лапу сшить не могу?

Шью долго, старательно. Мара на наркозе, стоит напротив меня, нетерпеливо топчется, стоически молчит. Время тянется. Зафигачиваю в шитую мышцу блокаду с антибиотиком.

Нерв остаётся не увиденным, и это прекрасно. Надеюсь, что всё срастётся, несмотря на то, что рана была инфицирована. В дырку вставляю дренаж для промывания – это мои «тараканы», которые долго не приживались в клинике, когда я только пришла. Метод такой. Дренаж Пенроуза называется. Потом как-то все смирились с моим упорным желанием снабжать инфицированные раны дренажами, вместо того, чтобы наглухо зашивать их. Только однажды коллега вызвала меня в коридор для «неприятного разговора», когда я, увлечшись, запилила дренаж её пациенту. Взбучка была волнительная и интеллигентная: в виде любезностей мы обменялись аргументами, избегая перехода на личности, и с тех пор я уже стараюсь ничьи назначения не корректировать. В конце концов, клиника стала ведущей задолго до моего появления. Но вельшу-то дренажник запиливать – святое. Так он быстрее пойдёт на поправку, – в этом моя личная вера. На посошок назначаю курсом капельницы.

...В пять утра раздаётся звонок в дверь, и мы с Марой идём открывать – обе сонные, как осенние мухи.

На пороге – очередная пьяная парочка: очевидно, некоторые перед визитом в клинику просто не могут не накатить. Заходят внутрь; в руках у мужчины голубь.

– Плохо летаэ, – говорит мужчина и выпускает птицу.

Испуганный голубь начинает вполне себе резво порхать по клинике в поисках выхода и выдаёт жидкую бомбу, которая плюхается белым пятном прямо по центру смотрового стола.

– Ночью двойной тариф, – автоматически говорю я, прислонившись к косяку и с тоской понимая что сейчас начнётся бомбардировка, которая прибавит нам с Марусей работы. – С птицей можно прийти по записи днём. Сейчас орнитолога нет.

Первая фраза неожиданным образом протрезвляет людей. Мужчина, в прыжке, лихо запуливает в летящего голубя кепкой и этим ловит его. Исчезают они ещё стремительнее.

Жажда написать объявление «отказать в обслуживании без объяснения причин» в разы усиливается.

Как относиться к диким птицам? С мыслями об орнитозе³⁹, конечно же!

В шесть утра у подушки звонит телефон, беру.

– Ветклиника, – выдаю на автопилоте, едва ли уйдя ото сна.

– Девушка, у нас тут кошка вчера котят родила. Четверых.

– И что случилось?

– Котятам плохо.

За окном зарождается очередной восход солнца: небо светлеет, откуда-то с горизонта подсвечивает розовым цветом рваные облака, – я вижу это в окно; занавесок в ординаторской нет. Закрываю глаза.

– А порода какая?

– Британка. Но плохо не ей, котятам...

«Началось в деревне утро».

– И что с котятами?

– Всё было хорошо. Присосались сразу же после родов. А теперь вялые, писают тёмным... Бледные все какие-то. Перестали кушать совсем. И один, мне кажется, пожелтел.

Обнаруживаю, что практически сплю – изо рта на подушку течёт слюна. Блин, блин, котята же. Переворачиваюсь на спину, невольно потревожив сопящую рядом Мару.

– Группы крови у кошки и кота перед вязкой определяли?

³⁹ Орнитоз – острое инфекционной заболевание; характеризуется лихорадкой, интоксикацией, поражением центральной нервной системы и внутренних органов. Зооантропоноз (т.е. опасное и для человека).

– Нет, – недоумённо произносят на том конце. – Она на даче кота нагуляла-то. Группы крови... А надо было? Это же кошка, девушка, какие ещё группы крови? Вы что там, шутите?

Ага, шучу. В шесть утра.

– То, что вы описываете, похоже на неонатальный изоэритролиз⁴⁰, он же «синдром внезапной смерти котят».

Женщина ойкает. Таких шуток ей, видимо, слышать не доводилось.

– Желтуха, анемия, – перечисляю я, разлепив глаза и уставившись в потолок, – красно-коричневая моча, точечные кровоизлияния, некрозы и кровоточивость кончика хвоста, лапок, ушей... – ну, прям обхохочешься, чоуш. – И очень часто летальный исход.

– Они что теперь, все умрут? – пытается меня голос из телефона.

Тут действительно хочется пошутить про то, что «мы все умрём».

– Вам нужно срочно перевести их на искусственное кормление. На два-три дня.

– Я ничего не понимаю про эти группы, – воют на том конце. – Что это за элит... элитролиз такой?

Снова закрываю глаза. Лекция про несовместимость, окей.

– У кошек есть три группы крови: А, В⁴¹ и АВ. У Вашей породистой кошки, вероятно, кровь группы В⁴². Предположим, кот, с которым любовь случилась, носитель группы А – он был беспородный, да или нет? У них разная кровь, понимаете?

Монтекки и Капулетти. Лёд и пламень. Гемолиз и агглютинация. День и ночь. А точнее раннее утро. Мара выпрастывает ногу из-под одеяла, вытекает оттуда сама и бежит ставить чайник. Мне бы столько энергии после бессонной ночи! Беспородность или породистость, конечно, не являются стопроцентной гарантией конкретной группы крови у кошек, ну да ладно: так объяснить зато проще.

– Группа А доминантная, то есть при скрещивании она от кота и досталась котяткам. А у кошки другая группа, В. Понимаете?

– Доминантная? – только и переспрашивает женщина.

– Да. Это значит, что по наследству она передаётся сильнее. И у котят будет папина кровь. При сосании молозива кошкины антитела проникают в котят и атакуют их эритроциты. Происходит острый гемолиз, то есть их разрушение.

– Что же делать? – восклицает в отчаянии женщина.

«Чернышевский, поди сюда».

– Отнять их от матери на двое хотя бы суток. Перевести на смесь, – говорю основное. – На третьи сутки кишечник перестаёт пропускать опасные антитела. Смесь купите в зоомагазине. Или посадите котят к кормящей привитой кошке с группой А, если найдёте такую и станете это определять. Если сами не могут сосать – надо зонд пищевой ставить. Если совсем плохи, нужен вдобавок брудер, инкубатор такой – там нужны влажность и температура, – и сыворотку крови подкожно сделать от кошки А, привитой, с проверкой на совместимость. Короче приносите, посмотрим.

Фраза: «Приносите, посмотрим» действует на людей безотказно – они тут же вешают трубку, – и эта женщина, быстренько попрощавшись, делает то же самое. Фраза означает, что консультация кончилась, но мне, собственно, больше нечего и сказать.

Кроме разве того, что любовь зла. Даже если это любовь у кошек.

* * *

⁴⁰ Неонатальный изоэритролиз (neonatal isoerythrolysis, NI), или гемолиз новорождённых – тяжёлое, часто смертельное состояние, при котором антитела из молока матери разрушают эритроциты новорождённого. Вызывается несовместимостью групп крови.

⁴¹ В и АВ, по-английски, – читаются как «Б» и «АБ».

⁴² Группа крови В, как правило, присуща высокопородистым кошкам: абиссинская, бирма, британская короткошерстная, корниш-рекс, девон-рекс, экзотическая короткошерстная, японский бобтейл, персидские, сфинкс, сомали и др.

...Вчера Аля выдала:

– Сейчас пришла кошка, которая неделю ест, а неделю не ест.

Ответила ей флегматично:

– Ну, прям как я.

Все, кто был в кабинете, включая хозяев на идущем приёме, принялись хохотать. Вот я клоун...

Ходила по рынку, выбирала себе шлёпанцы для работы. Мои старые настолько пообтрепались, что даже бомжи побрезговали бы брать их в руки. Но они пока что единственное, в чём ноги не устают, поэтому я для виду прогулялась вдоль рядов и ничего не купила. Скоро буду свои скотчем заматывать. Стыдно, зато удобно.

Звонила хозяйка кота с блошиным дерматитом. Сказала, что они затеяли ремонт, сняли полы в квартире, и кот туда влез. Когда он вылез обратно, шерсть на его теле шевелилась от изобилия блох, и, вероятно, волосы так же интенсивно зашевелились от ужаса на голове у хозяйки. Вот вам и седьмой этаж, и домофон...

Побежала за назначенными препаратами.

Это ещё что. Я однажды ездила в гости к другу, и спала в доме, где кошки когда-то жили, причём их самих там давно уже не было. Я расстелила свой спальник и переночевала одну только ночь. Каково же было моё удивление, когда уже дома меня укусила блоха! Приехала в спальнике, эмигрантка!

Глава 7. Стажёр

Как узнать наверняка, что внутри у колобка? (Татьяна Задорожная)

Сегодня опять рабочие сутки.

Едва зайдя в клинику, по стойкому амбре, представляющему многокомпонентный аромат из кошачьих испражнений разной степени свежести, понимаю, что ночью опять произошло массовое нашествие приютских: многочисленные переноски стоят вдоль стены, начинаясь прямо от служебного входа. Молчаливые коты и кошки терпеливо ждут – они уже привыкли к заточению.

Наверху меня встречает молодая, серьёзная девушка с испуганными, словно у газели, глазами. Её русые волосы на голове забраны в тугую, куцый хвостик; сама худая. Не знает, куда деть дрожащие от волнения руки с тонкими пальчиками.

– Мне разрешили походить в вашу смену... поучиться... – неуверенно говорит она, сунув руки в карманы только со второго раза.

– На стажировку? – уточняю на всякий случай.

Кивает. Отглаженный белоснежный халат и наличие всех пуговиц на нём выдают её новичковость с потрохами. На бейджике неровными буквами написано: «Стажёр». Оцениваю для сравнения свой халат. Когда-то он тоже был белый и отутюженный. Потом стал просто белым, а затем просто халатом. Сейчас он прожжён в трёх местах, заляпан пятнами серебристого аэрозоля, который априори не отстирывается, а бирюзовые отвороты на рукавах и воротнике, наоборот, изрядно выцвели, причём неоднородно. Молнию давно пора поменять – ежедневная борьба с ней грозит рано или поздно обратиться в её пользу. Но эта форма, сшитая ещё в прошлом веке, хороша тем, что она защищает от всевозможных агрессивных выделений за счёт плотной ткани и почти не мнётся. И в ней есть целых три кармана, в которые я складываю многочисленные блокнотики с записями на все случаи жизни: алгоритмы, дозы, препараты, описание клинических случаев, телефоны... молитвы...

– Можно я с Вами сегодня поучусь? – всё так же испуганно спрашивает девочка, от волнения покрываясь пятнами, поверх которых проступают рыжие веснушки.

Пожимаю плечами. Учить я не люблю и не умею, – во всяком случае говорить и делать одновременно уж точно. Как обращаться с новичками-стажёрами – не имею ни малейшего понятия.

– Давно ходишь? – пытаюсь выяснить степень её акклиматизации.

– Вчера была, – кивает она радостно. – Накрутила салфеток! И мне дали помыть клетки в стационаре!

Ну да, вот они, эти «хомячковые», судя по размерам, салфетки. Что ж, экономить умеет.

Действие это очень похоже на медитацию: от рулона марли острым лезвием отрезается пласт, который шинкуют ножницами на квадраты, и из них уже сворачиваются салфетки. Затем ими заполняется округлый, металлический бикс, а потом его ставят в жарочный шкаф, где происходит стерилизация высокой температурой. «Правильные салфетки – коричневые салфетки», – как сказала однажды коллега.

Свернуть квадратик так, чтобы нитки были внутри – много ума не надо. Все мы с этого начинали. И девочка прям светится от восторга: вот счастье! Доверили!

Ещё новичков очень любят разыгрывать. Одну мою знакомую, помнится, когда она проходила практику в совхозе, озадачили тем, что у всех коров выпали зубы, причём только сверху, передние.

– Болезнь какая-то неведомая! – приземистый бригадир, ничем не выдавая себя, кидался к корове, хватал её пальцами за ноздри, отчего та широко разевала рот, и демонстрировал ужас: голую верхнюю десну! Без зубов!

Затем он бросался к другой корове и демонстрировал то же самое! Вот девчонка голову-то сломала... Смеялись потом всей фермой, потому как верхних резцов у коров нет изначально, с рождения...

– Что делать умеешь? – возвращаюсь я от воспоминаний к девочке-стажёру.

Мнётся и молчит. Ну, ничего, научим, покажем. Выясняю, что зовут человека Вика. Чему б тебя такому полезному научить-то, Вика...

– Катетеры внутривенные умеешь ставить? – спрашиваю её.

– Не-а, – говорит она и, судя по испуганным глазам, даже не понимает, о чём речь. – Но мне сказали, что сегодня много приютских котов. На них же можно потренироваться?

Делаю вид, что не расслышала. На своих пациентах я «тренироваться» не дам, даже если они приютские.

...Потихоньку подтягивается смена; мы разбираем переноски.

Вика ходит за мной по пятам. Это нервирует, но не сильно. Учю её элементарному – как грамотно и безопасно зафиксировать кота так, чтобы не сломать его и не упустить. Вика схватывает на лету и вскоре уже виртуозно заматывает очередного вытряхнутого из сумки кота в широкое полотенце – быстро, старательно.

Этот товарищ на кастрацию, и он достаётся мне. Даю внутривенный наркоз, кот облизывается и засыпает.

– Ой, а можно я? Можно мне? – умоляет Вика, слегка подпрыгивая от нетерпения.

– Нет, – обрываю её. – Объяснить – объясню, а оперировать не дам.

– Да дай ты ей, это же просто кастрация! – подзуживает Ира, тяжело посмеиваясь – на соседнем столе она берёт у приютского кровь из вены.

Как бы не так! Фиг вам!

Проигнорировав просьбу, я старательно объясняю про американский метод кастрации, когда семенной канатик и вены завязываются между собой без всякого шовника, что и демонстрирую, попутно объясняя про нюансы и возможные осложнения, возникающие, если накосячишь.

– Ага, допросишься у неё, как же, – весело бубнит Ира, переливая кровь из шприца в пробирки.

Ничего не могу поделывать: не хочу исправлять чужие ошибки. И ещё это называется «нести ответственность за другого», а я и в себе-то не уверена. Однажды во время кастрации кота особым закрытым способом семенной канатик ускользнул вглубь, и оттуда хлынула кровяшка: до сих пор помню адреналиновую бурю, которая накрыла меня изнутри. На счастье, канатик убежал недалеко, его легко удалось достать зажимом и перевязать, но это чувство ужаса и совершения ошибки навеки засело в глубинах моего подсознания. С тех пор тот способ кастрации на котах я практиковать суеверно не рискую...



Кот просыпается от наркоза.

– Значит так, – говорю я погрузневшей Вике, спрятав кота в переноску. – Иди сейчас на улицу и нарви листьев одуванчика.

Удивлённо поднимает брови.

– Ну, начало-о-ось! – вздыхает, посмеиваясь, Ира.

– Давай, давай, – уверенно подначиваю Вику, – ты же хочешь научиться ставить катетеры?

Сейчас глубокая осень, но найти одуванчики ещё можно.

Вика молча уходит и вскоре возвращается с пучком листьев, зажатых в руке. Для тренировки выдаю ей катетер. Он представляет из себя два клапана с крышечками и пластиковую трубочку, которую надо провести в вену. Для облегчения этой процедуры внутрь трубочки вставлен проводник – острая металлическая игла. Суть в том, чтобы как можно более безболезненно проткнуть кожу и стенку сосуда, затем чуток оттянуть иглу-проводник на себя, чтобы не прободяжить вену насквозь и, наконец, аккуратно протолкнуть трубочку в вену, неподвижно придерживая при этом иглу. Причём одновременно приходится и держать лапу кота, и манипулировать с катетером, так что все эти «протолкнуть» и «придержать» осуществляются, соответственно, пальцами одной руки. Само собой, кот содействия не проявляет, во время прокола кожи неизменно дёргается, и я его понимаю. Поэтому опытные врачи намаstryиваются делать прокол кожи резким, но коротким толчком – максимально безболезненно.

Ну и в завершение всё это приматывается пластырем: не слабо, чтобы не отвалилось, но и не туго, а иначе лапа отечёт из-за нарушения лимфо- и кровотока.

Некоторые врачи умудряются проделать данную процедуру в одиночку, но если нет специальной фиксирующей сумки кто-то должен хотя бы подержать животное, особенно если оно агрессивное.

Подробно объясняю Вике технику, а затем показываю на одуванчике, проводя катетер в жилку листа. Я сама училась на одуванчиках, так что...

– Хорошо, когда вена толстая, упругая, наполнена кровью – её можно с лёгкостью обнаружить, – поучительно вешаю я. – Другое дело – какой-нибудь мелкий дрищ, в шоке и с кровопотерей, – у таких постановка катетера в вену равнозначна демонстрации чуда. В конечном итоге всё упирается в опыт.

– Поняла, – неуверенно отвечает Вика.

– Ну, давай, покажи, как поняла, – я беру в руку очередной лист одуванчика и держу, прижав его к большому пальцу своей руки. – Это, типа, кот и его лапа.

Дрожащей рукой Вика берёт меня за палец, и как только катетер неуверенно касается жилки листа, я резко дёргаюсь и ору:

– Ми-и-ия-у-у!

Вика подпрыгивает, катетер летит в одну сторону, одуванчик – в другую, а я громогласно хохочу. Ира демонстративно вздыхает.

– В общем, учитель из меня так себе... – говорю испуганной Вике, отсмеявшись. – Ты, главное, тренируйся. Одуванчики не кусаются. А если хочешь научиться быстро красиво шить, то сговорчивее «пациентов», чем куриные окорочка, сложно себе и представить. Внутрикожный шов на них отрабатывается изумительно.

В своё время я их так фаршировала: скальпелем – разрез, пинцетом – кусок чеснока туда, а затем иглодержатель и просроченный шовник в помощь. Возилась долго, ужин неизменно откладывался. Дырки на одежде у нас зашиваются кишечным швом – «ёлочкой»; испорченные в походе ботинки – методом для пришивания кожи подбородка. Я даже шнурки завязываю не как все обычные люди, а строго как при наложении узловатого хирургического шва, хоть и бантиком.

«Не льсти себе. Это называется профдеформация, детка, – ухмыляется внутренний голос. – Деформируешься профессионально».

– Да не переживай, – говорю в утешение Вике. – Снимать катетер бывает ещё тяжелее, чем ставить.

Она заметно грустнеет.

До недавнего времени снятие катетера было наказанием для всех. Пластырь, как известно, имеет два свойства – не прилипать, когда его приклеиваешь, и не отлипнуть, когда он уже не нужен. И, поскольку, примотан катетер пластырем, да ещё и к шерсти, то это почти всегда превращалось в жестокую пытку посредством депиляции. Маленьким собачкам приходилось долго, кропотливо отстригать шерсть, прилипшую к пластырю.

На счастье, как раз на снятие катетера приходит выздоровевший кот, и на нём я провожу визуальную демонстрацию необходимого навыка.

– Смотри, метода два, – объясняю для Вики и, попутно, для хозяев кота: – Либо ты ножничками аккуратно отстригаешь шерсть в процессе снятия – только смотри, трубочку не отрежь, а то останется внутри, и будет флебит⁴³; и кожу не задень... либо... – и я делюсь фирменным лайфхаком⁴⁴, недавно перенятым от коллеги в другой клинике: прыскаю на присохший многослойный пластырь пульверизатором с антисептиком. За секунду чёрствая прилипшая корка становится мокрой вялой тряпочкой и с лёгкостью разматывается, освобождая лапу.

Всем полезно ездить на стажировки.

– Магия... – заворожённо восхищается Вика.

⁴³ Флебит – воспаление вены.

⁴⁴ Лайфхак (от англ. *lifehacking*) – на сленге означает «хитрости жизни», «народная мудрость» или полезный совет, помогающий решать бытовые проблемы, экономя тем самым время.

А то! Зажимаю отверстие, оставшееся в коже, ватным диском – спирт немного щиплет, и кот недовольно пробует отнять лапу. Накладываю поверх эластичную повязку, говорю владельцам стандартное:

– Не забудьте через полчаса снять, а то лапа отечет.

* * *

– Лишь тот не ошибается, кто ничего не делает. Ошибки – это нормально. Высший пилотаж – это учиться на ошибках чужих, но и свои не игнорируй. Давай-ка я тебе про один такой случай расскажу, – говорю в утешение Вике.

Шмыгнув носом, она кивает, и я погружаюсь в воспоминания.

Сей незабываемый эпизод случился, когда я только пришла работать в клинику и ничего ещё не умела: с энтузиазмом крутила салфетки, вытирала столы, училась элементарному. И мне доверили кота: снять швы после операции на бедре – это был остеосинтез после перелома.

Вся смена удалилась в хирургию на кесарево сечение у шпица, чтобы принимать многочисленных щенков, а мне сказали: «Ну, ты же одна справишься, верно? Ну, не ждать же им целый час в холле».

И вот, на столе – рыжий недовольный кот. Рядом стоят его владельцы – высокий и одновременно широкий в плечах мужчина, и с ним – низенького роста, скромная женщина. Смотрю назначение: со времени операции времени прошло порядочно, и швы снимать, и правда, пора.

– Снимайте уже, – подначивает мужчина. – Хватит.

Кожа на бедре кота горячая, красная. И ещё он какой-то странный.

«Странный, странный, странный кот», – задумчиво звучит у меня в голове, нервируя неопределённостью.

– Кололи антибиотики? – спрашиваю почему-то я, продолжая разглядывать назначение, где они были рекомендованы.

– Да не, – отвечает мужчина, легкомысленно махнув рукой. – Он же не даётся! Один раз укололи, а больше не стали.

Ну ладно... Снимать, так снимать... Тем более, что кот беспокойный: таких хочется отпустить побыстрее.

Иду в хирургию.

Там всю рождаётся новая жизнь – мокрые щенята ползают по боксу, выложенному грелками и пелёнками, а девчонки растирают вновь поступающих. Мирно плачут приборы; им вторит щенячий писк.



Щенки шпица.

– Ну как ты там? – размеренно спрашивает Алла Петровна, сосредоточенно растирая маленького рыжего щенка. – Справляешься?

Она работает в клинике со времён её основания, глубокоуважаема за житейские советы и непревзойдённую мудрость.

– Всё под контролем! – отвечаю я бодро, вымученно улыбаясь.

После чего беру пинцет, скальпель и возвращаюсь к коту.

Итак... Снять швы – это просто. Главное – подрезать нитки как можно ближе к коже, предварительно обработав их, чтобы не допустить развития свищей.

Мужчина придерживает кота, а тот активно пытается сбежать со стола. Короче, надо быстренько закончить с этим и отпустить их... Щас... Я щас...

Обрабатываю салфеткой с антисептиком шов, затем беру пинцетом за нитку и подрезаю её лезвием у самой кожи. Вытаскиваю. Всё получается, и вскоре нитки, одна за другой, – все оказываются на столе. Справилась. Протираю кожу на шве ватным диском с антисептиком, снимая лишние корочки.

В этот момент кот сгибает лапу в коленке и... длинный, пятисантиметровый шов расходится по всей длине, на глазах превратившись в огромную рану. На дне раны обнаруживается сверкающая белой надкостницей бедренная кость и ровный ряд металлических винтиков, вкрученных в неё во время операции.

«Что? ЧТО? А-а-а!» – кратко и по делу орётся внутри.

– Чёрт! – кричу я в панике. – Держите его!

Меня накрывает волной адреналина. Лихорадочные мысли бешено скачут в голове, и кот начинает вырываться ещё активнее. Сейчас он сбежит с открытой послеоперационной раной и... О, Господи! Все в хирургии, а кота надо занаркозить в вену! Рана алеет ярко-красным, воспалённым мясом. Женщина тихонько сползает на стул и там заваливается набок. Обморок. Лицо мужчины приобретает землистый оттенок, и я понимаю, что времени на раздумья нет.

Попасть в вену я не смогу и зашить – тоже. Поэтому я делаю то единственное, чему научилась за этот месяц хождения в клинику: хватаю с подноса салфетку, накрываю ею открытую рану, и уже поверх этого накидываю на кота полотенце, в которое стремительно его заворачиваю. Завернуть кота в полотенце – вот и всё, что я умею на тот момент.

– Помогите! – ору в коридор так, что меня слышно в хирургии, в холле, на улице и в параллельной Вселенной. Во обеих Её концах.

На мои громкие вопли прибегает встревоженная Ира.

– Нашатырь давай! – кричу ей.

– Да что случилось-то?

Тут Ира бросает взгляд на женщину, вяло сидящую на стуле в состоянии обморока. Едва дотянувшись, она стаскивает с верхней полки шкафа коробочку с надписью: «Для нервных владельцев», вытряхивает оттуда нашатырь, смачивает им салфетку и подносит к лицу женщины. Та недоумённо приходит в себя, оглядывается по сторонам и пытается встать.

– Сидите, сидите! – предвосхищает её телодвижение Ира.

Вслед за ней появляется наша Алла Петровна.

– Что за шум? – размеренно она поправляет очки и оглядывает всех присутствующих, направляясь при этом ко мне.

«Да пиздец! Просто пиздец!» – отвечает ей мой внутренний голос.

Вслух, на грани истерики, я говорю:

– Шов у кота разошёлся!

– О, б-б-б... лин, – из уважения ко всем, Ира глотает матное слово и ныряет в холодильник, где всегда есть дежурный шприц для наркоза. Ловко меняет иглу на бабочку⁴⁵. От меня сейчас толку мало: падаю на стул рядом с женщиной и оставляя кота девчонкам. Мужчина пока держится, но как-то напряжённо молчит.

Из глубины полотенца добывается здоровая кошачья лапа... молниеносные поиски вены, Ира вводит наркоз, и кот засыпает.

– Выйдите на крылечко, – говорит она женщине. – На свежий воздух, – потом смотрит на зеленеющего мужчину: – И Вы тоже.

Молча, на деревянных ногах они идут на крыльцо, где и стоят. О, спасибо тебе, мужчина, что хоть ты не упал!

– И ты. Тоже, – говорит Алла Петровна мне, а затем поясняет, повернувшись к Ире: – На ней же лица нет.

Я остаюсь сидеть просто потому, что ноги не держат.

Вскоре вновь красиво зашитый кот возвращается к владельцам. Курс антибиотиков продлится ещё на две недели. Хозяевам читается лекция на тему: «Как важно колоть антибиотики после операции». Я нервно пью корвалол в ординаторской...

Сняла, блядь, шовчики...

Вика хохочет, снимая с меня чувство неловкости за проявленное тщеславие и высокомерие. Да-да, мы все учились на таком вот...

«Чему-нибудь и как-нибудь».

⁴⁵ «Бабочка» (игла-бабочка) – тонкая длинная трубочка, которая заканчивается иглой и применяется для удобства внутривенного вливания. Название получила из-за пластмассовых крылышек, расположенных рядом с иглой.

Глава 8. Панлейка

Разница между разумом и эмоциями заключается в том, что разум приводит к выводам, а эмоции приводят к действиям (Donald Brian Calne).

Выхожу работать в ночь, с Вероникой.

Она у нас красавица: миловидное, улыбчивое лицо с красивыми чёрными глазами, пухлыми губками и румянцем на щеках, а также женственная фигурка делают её привлекательной и обворожительной. Но больше всего подкупает её неистощимый оптимизм: с жизнерадостной улыбкой Вероничка будет стоять и старательно брить гнилые уши у коккер-спаниеля, подготавливая его к операции; выколупывать пинцетом шевелящихся опарышей из какой-нибудь гнойной раны или с умилением отмывать обдристанного котёнка, ласково приговаривая:

– Ах ты ж мой хороший... Где ж ты так уделался-то?

Я так не могу: мой вечный хронический пессимизм стоек и неубиваем, поэтому Вероника меня тоже конкретно компенсирует.

...Осень щедра на парвовирус. У собак он вызывает парвовирусный энтерит, у кошек – панлейкопению. И то, и другое сопровождается рвотой с изнуряющим и, в запущенных случаях, кровавым поносом.

В полночь раздаётся нетерпеливый звонок в дверь, открываем: в клинику врывается женщина в махровом халате и с мокрой головой, – как будто только что выскочила из душа.

Трясущимися руками она аккуратно кладёт на стол и торопливо разворачивает большое полотенце, в середине которого обнаруживается тельце котёнка-подростка, – он лежит безнадежной тряпочкой, в ступоре, на боку.

– Бегом... бежала... – на глаза у женщины наворачиваются слёзы, но она мучительно берёт себя в руки и произносит: – Его вырвало.

Температура – ниже некуда. Носик извлечённого термометра испачкан в кровавистых густых испражнениях с характерным парвовирусным запахом: это как бы запах полупереваренной крови и жидкого кала одновременно. Молча переглядываемся с Вероникой. Женщина понимает наш бессловесный диалог верно.

– Спасите его, умоляю... – она больше не сдерживается, начинает плакать и заикаться. Говорит что-то бессвязное.

Недолго мучаю её сбором анамнеза, в процессе которого узнаю, что отравиться ничем не мог, прививок нет, и всё началось внезапно.

– Очень похоже на кошачью чуму⁴⁶, – отвечаю ей. – Шансов практически нет, но мы попробуем его спасти.

Женщина кивает, узкими ладонями размазывая по лицу слёзы.

Слово «попробуем», выпавшее изо рта безнадежным булыжником, означает, что мы проиграем: слишком острое течение болезни.

Представляю, как женщина вышла из душа и увидела своего блюющего котёнка – даже волосы сушить не стала. Точно бегом бежала: полужастёгнутые сапоги обуты прямо на голые ноги.

Ставим котёнку внутривенный катетер. Еле попадаю – вены спавшиеся; обезвоженность и токсический шок дают о себе знать.

– Тёплую воду и инфузomat, – прошу у Вероники.

– Бегу, – отзывается она; очень быстро приносит и то, и другое.

⁴⁶ Кошачья чума – она же панлейкопения.

– Давай ещё грелку, но упакуй её, – мы обе знаем, что нужно не только согреть этого пациента, но и не дать заразиться через неё всем последующим: слишком уж заразен и живуч вирус панлейки.

Вероника кладёт грелку в пакет, который плотно запечатывает скотчем.

Женщина продолжает тихо плакать, зажимая ладонью рот.

Нужно абстрагироваться от эмоций и заняться делом.

Котёнок лежит на боку. Помимо панлейки, у него врождённые аномалии: мордочка ассиметрична, глаза разного размера, – вот почему ещё он заболел так резко! Вполне возможно, что его иммунная система и внутренние органы тоже недоразвиты, что значительно уменьшает мою и так мизерную надежду на его излечение. Смотрю, как в вену медленно идёт тёплый раствор и понимаю – всё зря. Какой бы чудо-препарат не влился в него сейчас, котёнок не справится сам: иммунная система не успеет отреагировать на агрессивный вирус и быстро выработать антитела. У него нет шансов. Совсем.

Чужие антитела могли бы дать шанс – мизерный, почти никакой.

Внезапно меня озаряет воспоминанием о недавнем сне, где я видела точно такого котёнка – с ассиметричной мордочкой... Даже диагноз там прозвучал: панлейка... Мистика какая-то!

– Ему нужен донор, – говорю я, слегка пришибленная ощущением де-жа-вю. – Переболевший панлейкопенией или хотя бы многократно привитый кот. Не родственник.

Кровь от родственников, даже дальних, при переливании вызывает непереносимость и демонстрирует все признаки несовместимости. Переливание было и остаётся крайне рискованной процедурой.

У животных несколько групп крови, и есть тесты на их определение. Однако, они настолько сложные, что на практике применяется перекрёстная проба на совместимость⁴⁷. Это выглядит так: кровь донора и реципиента, взятая с антикоагулянтом, центрифугируется в двух пробирках; плазму сливают на предметные стёкла и к ней добавляют эритроциты друг друга. Реакцию оценивают под микроскопом.

Эритроциты имеют тенденцию примагничиваться друг к другу и образовывать столбики – на стекле это норма. Но если они образуют конгломерат, который не распадается при постукивании – то есть агглютинацию⁴⁸, – или если происходит разрушение эритроцитов, то есть гемолиз⁴⁹, – то кровь несовместима. И ещё момент: даже если у донора и реципиента группа одинаковая, смертельные реакции после переливания не исключаются, так как у кошек ещё бывают аллоантитела⁵⁰, – именно поэтому перекрёстную пробу делать необходимо.

Если всё в порядке – приступают к биопробе. В вену пациенту вводят небольшое количество донорской крови и несколько минут оценивают реакцию. Если не появляется рвоты, учащённого дыхания, дрожи, покраснения кожи, мочеиспускания и прочих признаков несовместимости, то медленно – но не дольше, чем за четыре часа – переливают остальной объём. И затем вводят препараты, нейтрализующие реакцию на антикоагулянт, с которым производился забор крови у донора. Практика показывает, что в первый раз переливание обычно проходит спокойно, особенно у собак, а вот в последующие риск несовместимости с каждым разом всё возрастает. Животное, которому влили кровь, в доноры потом лучше не брать.

У кошек три группы крови. Группа А является доминирующей – её находят у большинства кошек, особенно беспородных⁵¹. Группа В присуща меньшему количеству⁵², а группа АВ

⁴⁷ Перекрёстная проба – смешивание донорских эритроцитов с сывороткой реципиента и эритроцитов реципиента с сывороткой донора.

⁴⁸ Агглютинация (от лат. *agglutinatio* – «приклеивание») – слипание эритроцитов.

⁴⁹ Гемолиз – разрушение эритроцитов.

⁵⁰ Аллоантитела – антитела, образующиеся в организме в ответ на внедрение чужеродных компонентов.

⁵¹ Группа А встречается у 75—95% кошек.

встречается крайне редко⁵³. При переливании крови группы А донору с группой В происходит разрушение эритроцитов – гемолиз, – и животному плохое прямо во время процедуры, вплоть до летального исхода. Если перелить кровь группы В пациенту с группой А, то такая реакция может наступить на вторые сутки.

Гемолиз проявляется повышением температуры; сердцебиение и дыхание учащаются, животное начинает дрожать, происходит рвота и предкомагиозное состояние, – тогда переливание прекращают и форсируют диурез капельничкой, но это часто не помогает. К счастью, такой реакции мне наблюдать не доводилось.

Перед самым переливанием кошкам биопробу делают трёхкратно с интервалом в три минуты: вводят пробную порцию донорской крови.

Помимо несовместимости, донорская кровь может быть источником возбудителей различных вирусных болезней – в том числе неизлечимых, – и паразитов: например, гемобартонелл и личинок дирофилярий. Иными словами, постулат «не навреди» тут уместен, как никогда. Но найти бы донора для начала.

– Донор? – тоскливо переспрашивает женщина, всхлипнув. – Где же его искать-то?

Она в халате, на улице ночь, все спят. А у нас счёт идёт на минуты. Не уверена даже, успеем мы влить ему все эти препараты, набранные в шприцы или он умрёт раньше. Где найти донора? Можно, конечно, взять старый журнал и обзвонить людей, чьи коты болели панлейкопенией год назад. Но есть риск позвонить тому, у кого кот не выжил, да ещё и разбудить его посреди ночи. И с какой стати человек должен нести в клинику со своим котом? Скорее всего мы даже не успеем взять эту кровь и влить её, даже если вдруг чудесным образом повезёт, и такой донор найдётся молниеносно, – вот прям сиюминутно...

– Возьмите мою кровь! – женщина закатывает рукав халата. – Мою!

– Ваша точно не подойдёт, – говорю я. Её самоотверженность увеличивает моё и без того растущее чувство беспомощности.

Раньше на такое предложение – перелить кровь животному от другого биологического вида – я бы только снисходительно посмеялась. Но потом узнала про единичные, правда, случаи, когда кошкам с тяжёлой степенью анемии вливалась собачья кровь. Да, подобная процедура чревата анафилактическим шоком, и второе такое вливание однозначно будет убийственным. Да, после вливания чужие эритроциты предсказуемо разрушаются и вызывают желтуху, и история умалчивает о количестве не выживших после подобной процедуры, но всё это делается для того, чтобы выиграть у смерти время – дня три – за которое можно найти подходящего донора уже из числа кошачьих.

Вариант с женщиной я не рассматриваю: во-первых, тыкать в вену человеку чревато для меня обмороком, да и проводить какие-либо манипуляции с людьми ветеринарам строго-настрого запрещено. Во-вторых, очевидно, что ксенотрансфузия⁵⁴ человеческой крови в случае панлейки совершенно не оправдана: там нет нужных антител.

Вот бы придумали волшебный препарат, заменяющий цельную кровь, который мог бы храниться долгое время, а не эти несчастные трое суток, после которых кровь, даже в холодильнике, становится непригодной. Эритроциты не заморозишь в морозилке.

⁵² Группа В встречается примерно у 1—10% кошек мейн-кунов и норвежских лесных кошек, 11—20% абиссинских, сомалийских, бирманских, персидских, шотландских вислосухих кошек и 20—45% экзотических короткошерстных кошек, британских короткошерстных, корниш-рексов и девон-рексов.

⁵³ Группа АВ (она же группа С) встречается у 0,4% кошек. Породы: сомали, британская короткошерстная, бенгальская, абиссинская, бирма, домашняя короткошерстная и другие.

⁵⁴ Ксенотрансфузия – переливание крови от другого биологического вида.



Котёнок.

Следуя странному порыву, открываю холодильник, словно там может быть ответ на мой вопрос и... вижу на полке большой шприц, наполненный кровью. Словно в тумане, беру его в руку. На шприце чёрным маркером написано два смачных слова: «Кошачья кровь».

Вот это чудо! Я смотрю на потолок, словно этот шприц только что упал с неба. Почерк Танин – она сегодня работала в день. Несмотря на поздний час, ей и звоню:

– Тань, привет. Прости, что так поздно...

– Да ничо, – сонным голосом отзывается она. По всей вероятности, я её разбудила: – Что случилось-то?

– Скажи мне, что за кровь в холодильнике? Когда брали?

– Ах это... – Таня облегчённо вздыхает: – Сегодня днём. Здоровый, мордатый котяра приходил. Отличный донор.

– О-о-о! Можно взять? У нас тут... – я едва не произношу «смертник», но что-то останавливает: – ... Котёнок...

– Да конечно бери, – разрешает Таня, мучительно зевнув, и повторяется: – Отличный донор... Мордатый... Проверенный...

Прощаемся, вешаю трубку.

Котёнок, который к этому времени находится в могиле уже хвостом и тремя с половиной лапами, получает ещё один шанс – чужие мощные антитела от мордатого здорового донора. Перемешиваю эритроциты с плазмой, бережно качая шприц в руке. Перекрёстная проба; био-проба. Подключаем в инфузомат. Опускаю часть трубки в тёплую воду – тут главное не переборщить с температурой. А то есть ещё «умники», греющие кровь в микроволновке...

Через час котёнок переваливается на живот и принимает позу «поживу чуть-чуть, так и быть»... и достаёт из могилы одну из лапок.

Четыре часа, пока медленно капаяются остальные жижки, женщина сидит, держа его на коленях. Под конец у котёнка случаются судороги, – это похоже на гипокалиемию, которая нередко является следствием поноса. Судороги или подёргивание мышц также бывают как реакция на антикоагулянт, который используется при взятии крови у донора – он снижает

кальций в крови, и при слишком быстром переливании не успевает инактивироваться внутри организма⁵⁵.

Интуитивно корректирую содержимое капельницы – определить содержание электролитов возможности нет. В пять утра отправляем женщину с котёнком домой, заливаем всё дезраствором и ставим кварц: церемониться с вирусом не приходится. Сами ползём на второй этаж, в ординаторскую, где и валимся на разобранный диван.

– Как думаешь, выживет? – спрашиваю у Вероники.

– Ну... – тянет она задумчиво и не заканчивает фразу.

– Вот и я так думаю, – соглашаюсь с очевидным, недосказанным.

Не успеваю я задремать, как звонит телефон. Нашупываю его рядом с подушкой:

– Ветклиника...

– Алё! – звучит пьяный и женский голос. – У меня тут пищанка!

«О, Господи... Кто?» – мой внутренний голос просыпается тоже.

– Простите... Кто? – хочу уточнения я.

– Песчанка! И она... Смотрит! – поясняет женщина, озвучивая причину своего волнения.

– Смотрит? – будить меня в пять утра ради песчанки, которая смотрит... это бесчеловечно!

– Вы не понимаете! – убеждённо произносит женщина.

Не понимаю.

– У меня песчанка, и она смотрит! – от того, что женщина повышает голос, он становится ещё более пьяным.

– Минутку, – говорю ей, после чего шёпотом спрашиваю проснувшуюся от звонка Веронику: – Ради всего святого, Вер... Что такое песчанка?

– Хрен знает, – испуганно шепчет Вероника. – А что случилось-то?

– Фа-а-ак... – мозг очухивается ото сна и выдаёт мне скудную информацию о том, что, кажется, это нечто, похожее на мышь, только с хвостом белки. – Там песчанка, и она смотрит.

– Смотрит? – задаёт всё тот же вопрос Вероника.

– Аллю! – я возвращаюсь к женщине. – А ещё жалобы есть?

Та надолго зависает: видимо её удивляет тот факт, что смотрящая песчанка для меня – аргумент скудный и недостаточный. Советую ей подойти по записи к специалисту по грызунам, которым не являюсь. Нас в академии вообще учили с грызунами обходиться только одним способом – дератизацией⁵⁶.

В надежде, что к утру или женщина протрезвеет, или же песчанка прекратит её гипнотизировать, снова пытаюсь уснуть.

«Ставлю на песчанку!» – радостно восклицает внутренний голос.

Следующий звонок раздаётся через десять минут. Звонит мужчина:

– У меня кот упал с подоконника.

– Жалобы? – я едва ворочаю языком.

– Теперь он хромотает на ногу.

– Днём будет ортопед, приходите на приём, – о, сжальтесь, дайте хотя бы часик поспать!

Умоляю!

– А запишите меня, – мужчина на том конце отвечает таким бодрым голосом, словно сейчас не ранее утро. Да кто-нибудь вообще спит? Или все бухают, практикуют гипноз и падают с подоконников?

⁵⁵ Так наз. «цитратная интоксикация», – входит в комплекс «синдрома массивных трансфузий», включающего также ДВС-синдром, ацидоз, нарушение гомеостаза и др.

⁵⁶ Дератизация – комплексные меры по уничтожению грызунов.

Я лежу наверху, журнал, соответственно, внизу, и для начала надо совершить подвиг под названием «поднять жопу с дивана». Говорю:

– Ну... Вы готовы подождать миллион пятьсот часов, пока я спущусь? – я умоляю не проделывать со мной столь изощрённой пытки.

– Вы не хотите встать? – хочет уточнения мужчина.

Нет, блядь, всю ночь только об этом и мечтала – выползти из-под тёплого одеялка и ползти вниз ради этой самой записи в журнал...

– На завтра к ортопеду почти никого нет, – уверяю его, включив всё своё обаяние. – Вас примут даже в порядке очереди. Или как на счёт того, чтобы позвонить после девяти и тогда уже записаться?

Потому что после девяти приходит дневная смена и, собственно, сам ортопед. Мужчина соглашается, но напоследок говорит:

– Я вам, если что, через полчаса перезвоню, – и вешает трубку.

...Остаток ночи я ожидаю его звонка, но он так и не перезванивает.

В восемь утра ночной котёнок снова у нас. Женщина, на этот раз одетая в повседневную одежду, разворачивает всё то же полотенце. Подозрительно заглядываю туда: живой.

Это чудо. Этого не может быть, просто не может быть! Да, открылся кровавый водянистый понос, и это ещё одно доказательство в пользу диагноза «панлейка», но он жив. Температура по-прежнему низкая.

– Начал пить, – сообщает женщина полушёпотом хорошую новость. Улыбаться суеверно боится. Понимаю.

Подключаю котёнка к тёплой капельнице. На это раз он переносит её нормально, без судорог, лёжа на животе.

Пока собирается дневная смена, мы успеваем принять ещё нескольких утренних пациентов. Сначала приходят повторники: два кота, Бенья и Боня, тоже с панлейкой. Сначала заболел один, а через три дня – второй. Переносят легко, потому как уличные, и какой-никакой иммунитет наработан. Боня поблёвывает. Бенья уже ест, рвоты нет.

Оба они смешные. У Бони на морде человеческое выражение лица, на котором совершенно отчётливо читается недовольство фиксацией и вливанием жидкостей. Периодически он по-кошачьи матерится, но терпит. Как бы говорит: «Да вы достали уже, пустите! Пустите уже, говорю!» и дёргает лапой, но всё это с таким интеллигентным терпением, какое бывает только у уличных, стрессоустойчивых котов.

После них приходит молодой кобель овчарки с порезанной лапой, замотанной двумя вафельными, когда-то белыми полотенцами: несмотря на перевязку, он оставляет на полу сочные кровавые следы.

Сонная, лохматая, я наклоняюсь к кобелю и дружелюбно говорю:

– Привет.

Он прыгает, разинув рот, словно косатка, и на меня стремительно летят сверкающие белизной зубы, каждый величиной с палец, – еле успеваю отпрыгнуть. Всю сонливость снимает как рукой! Вместо чашки кофе – доза адреналина? Легко!

«Хорошо, что хозяйка его за ошейник держала, а то бы шас...»

Вот ты мне ваше не помогаешь! Хоть бы предупредил!

«Я спал», – оправдывается голос внутри головы.

Выясняется, что во время утренней прогулки кобель напоролся лапой на бутылочные осколки и знатно рассёк себе крупный кровеносный сосуд. Делаю ему смиренный укол, заваливаем на стол. Наркоз. Обезболиваю местно. Промываем. Слегка опухшая от недосыпания Вероника, спустившаяся сверху, assisteрует, пережимая вену: молчит, жмёт изо всех сил побелевшими от напряжения пальцами с обеих сторон от разреза и при этом мечтательно улыбаясь... Вероника – это, конечно, лучезарное нечто! Обкладываю рану стерильным оперподем.

Шить приходится быстро, так как собака большая и наркоза «кушает» много. Стягиваю кожу, чередуя швы: одни, чтобы кожа легла ровно; другие – чтоб не прорезались. Из-под потревоженного стутка щедро сочится кровь. Главное, что сухожилия целые. Накладываем давящую повязку. Снимаем катетер. Свободен.

...Обычно когда смена заканчивается, я долго не могу собраться, но сегодня адреналинчик изрядно меня взбодрил. Был большой шанс самой заиметь и швы, и brutальные шрамы, причём на лице.

* * *

Котёнок пропал, и мысленно я его похоронила: всё, что могли, мы сделали. В какой-то тощей надежде листала журнал, желая увидеть, что они приходили, но – нет. Всю неделю – никаких новостей.

Я уже перестала думать о нём, как ко мне подошла наша Аля:

– Там в холле хотят поговорить с тобой.

И эта фраза может значить всё, что угодно.

Выхожу. Женщина... улыбается... протягивает назначение... мой почерк... из-за пазухи бойким чёртиком высовывается моська котёнка, в ассиметричных глазах которого играет здоровое любопытство. С превеликим трудом узнаю в нём ночного смертника.

– Он что... – задаю вопрос на полнейшем автопилоте, – жи... вой?

– Да-да, живой, – женщина даже не обижается на столь бестактный вопрос. – Мы делали капельницы по вашему рецепту! Я приходила за препаратами, и дома их делала!

Смотрю на котёнка, как на привидение. Делать капельницы дома, без корректировки, было очень рискованно: одни судороги тогда чего стоили. Однако, факт налицо – он жив! И вполне себе бодр.

– Я пришла спросить, можно ли снять катетер?

Задумчиво киваю:

– Да, можно.

...Спасибо тебе, мордатый донор, за жизнь, за кровь...



Кот в переноске.

Глава 9. Кесарево

Жизнь – это чередование рождения и смерти.

– Проходите, – голос Али звучит странно.

В кабинет медленно заходит мужчина, который ставит на стол переноску, а сам садится на стул и молчит, глядя в точку прямо перед собой.

Аля вполголоса говорит мне:

– Так и не сказал, с чем пришёл.

Смотрю на переноску, тоже молча. В гнетущей тишине, наконец, раздаётся глухой голос мужчины:

– Кошка у меня. Ходит за мной, ходит... Плачет... Второй день... Как будто просит чего...

Ну, уже что-то. Открываю переноску. Оттуда осторожно выходит худенькая чёрная кошка с маленьким округлым животиком.

– Мяу! – говорит она и, принюхиваясь, начинает с любопытством разглядывать всё вокруг.

– Беременная?

– Наверное, – мужчина кивает и продолжает сидеть в сутулой позе, глядя устало и безнадёжно.

Обследую кошку. Температура слегка понижена – один из признаков наступающих родов. Аккуратно шупаю живот: кошка беспокойная, но не агрессивная – оглядывается, мяукает, топчется.

– Жена у меня... сгорела... – вдруг произносит мужчина таким голосом, что от него леденеет кровь, – прямо на глазах...

Пожар?

– Плитка потолочная загорелась... – продолжает говорить он всё так же, без интонации, – на неё упала... она и вспыхнула... как свечка...

Мурашки ужаса проносятся волной по позвоночнику. Мужчина замолкает, потом поднимает на меня смертельно уставшие глаза и добавляет:

– У нас пять кошек было. Все сбежали. Только вот эта одна осталась. Пять кошек. Жена их всех на улице подобрала.

Я не знаю, что отвечать, но, похоже, мужчина и не ждёт никакого ответа или сочувствия. Он не плачет, не жалуется, а просто констатирует то, что произошло.

Когда у человека горе, ему нужно только одно – слушатель. Это то малое, что жизненно необходимо каждому такому человеку: чтобы кто-то просто был рядом и выслушал, ничего не спрашивая, не комментируя. Только это, и всё, – не так уж и много, по сути.

...Мы УЗИм кошку всей сменой: стандартный совместный мозговой штурм по субботам. В животе обнаруживается один котёнок. Что ж. Когда плод только один, то с родами бывают проблемы из-за того, что в организме не вырабатывается достаточное количество нужных гормонов. Чаще всего плод гибнет внутриутробно, поэтому всем желающим рожать мы всегда говорим: незадолго до родов приходите считать количество ожидаемых детей!

По правилам количество приплода определяется на рентгене, так как на УЗИ легко ошибиться, но эта кошка настолько худая, что проблем с постановкой диагноза нет. Считаем частоту сердечных сокращений у плода – она критически низкая, и это – показание для кесарева. Возвращаемся в кабинет.

– Ей нужно делать кесарево сечение, – объявляю вердикт за всех. – Сама не родит.

Мужчина согласно кивает, продолжая сидеть во всё той же позе: сгорбившись и опустив голову.

Быстро подготавливаем кошку к операции: внутривенный катетер, капельница, бреем живот; в операционной гремят инструменты. Отпускаем владельца «гулять».

Перед кесаревым, главное – максимально подготовить роженицу так, чтобы между дачей наркоза и извлечением плода прошло как можно меньше времени. Иначе «раскачать» потом наркозного щенка или котёнка бывает проблематично. В нашем случае – тем более.

Девчонки забирают кошку на операцию, а я остаюсь в кабинете.

«Там и без тебя справятся, – уверяет внутренний голос. – Кесарево плюс обычная кастрация с удалением матки... ничего интересного».

Обрабатываю столы дезраствором, протираю их тряпкой.

Операционная на другом конце коридора, и мне слышно, как там плачет монитор, и шумит кислородный концентратор. Очень хочется посмотреть, что там происходит...

«Ты ж терапевт, типа... Дерматолог... Успокойся... – бубнит внутренний голос. – Не ходи, не мешай».

Через минуту я не выдерживаю, мою руки, надеваю перчатки и бегу в хирургию: никого же нет на приёме! Я только одним глазком посмотрю! Ну, вдруг чо?

В операционной в этот момент на свет появляется мокрый чёрный котёнок, и его тут же вручают мне. Из рук в руки: плюх!

Дышать он не собирается. Быстро вытираю носик, промакиваю во рту и всю мордочку сухой марлевой салфеткой, растираю вялое тельце.

Раньше считалось, что новорождённых для стимуляции нужно перевернуть головой вниз и трясти – чтобы кровь прилила к мозгу и активировала дыхательный центр. Сейчас эта практика считается опасной и устаревшей: из-за хрупкого строения неоната⁵⁷, тряска может привести к повреждению головного мозга и последующему неврологическому дефициту; при таком положении из желудка выливается амниотическая жидкость, необходимая для дальнейшего формирования, и в том числе иммунной системы.

– Нафига ты его спасаешь? – спрашивают девчонки недоумённо.

Блин, я же не узнала, нужен ли мужчине этот котёнок. Но кошке-то он точно нужен! Я продолжаю растирать его со словами:

– Чёрт, забыла спросить: оставлять или нет. Сорри.

«Хоть бы он был нужен, что ли», – упрямая мысль бьётся в голове, пока я продолжаю тереть котёнка салфеткой. А то прям обидно будет.

Кошку в это время уже зашивают, мониторы плачут, оповещая о стабильности.

«Блин, и правда, что это я? Кому нужен лишний котёнок в деревне? Их же там топят», – очередная очевидная мысль приходит следующей.

Меняю салфетку на сухую и продолжаю тереть тельце, уже поднеся его к трубке, откуда льётся свежий кислород. Надо было спросить... Вот я debil... А вдруг нужен?.. Ну, я ещё немножко потру, а там уж...

Спустя целую вечность котёнок вздрагивает, широко разевает рот, судорожно делает вдох и начинает, наконец, дышать – слабо, вяло, но хоть как-то. Кладу его на грелку и под кислород – это два основных условия для выживания новорождённых...

Грелка в клинике – вещь незаменимая, но есть и риск переборщить с режимом: тогда неизбежны ожоги, особенно у животного под наркозом. Что касается неонатов, то они легко переохлаждаются и перегреваются, так как центральная нервная система ещё недоразвита – в частности, гипоталамус. Они не могут дрожать, и у них нету жира. Для идеальных условий развития, особенно при отсутствии мамашки, нужен инкубатор, который не только поддерживает оптимальную температуру но и, что немаловажно, влажность, которая помогает избежать

⁵⁷ Неонат – новорождённый от момента рождения до двух-трёхнедельного возраста.

обезвоживания. В клинике же часто используют или грелку, или – банально – резиновые перчатки, наполненные тёплой водой.



Неонат.

Ну, я не виновата, что котёнок решил жить. Тихо удаляюсь, пятясь: хирургия – это не моя стезя. Мои вон – дрисуны да почесушники...

Через пару часов мужчина возвращается.

– Было пятеро, а теперь будет двое, – мягко говорит Аля, вручая ему котёнка, завернутого, словно в конвертик для новорождённых, в белую марлю и кусок голубой пелёнки. Прям картина из роддома, только ленточки не хватает, с бантиком. Переноска с проснувшейся кошкой стоит на столе.

– Ох, куда ж мне, – мужчина бережно берёт котёнка и смотрит внезапно ожившим взглядом то на него, то на нас.

Пускай хоть эта новая жизнь поможет ему переключиться и пережить своё горе...

...В ночную смену со мной снова выходит Вероника.

Первый из пациентов – блюющий кот. Его приносит семейная пара – мужчина и женщина – оба интеллигентного вида, прилично одетые. Прежде чем сесть на стул, женщина достаёт из увесистой упаковки бактерицидную салфетку и тщательно его протирает.

Ну, давайте разбираться. Рвота сопровождает большую кучу болезней, и приходится тщательно собирать анамнез, напрягая извилины и интуицию. Стандартно: вирусные болезни, отравление, глисты и инородка. Затем всё остальное, что также способно вызвать интоксикацию, ведь рвота – это защитная реакция организма именно на неё.

Сейчас ситуация осложняется надвигающимися новогодними праздниками: люди ставят дома ёлки и наряжают их мишурой, самый коварный из которых так называемый «дождик». Любопытный кот играет с такой блестящей «верёвочкой» и заглывает её. «Дождик» постепенно продвигается в кишечник, и дальше приходит она, Её Величество Рвота. Кишечник нанизывается гармошкой на тонкую, острую как лезвие мишур и в какой-то момент прореза-

ется: сначала образуются мелкие отверстия, затем они увеличиваются, и из образовавшихся дырок в брюшную полость начинают щедро сочиться жидкие пищевые массы. Так возникает острый перитонит, требующий дренирования и ежедневного промывания внутренних органов большим объёмом антимикробной жидкости. Добиться полноценного промывания брюшной полости обычно не удаётся.

Перитонит относится к тем тяжёлым заболеваниям, которые лечатся долго, тяжело и болезненно. В большинстве случаев он заканчивается усыплением животного из-за спаек и осложнений, вызванных проникновением через дренажи дополнительной патогенной микрофлоры. Иными словами, диагностировать инородку подобного рода нужно как можно раньше.

Похожим на «дождик» образом действует и проглоченная нитка, которую коты часто умудряются проглотить вместе с иголкой – видимо, во время игры её колючесть приобретает особую вкусность.

– Ёлка в доме стоит? – уточняю на всякий случай.

– Да, – кивает женщина.

– «Дождик» мог съесть? – вопрос ни о чём. Мог, когда был один.

Женщина пожимает плечами и принимает задумчивый вид. В общем, этот вопрос задаётся и не для получения ответа, а для озадачивания владельцев.

Иногда «дождик» во время проглатывания зацепляется за язык, и тогда его можно увидеть под уздечкой, предварительно тщательно зафиксировав пациента – это мы и собираемся сделать. Кот отчаянно сопротивляется, бешено вращает головой, орёт.

– Ой, не мучайте его! – паникует хозяйка.

– Нам нужно хорошенько осмотреть его рот, – объясняю я. Ставки слишком высоки. Один не осмотренный рот при рвоте у кота может стоить ему жизни – мне уже приходилось наблюдать такие случаи на чужих врачебных кладбищах.

Заворачиваю в полотенце – как ребёнка, только гораздо туже. Вероника держит за туловище; я крепко обхватываю одной рукой голову кота, а другой открываю рот, нажав на нижние резцы указательным пальцем, – всё делается аккуратно и быстро, без резких телодвижений. И большим пальцем нажимаем снизу челюсти, от чего язык выдвигается вверх, во всей красе демонстрируя уздечку и всё, что может находиться под ним, – этому приёму я научилась на стажировке. Век живи, век учись.

У этого кота под языком чисто, и мы отпускаем его. Что совершенно не исключает инородку, конечно же.

– Под языком чисто, – говорю хозяевам кота с облегчением.

Кстати, если «дождик» обнаружен, снимать с языка его нельзя, пока не доберёшься до кишечника, собранного в гармошку. Если сделать это раньше времени – вероятность перитонита возрастает в разы. Так что это офигенно хорошо, что под языком ничего нет. Улыбаюсь, как начищенная новогодняя игрушка, радуясь больше владельцев: если бы «дождик» там был, кота пришлось бы резать и заниматься штопкой кишечника – муторное, щепетильное дело. А резать я не люблю. Настоящий хирург одержим хирургией, он живёт в операционной, где круглосуточно и оперирует. А я по ночам спать хочу.

«Ты круглосуточно только спать и можешь», – хмыкает внутренний голос, определив раз и навсегда мою узкую специализацию.

– Прививки... – открываю ветеринарный паспорт, где значится, что всё в порядке: наклейки... печати... сделаны... что, конечно, не исключает вирусняк на сто процентов, но значительно снижает его вероятность...

Температура чуть выше нормы – могла и на стрессе подскочить. Терпеливо выслушиваю про рацион: на этот раз никаких нареканий.

Неужели, всё-таки, инородка?

– У него есть дома игрушки?

- Конечно, есть! – кивает мужчина, радуя меня сговорчивостью.
- Не разгрызает их? Может, мячик какой пропал, или мышка?
- Да вроде нет, – задумчиво пожимает плечами он.

Это тоже радует. А то были случаи с диагнозом «Дурачок», как нежно мы называем любителей пожевать несъедобное: помнится, один кот, которому ещё не успели снять швы после операции по удалению сожранного пластмассового солдата, наелся синтетических ниток от ковра, проглотив за компанию пару канцелярских скрепок и денежную резинку.

Диагноз этот может означать и гастрит, дискомфорт от которого пытаются заглушить животные, поедая всякую всячину, но, похоже, и это не про нашего пациента.

Иностранку исключают с помощью УЗИ и рентгена. На рентгене можно увидеть гвозди, плотную пластмассу и эффект гофрированного кишечника, деформированного при нанизывании на нитку или «дождик». Раньше, чтобы исключить иностранку, после начального снимка животному выпаивали рентгеноконтрастный препарат, отчётливо видимый на снимках белым, и через определённые промежутки фоткали ещё раз, наблюдая за его постепенным продвижением к выходу. При иностранке с непроходимостью перистальтики кишечника прекращается, и препарат остаётся в одном и том же месте, что выглядит как белое пятно, одинаковое на всех снимках. Сейчас алгоритм изменился: рентген делают однократно, а затем ищут иностранку на УЗИ.

Бывает ещё непроходимость неполная, или кишечник просто «стоит», без непроходимости. Так что врачу иногда приходится изрядно поломать голову, принимая решение об операции.

Беру кота на руки и иду с владельцами в рентгеновский кабинет. Спрашиваю женщину:

– Не беременны? – стандартный вопрос, задаваемый тем, кому приходится фиксировать животное на рентгене.

Она молчит. А, это всё мой невнятный тихий голос, наверное.

– Вы не беременны? – повторяю чуть громче, приближаясь к ней с тяжёлым просвинцованным фартуком, который надевается для защиты от излучения: оно не сильное, но по инструкции так положено.

– Беременна, – шепчет она, понурив голову и отступив на шаг.

– Что? – мужчина от удивления аж подпрыгивает.

– ... Дома... поговорим, – смущённо отвечает женщина и поводит плечами, отводя в сторону взгляд.

– Так... Возвращайтесь в кабинет, мы сами справимся, – меня это не касается, поэтому говорю я максимально нейтральным голосом, хотя внутри звучит сконфуженное: «Ой-й-й!»

Женщина быстро выходит. Мужчина шумно выдыхает, хмыкает и, усмехнувшись, старается взять себя в руки. У него это получается не сразу. Даже как-то сочувствую ему, что ли... Помогаю надеть фартук и объясняю технику боковой фиксации кота. Держит. Нажимаю на кнопку. Готово.

Отпускаю их в кабинет, проявляю плёнку. Это действие – освобождение плёнки из кассеты, её проявка в большой прямоугольной ванночке, затем промывание в воде и закрепление в фиксаже – происходит в темноте при красном свете маленькой лампы.

«Раз машина, два машина, три машина...» – считаю секунды, необходимые для проявки. Слово «машина», вставленное в счёт, продлевает время ровно на секунду. За время, что я проявляю плёнку, в голове продолжают попытки поставить диагноз, но пока приходится следовать стандартному алгоритму.

Вот рентгеновский снимок готов, возвращаюсь в кабинет, где все мы тщательно его разглядываем. Небольшое вздутие кишечника. Никакой плотной иностранки, видимой на рентгене, или гофрирования кишечника нет. Потенциальный «дождик» пока не исключаю.

Взять кровь... Хозяева согласны. Мужчину сейчас волнует, похоже, совсем другое: он неотрывно смотрит на жену, будто пытаясь разгадать ребус. Она же, наоборот, боится встретиться с ним взглядом, взволнованно моргает, протирает салфеткой соседний стул. Берём у кота кровь в две пробирки – на клинический и биохимический анализ, – это тоже стандартный алгоритм.

– Отравиться чем-то мог? – снова расспрашиваю владельцев и медленно перечисляю потенциальные яды: – Покупные или комнатные цветы, антифриз, открытые химикаты, крысиный яд...

– Нет, нет, ничего такого, – отрицают отравление оба.

Блин, но мне кажется почему-то, что я копаю в правильном направлении... В этот момент женщина извлекает из упаковки с бактерицидными салфетками ещё одну, наверное двадцатую по счёту. Трёт руки, затем снова стул и незаметно переходит на боковую поверхность стола... Эта патологическая потребность в чистоте и дезинфекции... странность, возможно, вызванная беременностью.

– Может быть, раковины заливали, чтобы трубы прочистить? – смотрю вопросительно. – Откуда кот пьёт обычно?

Уж сколько раз исключая диета у аллергиков оказывалась неэффективной из-за того, что коты облизывали грязную посуду в раковине! Или эти невесты откуда взявшиеся панкреатиты после аппетитной жирной сковороды, оставленной на плите, или выброшенного в мусорку куса жирной рыбы! Приходится не копать, а рыть, выясняя все подробности жизни не столько животных, сколько их владельцев! Я выспрашиваю даже про тараканов и клопов, узнаю подробности рациона и образ жизни.

«Хороший врач как собака: если начнёт рыть, то не остановится».

– А... – тихо восклицает женщина, прекратив дезинфекцию стола. – Я вчера унитаз намыла с хлоркой. Новый год же скоро...

Вот вам и ответ! Коты не понимают, что пить из унитаза – неприлично. А запах хлорки для них ещё и привлекателен!

– Мог? – мой завершающий вопрос, похоже, ставит точки над «i».

– Да! – женщина кивает. – Попить оттуда он мог!

Мужчина молча переступает с ноги на ногу. Похоже, ему уже не важен диагноз кота, будь то отравление или нет. Его мозг вот-вот взорвётся от навалившейся информации.

«Что не исключает инородки», – заевшей пластинкой твердит внутренний голос.

К тому же, очень часто диагноз бывает не один. Ну, например, отравление вызывает триадит. А иногда в букет включается и что-нибудь обострившееся хроническое. От меня обычно хотят услышать какое-то одно слово, сказанное громким, уверенным голосом, а я...

– Что ж, – выношу вердикт, – предположим пока отравление. Но может быть и инородка. Анализы крови будут готовы завтра, а пока подаёте энтеросорбенты – напишу какие – и походите на капельницы, чтобы снять обезвоживание. Не будет улучшений – сделаем обзорное УЗИ.

– Рентгена больше не надо? – первое слово мужчина выделяет особенно сильно.

Услышав это, женщина густо краснеет и опускает глаза, мусоля измочаленную салфетку пальцами.

– Пока нет, не надо, – отвечаю ему нейтральным голосом, выполняя функцию трансформатора.

Набираем препараты, ставим внутривенный катетер и делаем струйное вливание, – кот переносит всё на редкость спокойно.

Отпускаем их.

– Что ты там в рентгене с ними сделала? – спрашивает Вероника, убавив голос до полупшёпота. – Они какие-то странные оттуда пришли.

– Да ничего особенного, – отмахиваюсь я.

* * *

У кота, действительно, оказалось лёгкое отравление. Подозреваю, что вся эта ситуация произошла исключительно затем, чтобы его хозяин вдруг узнал о беременности жены. Надеюсь, он не был до этого в длительной командировке, а то... как-то неловко получилось...

Как в анекдоте про дальнбойщиков: «Уезжал – детей не было. Приезжаю – уже ползают».

Глава 10. ОРЖ⁵⁸

Врач – это инструмент (Борис Аксельрод, анестезиолог).

В час ночи звонит телефон, трубку берёт Вероника. Мы в полудрёме, пытаемся спать, распластавшись на разобранном диване.

– Да, приезжайте, – говорит спокойно она.

Пока ещё диалог продолжается, спросонья и шёпотом спрашивают её:

– Что там?

– Кажется, ОРЖ, – так же шёпотом отвечает она, сделав «глаза».

Что? Чё-ё-ё-ёрт! Подскакиваю на метр – сон снимает, как рукой.

– Я не умею делать гастропексию! – шиплю я и отчаянно махаю руками. – Пускай едут в город!

Блин, блин, бли-и-ин! Что же делать? Вероника вешает трубку.

– Ну и что мы будем делать? – ору я уже в голос. – Кто будет оперировать? Кто там? Кто?

– Риджбек, – полным страдания голосом отвечает Вероника, на выдохе. – А что нужно было сказать? Они не успеют доехать до города со своим ОРЖ!

Да, она права: на ум приходит свежий случай с бордосом и его сочным некрозом желудка на фоне ОРЖ – они примчались быстро, и то не успели. Господи! Паника растёт в геометрической прогрессии.

Следующие три минуты я провожу крайне «продуктивно»: бегаю босиком по ординаторской и отчаянно матерюсь, спотыкаясь о разбросанные шлёпки.

– Надо вызвонить кого-нибудь из наших хирургов! – из стаи панических мыслей, пролетающих транзитом через голову, проявляется наконец одна умная.

– Точно! – восклицает Вероника, встрепенувшись.

– Так... – думать на волнении невозможно. Наливаю себе полстакана воды и щедро лью туда корвалол – рука трясётся. Выпиваю. Фу, гадость! – Давай так: они приезжают, смотрим, звоним хирургу... пока он едет – капельницу запилим, газы выпустим и желудок промоем.

– Да! Пойду марганцовочку разведу.

Кристаллы марганцовки могут прожечь слизистую оболочку желудка, поэтому да, разводите её нужно тщательно и лучше заранее.

В операционной готовлю аппарат для ингаляционного наркоза и закидываю кучу инструментов в дезинфицирующий раствор, чтобы к приезду хирурга всё было готово.

Не проходит и десяти минут, как в дверь звонят – это риджбек, и диагноз очевиден: ОРЖ.

– Мы вчера в другой клинике были, – объясняет мужчина, пока я пытаюсь научиться дышать нормально, – со вздутием. Дома он попил воды, и опять раздуло. Вернулись туда, ему снова промыли желудок, и отпустило. И вот он поел – и опять.

– Вероника, звони хирургу, – говорю я, с облегчением думая, что вот сейчас приедет Серёга и спасёт меня, но мужчина произносит:

– Только не надо резать. Он наркоз не переживёт.

– Почему Вы так думаете? – спрашиваю, скорее, для порядка. – Он, скорее, не переживёт последствия шока и некроза, который неизбежен при завороте желудка!

– Нет, операции не надо, – упрямый мужчина как будто меня не слышит. – Я уже вашим коллегам говорил и сейчас тоже отказываюсь. Давайте напишу расписку.

Ах вот почему такая эпопея у собаки! Даже распиской не напугать!

– А как же в клинике промывали желудок? Без наркоза?

Мужчина кивает. Вот те раз! Ситуация становится интересной.

⁵⁸ ОРЖ – острое расширение желудка.

– Ставить? – Вероника держит всё, необходимое для постановки внутривенного катетера: между пальцами рук во все стороны торчат ножницы, катетер, жгут, пластырь, флакон с антисептиком и кусок ваты.

– Да, давай, – задумчиво отвечаю ей: мысли мечутся в голове, как оголтелые курицы по маленькому деревенскому дворику.

Так. Состояние собаки: слизистые мертвенно-бледные. Шок прогрессирует, температура падает. Что ж... Буржуи же как-то делают промывание без наркоза! Как раз недавно смотрела про подобную технику в картинках. Воистину: что изучаю, то и проявляется в жизни! Ташу зонд и ведро.

Вот катетер стоит, подключаем капельницу для снятия шока – на всякий случай приматываю шланг от неё пластырем к собачьей лапе.

Так, дальше... Бобину с эластичным бинтом, которая защитит зонд от повреждения зубами, запикиваю собаке в рот и туго забинтовываю челюсти. Риджбек слегка офигевает от такой наглости, но молча терпит.

– Держи ему голову! – команду я Веронике.

В дырку бобины просовываю зонд, провожу до желудка, аккуратно вращаю его, пытаюсь проникнуть внутрь – не идёт! Мощные челюсти жуют бинт, сплющивают его, но зонд дальше стоит, и это говорит о том, что желудок уже заворачивается. Что пипец. Полный, полный пипец!

– Не идёт! – в моём голосе столько же отчаяния, сколько газов в животе у риджбека!

Его продолжает дуть, втыкаю в бок кучу бранюлей, как это делал Серёжа: из желудка постепенно выходит газ, и вскоре живот заметно сдувается. Снова зондируем – не идёт. Лью воду в надежде, что на её фоне зонд всё-таки найдёт нужный вход, но она наполняет пищевод и начинает предсказуемо перетекать в трахею: собака закашливается. Интубировать-то и раздуть манжетку, чтобы туда не заливало, можно только на наркозной собаке!

– Господи, да соглашайтесь Вы уже на наркоз, он же умрёт! – кричу я в отчаянии.

Демонстрация мучительного процесса промывания желудка без наркоза очень красочна, а в моём голосе столько экспрессии, что мужчина не выдерживает.

– Ладно, давайте... наркоз, – говорит он раздражённо.

Ами-и-инь! Бегу в операционную, везу оттуда стол на колёсиках. Вместе с хозяином перекаладываем собаку на стол, даём чуток наркоза внутривенно, – отчего собака с облегчением засыпает, – и укатываем в хирургию. Владелец отправляется ждать в холл.

Быстро интубируем. Даём газовый. Снова зондирую.

Господи, Господи, ну, пожалуйста, только не заворот, только не заворот!

– О-о-о! – мой победный возглас, преисполненный облегчения, разносится по коридору клиники. – Прощё-ё-ёл, славтехоспде!

Дальше происходит обливание марганцовочной водой всех участников: риджбека, Вероники и меня. Кувшином через воронку заливаются литры и литры воды, а обратно идёт коричневая из-за переваренной крови жижа и пучки зелёной травы, которой собака, очевидно, пыталась зажевать боль. Мы вливаем по два литра и затем опускаем шланг ниже уровня стола, в ведро, куда всё и выливается. За час вливания и обратного выливания жидкости через собаку проходит порядка сорока литров. Весит пёс почти пятьдесят килограммов, и под конец я поднимаю его переднюю часть уже с трудом. При этом приходится подпирать могучую голову коленкой и фиксировать воронку рукой. Параллельно струйно фигачит капельница.

Наконец, язык у собаки розовеет – наслаждаюсь его детским здоровым цветом. Вымываемая вода становится прозрачнее. Живот спадается, обозначаются выпирающие рёбра. Всё, справились.

Кислородим. Не знаю, как Вероника, но я совершенно мокрая – вся одежда, вплоть до носков и трусов – что совершенно не удивительно после подобной процедуры.

Риджбек быстро просыпается: в этом и есть прелесть газового наркоза, самого, пожалуй, безопасного из всех. Пёс откашливает интубационную трубку, вытаскиваю её. Дрожит, приходит в себя.

Выкатываем его из операционной.

– Зови владельца, – устало прошу Веронику, пытаюсь продумать грамотное назначение.

Мужчина заносит в кабинет большое покрывало, которое, видимо, принёс из машины, – стелет его на пол. Грузим на него полусонную собаку, и Вероника обкладывает её грелками.

Написать что-то умное в пять утра? Рекомендована... Гастроскопия? Зачёркиваю. Гастропексия... Стопудово будет гастрит. Некроз слизистой оболочки желудка. Возможен рецидив. Перечисляю препараты и рекомендации, и в это время мужчина удивлённо спрашивает, показывая на собаку:

– А почему у него голова мокрая? – в голосе звучит возмущение.

Чувак... Посмотри на нас. Если ты найдёшь сухое место на этой сырой тряпке, которая с утра была чистым халатом, то я сильно удивлюсь. Если ты заглянешь в хирургию, то увидишь залитый пол, который нам ещё предстоит отдраить. Мои труссы холодят жопу, а мокрая футболка прилипла к животу, в котором не было еды с обеда, и этой едой была дешёвая лапша! И ты ещё спрашиваешь, почему у твоей собаки мокрая голова? Сейчас... Сейчас я тебе отвечу... Медленно отрываюсь от написания назначения... Ручка, зажата в руке, с громким хрустом ломается.

Вероника мгновенно оценивает ситуацию и опережает ответ словами:

– Я сейчас его высушу, – после чего хватает полотенце и начинает тщательно вытирать собаке голову. Её лучезарная улыбка, адресованная мужчине, успокоительно влияет и на меня.

Спасибо тебе, Вероничка... Что бы я без тебя делала?

* * *

Риджбек пришёл днём, на снятие катетера, и его хозяин вынес мне мозг вопросами. На этот раз они были про препарат, который назначается при запорах. Нет, ну хуже, конечно, от него не будет, но и эффекта особо ждать не стоило бы.

– Я же могу давать его постоянно? – видимо, мужчина до сих пор верит, что собаке можно обойтись без операции.

Тщательно изучаю наставление к препарату. Правило номер двадцать: «В любой непонятной ситуации перечитай инструкцию», даже если она не имеет отношения к делу. Например, этот препарат, судя по инструкции, точно не имеет отношения к ОРЖ.

– Здесь такого нет, – высказываю своё предположение я. – Здесь курс вообще не указан; видимо, дают однократно.

– Значит, можно давать постоянно? – переспрашивает мужчина кажется у стены.

Удивлённо смотрю на него, повторяю громче и отчётливее:

– Я бы так не сказала.

– Хорошо, – кивает мужчина. – Подаю пару месяцев.

– Я бы не стала, – медленно произносятся слова, оцениваю, насколько буду услышана в этот раз.

– Я понял, – отвечает он, но мне так совсем не кажется. – Хуже не будет точно.

– Видите ли, – продолжаю разговаривать я сама с собой, – Вы должны понять, что пока желудок не подшит, у собаки постоянно будут рецидивы ОРЖ. Это может закончиться летально.

Мы и в этот-то раз еле успели!

– Я понял, – снова отвечает он. – Так я подаю ему этот препарат?

Господи, мужик, да ты можешь давать своей собаке хоть говно куриное, но какого ху... дожника тогда ты тратишь моё время своими дурацкими вопросами? Прямо демонстрация того, как человек слышит только то, что хочет, даже когда ему говорят прямо противоположное!

– Я не знаю, – сдаюсь и капитулирую, криво-косо запихивая инструкцию в коробку с препаратом.

Когда ты, наконец, согласишься на гастропексию, чувствую, наши хирурги откажутся оперировать. Ибо это вынос мозга ещё на стадии «здравствуйте».

Глава 11. Лишай

Жизнь – это игра. Играй, но не заигрывайся.

«Немцы – они молодцы, у них всё чётко: никакой дружбы на работе. Они даже на вечеринках не встречаются – не положено. Абсолютное разграничение рабочей и личной жизни...» – так я размышляю над своим положением в коллективе.

Я меняла клиники одну за другой, – откуда-то уходила сама, откуда-то выгоняли с диагнозом «слишком умная», и в итоге осталась без работы. Плюнула, ушла в неквалифицированный труд, старательно пыталась забыть дозы препаратов и названия болезней, запихнув диплом куда подальше. Долги росли.

У меня был пакет сушёных яблок, заныченный с прошлого года в дальнем углу шкафа – их и ела. Потом яблоки закончились, и я пошла «сдаваться», сжимая в руке своё немногословное резюме.

Остаться оказалось несложно: коллектив был похож на одну большую семью. Вначале. Кроме того, место оказалось полным профессиональных открытий, и даже противоестественные для человеческого существования ночные дежурства дали неповторимый клинический опыт работы в экстремальных ситуациях за счёт смен с более опытными коллегами. Я мало что умела, когда только пришла, и куча теории в голове превышала практические навыки, – это несоответствие заставляло бесконечно давать советы, которые всех бесили. Меня бы тоже выбесило такое, но молчать было выше всяких сил. Я смогла умять своё самолюбие, только осознав, что клиника стала ведущей задолго до моего прихода и, уж конечно, без моего активного участия. Как они меня вытерпели – остаётся загадкой.

Теперь всё изменилось. Многие ушли.

...Сажу на балконе, и рядом стоит Ирка, которая курит. Помимо бесспорных общечеловеческих качеств в виде спокойствия, бесконфликтности и дружелюбия, она как-то умудряется одинаково мирно общаться со всеми, что совершенно для меня непостижимо. Блюсти врачебную этику – ещё куда ни шло, но общаться с тем, кто не нравится... Вот ей, похоже, нравятся все.

Вид жёлтых листьев, щедро устилающих дворик клиники, как-то незаметно и быстро сменился на низкие сугробы, которые под влиянием капризного климата вскоре превратятся в лужи, а те в свою очередь покроет ледок, рождающий гололедицу. Серую картинку будут разбавлять кратковременные снегопадики. Первый снег, как явление двухмесячной давности, я проспала.

– Так почему ты не идёшь? – спрашивает Ира между затылками и выпуская дым так, чтобы он не попал на меня.

Речь про новогодний корпоратив. Причём ответ она знает. На балконе обычно говорится то, что дальше него никуда не выносятся, и всё же я отвечаю крайне расплывчато. Отшучиваюсь:

– Напьюсь ещё. Дратья полезу...

– Смотри, заставят в Новый год дежурить, – предрекает Ира то очевидное, что и случится согласно правилу: кто не бухает, тот и работает.

В прошлом году во время дежурства был пипец – ломились пьяные, обдолбанные и неадекватные, причём без животных.

– Юрьевна, а скажи ещё: почему ты ушла из предыдущей клиники? – Ира часто задаёт неудобные вопросы, и это один из них.

– Ну... – говорю, запнувшись на слове. – Не ушла, а выперли в один день. Сказала, не подумав.

– Что сказала-то? – ей бы следователем работать, а не стоматологом. Впрочем, совмещение этих двух специальностей ускоряло бы дознание в разы.

– Сказала: «Господи, пускай врачи будут умнее своих ассистентов!» – цитирую я ту фатальную фразу. И добавляю сконфуженно: – Сгоряча ляпнула. Сама виновата. – И, оправдываясь: – Не, ну а чо они собаку с эпилепсией – и усыплять?

– Ты тогда ассистентом работала, да? – усмехается Ира, туша бычок в трёхлитровой банке с водой, которая стоит на полу балкона.

Помалкиваю. Сложно не догадаться, так-то...

На препараты от эпилепсии тоже нужно разрешение, а у нас его нет. Вот бы у нас был этот доступ! А то запарило уже эпилептикам корвалол с водой ректально вливать.

Сегодня приток пациентов растёт с утра: едва успеваем расхватывать.

...Кане-корсо, шесть лет, предварительный диагноз: лимфома. Не обнадеживаю, молча беру цитологию из лимфоузлов.

...Собачка ши-тцу, ударилась животом об крыльцо – абсцесс. Пока я думаю: сделать УЗИ абсцесса или сразу проколоть, он случайно вскрывается на столе сам, – видимо, у моего Ангела закончилось терпение! Вечно я перестраховываюсь.

Промываю полость абсцесса, и тут собаке заметно плохее: она начинает тяжело дышать, изо рта вываливается синий язык. УЗИ сердца ей не помешало бы!

– Отпуска-а-а-айте! Срочно отпускайте! – ору владельцам.

Отпускают. Даём собаке отдышаться. Кислород – в морду. Собака минут десять приходит в себя, лёжа пластом на столе. Бли-и-и-ин... На такой банальнейшей процедуре чуть не потеряли собаку! Схожу-ка и я, хлебну корвалолу. Орально.

...Умирающий йорк, шестнадцать лет, предварительный диагноз: опухоль поджелудочной железы. Глюкоза в крови запредельно низкая. Собака в гипогликемической коме.

– Не надо ничего делать, – сквозь слёзы говорит хозяйка. – Пусть сам умрёт.

Я всё же делаю: глюкозу в вену, и ещё препарат, чтобы она подержалась на этом уровне как можно дольше. Авось, проживёт ещё недельку в нормальном состоянии. Терапия отчаяния. Можно было бы, конечно, дообследовать, взять биопсию, но всё упирается в желание владельцев, их финансы и прогноз. Какой толк от диагноза, если лечения всё равно нет?

Йорки – это самая больная порода. Тут уж заводчики постарались на славу: наскрещивали кто во что горазд так, что ни один из приходящих йорков не похож на предыдущего. Бог, вон, не парится. Если кому-то жить надоело – прибирает к рукам и всё. А мы тут вытягиваем... за шкирятники.

Такая глюкоза может быть ещё при болезни Аддисона – гормональном и тоже, кстати врождённом заболевании – и при болезнях печени. Помнится, однажды вакцинация спровоцировала Аддисонов криз у щенка йорка – я чуть голову не сломала, разглядывая анализы крови, взятые экстренно. Щенок быстро впал в шок, сердце ушло в брадикардию⁵⁹, глюкоза рухнула, и единственное, за что удалось зацепиться – это нарушение соотношения натрия и калия, что происходит достаточно часто при этом заболевании. Часто, но не всегда. Капельнички с нужными препаратами быстро вернули щенка к жизни, но напугал он меня тогда знатно.

⁵⁹ Брадикардия – снижение частоты сердечных сокращений.



Щенок йоркширского терьера.

Эндокринных болячек стало много, но они маскируются под что-то такое, невнятное, чёрт ногу сломит, – и не всегда хватает опыта и знаний, чтоб разобраться. Чаще всего у рядовых врачей такое звучит как: «Эт что-то гормональное». За грамотной работой эндокринолога мне довелось наблюдать лишь однажды, – и это было тем ещё откровением!

Поступила собака со спутанным сознанием, потерей аппетита, нарушением равновесия и координации при ходьбе. Возраст шесть лет. Подозревали печёночную энцефалопатию⁶⁰ – она бывает при портокавальных шунтах⁶¹ – и нервные расстройства, связанные с головой, – невролог обнаружил признаки поражения мозга, рекомендовал МРТ.

Печёночная энцефалопатия – это токсикоз и повреждение тканей мозга аммиаком, а, точнее, его ионом – аммонием, – который в норме должен обезвреживаться печенью. В норме ферменты печени делают из них безопасную мочевины, которая затем выводится почками. Если печень сильно повреждена или с аномалиями типа портокавальных шунтов, то безопасная мочевины не образуется, и аммоний отравляет мозг, вызывая нервную симптоматику, примерно как у этой собаки. Нужно было дифференцировать. Взяли кровь.

При обзорном УЗИ печень была уменьшена, но особенно удивили микроскопическим размером надпочечники, – это и стало первой подсказкой. Если уметь узить надпочечники, конечно. Вторую подсказку дали анализы крови, которые показали низкий натрий, высокий калий, удивительное отсутствие стрессовой лейкограммы⁶², снижение холестерина, повышение

⁶⁰ Печёночная энцефалопатия – патологическое состояние нервной системы, вызванное токсикозом в результате печёночной недостаточности.

⁶¹ Портокавальный шунт – аномальный сосуд, несущий кровь в обход печени.

⁶² Для стрессовой лейкограммы характерна нейтрофилия с преобладанием сегментоядерных форм, лимфопения и эозинопения. У собак возможен моноцитоз.

глобулинов, фосфора и мочевины. Таким образом, печёночная энцефалопатия по анализам крови не подтвердилась, зато заподозрилась болезнь Аддисона, он же гипoadренокортицизм.

Для подтверждения взяли двукратно кровь для измерения базального кортизола до и после внутривенного введения адренокортикотропного гормона, – на языке умных эндокринологов это так и называется: проба с АКТГ. Стали ждать результатов.

Нарушения, свойственные для низкого натрия показало и ЭКГ сердца: низкие зубцы «р» и высокие «Т».

Если уметь расшифровывать ЭКГ, конечно.

Нервные расстройства у собаки были связаны не с головой, а таки с низким натрием, – кстати, его гипертонические растворы назначаются при отёке тканей, в том числе мозга, – но до этого к счастью не дошло. А готовились «коктейли» другие. Для этого действия сильно пригождаются знания химии: надо уметь фаячить с концентрацией, знать процентности и миллиэквиваленты. Коррекция электролитных нарушений – это особый ветврачебный дар, который даётся вкупе с двумя недюжинными анализаторами: первым, определяющим эти самые электролиты в крови, и вторым, немаловажным, встроенным в ветврачебный мозг.

Для той собаки с эндокринным кризом именно так всё и выглядело: внутривенное вливание растворов натрия в выверенной концентрации этого самого натрия; глюконат кальция в связи с наличием нарушений на ЭКГ и глюкоза с инсулином для попытки смещения калия внутрь клеток. Ну и декс, конечно, – в строгой лечебной дозе, к слову, а не абы как это заводчики на глазок назначают всем и каждому. Концентрацию натрия в капельнице пришлось корректировать – анализы крови в помощь, каждые четыре часа. Инсулин с глюкозой никаких сподвижек не дал, что также стало неким подтверждением правильности догадок.

Через день пришли результаты пробы с АКТГ: Аддисон подтвердился. Собаке доназначили для пожизненного два гормональных препарата, компенсирующих работу атрофированных надпочечников, и на этом история благополучно завершилась.

У нас бы она завершилась на стадии: «Ой, а чо так дорого анализ крови? Не, давайте не надо.»

А бывает ещё вторичный гипoadренокортицизм, связанный не с надпочечниками, а с нарушением работы гипофиза; или обратное состояние: гиперadренокортицизм, ага. Но об этом как-нибудь в другой раз.

... Девчонки принимают йорка, девочку. Беременность одним крупным щенком, который погиб внутриутробно. Сама не разродилась.

– На УЗИ увидели два, – расстроено говорит хозяйка собаки.

Ну да, ну да, что и требовалось доказать. Насмотрят, бывалоча, восемь щенков на УЗИ, а после кесарева выносят семерых, и владельцы думают, что врач одного щенка себе прикарманил.

Врачи прям спят и видят, как бы себе новорождённого йорка стырить... Даром не надо! Нет уж, только рентген, согласно алгоритму.

Собака уходит на операцию.

... Таксы – следующие по списку среди наиболее часто болеющих пород. Следующий пациент – как раз почесушная такса.

– Да быть не может! – спорит её владелец, представительный крупный мужчина. – Такса – самая здоровая из собак!

– Угу, – делаю тупым лезвием соскоб и размазываю его на стекле.

«Что вы здесь в клинике тогда позабыли?»

И пока я так думаю, мимо нас проходит женщина с полупарализованной таксой на руках. Молча указываю на них и иду к микроскопу.

– Ого! – только и удивляется мужчина.

Ничего шевелящегося в соскобе не обнаруживается, крашу мазки из ушей и с наслаждением рассматриваю фиолетовых «матрёшек», на которых так похожи грибки Малассезии. Почесологи говорят про них ещё: «Гномик наследил».

Уши – прекрасный показатель наличия аллергии. Чуть что – сразу краснеют и воспаляются. Если причина аллергии не обнаружена, то отит можно лечить долго и безрезультатно.

– Сыр даёте, да? – как завзятый сыщик спрашиваю я, не отрываясь от микроскопа, будто именно его наковыряла сейчас ватной палочкой.

– Да-а-а, – вытягивает шею владелец таксы.

Впадаю в пространственную лекцию про причины отитов, среди которых аллергия лидирует. Назначаю диету и обработки. Отпускаю их.

Наша новенькая админка Света – миниатюрная девочка с мелкими светлыми кучеряшками на голове, делающими её похожей на одуванчик – встревоженно говорит, сжимая в руке телефон:

– Там питбуля соседи отравили. Сказала им приезжать.

Она чрезвычайно наивна – всему верит на слово.

Пока телефон звонит, Света бежит к нам, чтобы параллельно разговору тут же всё переспрашивать. И сегодня она сделала мой день, когда позвонила женщина, желающая узнать про кастрацию.

– Можно же кота на кастрацию принести? – переспросила Света у меня, включив громкую связь на телефоне.

– Да можно, пускай несут, – ответила я, прихлёбывая остывший чай. – Скажи не кормить и проверить – один семенник у кота или два.

Слово в слово Света повторяет сказанное мной в телефон.

– Ой, а как мне проверить-то? – недоумевают на том конце.

Света вопрошающе смотрит на меня, ожидая поддержки. Крайне неосмотрительно я набираю в рот чай и пальцами изображаю жест, которым нужно прощупать котячьи бубенцы.

Света поучительно выдаёт:

– Ну... Приласкайте там его как-нибудь...

...Чай улетает фонтаном на пол, а мне приходится уткнуться лицом в колени, чтобы заглушить гомерический гогот... Завершать разговор Света убегает на цыпочках в другой конец коридора.

У неё идеальный характер для работы админом. Обижаться, также, как и брать на свой счёт любые претензии, она не умеет; если человек взбешён и орёт, то она отвечает ему недоумённо и сдержанно, искренне удивляясь и давая понять, что повышать на неё голос совершенно бессмысленно, – орущих это классически успокаивает.

Что касается фразы «гады-соседи отравили», то это самый любимый среди владельцев диагноз, и встревоженная реакция Светы, так же как и её вера в сказанное, милительны.

Владельцы животных, конечно, часто бывают правы в своих догадках, но верить им на слово ни в коем разе нельзя. Тщательный сбор анамнеза, и никак иначе. Так, часто артрит вскрывается абсцессом, а лишай вдруг оказывается банальными эпидермальными воротничками. Как раз такой пациент – кстати, тоже такса – оказывается следующим на приём. Тело собаки покрыто круглыми, словно монетки, поражениями, которые внешне сильно смахивают на лишай, если не знать про остальные кожные существующие болезни. Такой же красавчик, щенок веймаранера, весь в «монетках» на коже, приходил на приём на днях.



Щенок веймаранера с эпидермальными воротничками.

– Лишай нам поставили. Лампой светили, – объясняет хозяин таксы. – Мы уже два месяца противогрибковые пьём – не помогает.

– Пойдёмте тоже посветим, – соглашаюсь я.

Корочки, которые сопровождают гнойное воспаление кожи, под лампой Вуда прекрасно светятся зелёным. Но это не тот нежно-изумрудный цвет, и, что куда более важно, не феерически тонкое свечение волосков, которое выдаёт микроспорию, а просто корочки. Замечательно светятся также разнообразные мази, которыми владельцы животных мажут своих подопечных перед приёмом; перхоть и, иногда, маникюр. Да что там говорить! При отравлении антифризом моча животного тоже будет ярко светиться под ультрафиолетом – потому, что там в составе флуоресцеин. Это даже могло бы помочь в постановке диагноза «отравление антифризом», если не знать, что он убивает почки всего за каких-то полчаса, и можно не дожидаться мочеиспускания как такового.

Итак, у нас тут эпидермальные воротнички, и воспаление кожи возникает часто вследствие аллергии, поэтому снова беру соскобы и читаю свою длинную лекцию.

...По закону жанра следующий на приём – лишайный котёнок.

Сейчас лишай у котят успешно лечится. Самым главным из перечня лечебных мероприятий, как ни странно, считается обработка животного от глистов, так как именно они снижают иммунитет, позволяя животному заболеть. Любая помощь лишайному котёнку на улице может заключаться в банальной противоглистной обработке, – например, есть специальные капли на холку, позволяющие избавиться и от глистов, и от блох. А дальше пациент вполне успешно справится сам.

Объясняю это девушке – хозяйке котёнка, подобранного на улице пару дней назад. К счастью, у неё других животных нет, а то пришлось бы купать всех оптом.

– Зачем тогда лечить, если само проходит? – задаёт она вполне резонный вопрос.

– А чтобы Вы не заболели, – отвечаю я, цитируя фразу с недавней дерматологической конференции, где был задан такой же вопрос.

Вторым забавным пунктом в лечении значитса побрить кошку налысо, вместе с усами. Вряд ли кто на это идёт, но иностранцы утверждают, что из-за вылизывания, которое по-научному называется грумингом, кошка разносит лишайные споры по всей поверхности тела, так что это звучит как аргумент.

Мордочка котёнка покрыта характерными округлыми пятнышками, и на этот раз они выдают микроспорию тем самым нежным изумрудным свечением волосков под лампой Вуда. Нащипываю самые поражённые, изучаю под микроскопом. Размочаленные, утолщённые больные волосы, потерявшие свою структуру, щедро покрыты лишайными спорами – картинка чем-то похожа на рыбью икру. Если такие волосы положить в баночку со специальной средой – та наверняка покраснеет, и там вырастут красотки-конидии. Никуда сажать их никто, конечно, не будет с целью экономии денег и времени.

Официального диагноза я дать не могу, а неофициально – это, конечно, лишай. И лечить его мы начнём немедленно.

Взвешиваю пациента, пишу препараты для обработки и как делить противогрибковые капсулы для правильного дозирования.

– Котёнок будет расти, и дозу придётся пересчитывать, так что жду вас опять через месяц, – предупреждаю я, тем более, что лишай лечится долго, и его нужно мониторить.

И дохожу до самого важного: «Обработка помещения». На ум тут же приходит случай, который произошёл с коллегой.

Есть у нас такая примета: «Не лечи животных своих знакомых».

Так вот. История такова.

В один прекрасный (нет) день у хирурга обнаруживается знакомая с кошкой, а у кошки обнаруживается лишай.

Хирург, недолго думая, пристаёт к дерматологу, узнаёт схему лечения и выдаёт назначения владелице. Та, добросовестно всё исполняя, доходит до пункта «обработка квартиры», где значитса название специальной противогрибковой дымовой шашки.

И поскольку в однокомнатной, малогабаритной квартире дымовуху пережить невозможно, она собирает корзинку с провизией, кошку, чуть приоткрывает окна, поджигает шашку и, сев в машину, спокойно уезжает на дачу на все выходные.

Далее всё развивается согласно закону жанра. Минут через пятнадцать бдительные бабушки во дворе замечают, что из окон квартиры валит дым. Заподозрив беду, они вызывают пожарных, долбятся в дверь. Разыгравшаяся фантазия подсказывает, что соседка не открывает из-за сердечного приступа, и они вызывают скорую.

Пожарные приезжают довольно быстро, но двор маленький, застроен типовыми хрущёвками и забит машинами. Для растаскивания машин вызывается несколько эвакуаторов, а вслед за ними появляются спасатели, которые вскрывают двери для врачей скорой помощи. Словом, на глазах у всего двора разворачивается показательное взаимодействие экстренных служб.

Эвакуаторы растаскивают машины. Пожарные выдвигают лестницу, разбивают стёкла, залезают внутрь и старательно заливают квартиру водой и пеной, – до самого, что ни на есть подвала. Спасатели вскрывают дверь, врачи заходят в квартиру и никакого обгоревшего трупа, разумеется, не обнаруживают.

Все, поматерившись, разъезжаются.

Через два дня хозяйка с кошкой ничтоже сумняшеся возвращается, и первыми её встречают зажатые вскрытой искорёженной дверью квитанции от владельцев эвакуированных поцарапанных машин и нижних соседей, жаждущих компенсации за испорченный ремонт. Всё более удивляясь, женщина заходит внутрь, и её взору открывается апофеоз: разбитые окна, залитая квартира и вспученный паркет...

Иными словами, лечение лишая оказалось не из дешёвых!

Так что в назначении я пишу про выбрасывание ковриков, термообработку паром, мытьё полов противогрибковыми препаратами и ни слова про дымовые шашки, хотя обработка ими была бы идеальна.

– Блин, грязища-то! – нервно говорю я Свете. – Швабру тащи.

– Да вытру я, вытру, – бубнит она уже в третий раз за последние полчаса. Хрен допросишься.

На улице ещё с вечера всё растаяло, и полы в кабинетах покрываются ровным слоем грязи за считанные минуты, особенно к вечеру, – никакие тряпки у входа не спасают.

Из холла раздаётся звонок вызова, и Света, вместо того, чтоб уже принести швабру, идёт туда и радостно с кем-то здоровается. Тут же зовёт на приём. В кабинет заходит девушка с переноской.

– Помыла полы, вышла на пять минут. Возвращаюсь... – говорит девушка. – ...а Дэби не ходит, качается.

Ну хоть кто-то в этом мире моет полы!

– Давайте посмотрим, – я натягиваю перчатки. – Доставайте.

Светка толпится у входа – рот до ушей. Это, видно, её знакомая. Всё же могла бы сначала спросить у меня, звать кого на приём или нет.

Кошка, поставленная на стол, горбится. Задние лапы вихляют, тело держат неважно. Тут или тромбоэмболия, которая чаще всего бывает из-за гипертрофической кардиомиопатии⁶³ – то есть надо смотреть на УЗИ сердце, – или же травма позвоночника и парез. Остаётся дифференцировать одно от другого.

– Могло на неё что-то упасть? – спрашиваю я, проверяя проприорецепцию⁶⁴ и другие рефлексы.

– Нет-нет. Падать нечему.

– Совсем нечему? Доски, плитуса, ремонт?

– Нет, – почему-то обиженно отвечает девушка. – Нечему. Спрыгнуть разве что могла неудачно – у меня плитка лежит напольная, скользкая очень после мытья.

Я ставлю кошку на пол – всё ещё грязный, на минутчку – чтобы оценить, как она ходит. Светка, испуганно глянув на девушку, только и успевает что отодвинуть ногой лежащую дохлой медузой, пропитанную грязью тряпку – за нею тянется чёрный след. Кошка, покачивая задом, делает несколько шагов. Забираю её обратно на стол. Так, теперь смотрим, не холодные ли задние лапы – это один из признаков тромбоэмболии.

В перчатках это не ощущается. Кладу кошку набок и, недолго думая, прикладываю её лапу к своей щеке – одну, а затем вторую. Девушка, позеленев, приседает на стул – у неё дёргается лицо и трясутся руки.

– Нормальные, – буркаю я, снимая с шеи фонендоскоп. Слушаю сердце: – Ритм ровный, шумов нет. Пойдёмте на УЗИ ещё глянем.

В воздухе разливается едкий запах нашатыря – это Светка льёт его на салфетку, тянет девушке. Та, бледная, как поганка, копошится в сумочке, извлекает санитайзер и прыскает на себя так, точно это духи. В запах нашатыря врывается примесь медицинского спирта.

Затем она, затолкав в переноску Дэби, быстро кладёт на стол несколько купюр – гладеньких, точно отглаженных – и, прочирикав: «Спасибо», выбегает из кабинета.

– Сдачу возьмите! – запоздало кричу ей вслед.

⁶³ Гипертрофическая кардиомиопатия (ГКМП) – заболевание, при котором сердечная мышца аномально утолщается, из-за чего работа сердца по перекачиванию крови значительно усложняется.

⁶⁴ Проприорецепция (мышечное чувство) – ощущение положения собственного тела относительно частей друг друга.

...Расписав назначение, я оборачиваюсь к Светке, которая добралась таки до тряпки и елозит ею по полу. Ещё и дуется на меня.

– Так. Ты мне объяснишь, что это было? – спрашиваю её.

Та выжимает тряпку, и с первого отжима вода в ведре из прозрачной становится чёрнее ночи.

– Это соседка моя, – отключив круп и продолжая тереть полы, говорит наконец она. – Она немножко... в общем... ОКээРная⁶⁵ она.

– Чего?

– Минимализм у неё в квартире: чистота такая, что плюнуть некуда. Всё вылизано до блеска – ни пылинки, ни соринки. Боится всякой заразы. Полы драит каждые полчаса. А ты её кошку... в грязь.

– Ой... – спохватываюсь я.

– А потом и к лицу, – прыскает Светка, выжимая тряпку в ведро. – И у тебя там кстати следы отпечатались. Вот человеку и поплохело.

– Отдай ей назначение. Скажи, что кошке нужно ограничить движение. И чек со сдачей ещё, – я протягиваю горстку монет.

– Не надо сдачу, она не возьмёт. Там же микробы. Она бумажные и то утюгом гладит. Стерильность, как в хирургии!

Я хихикаю, а потом ехидничаю:

– А ты позови её к нам в админы.

Светка фыркает, подхватывает ведро и идёт выливать воду.

Прыскаю на монеты спиртом.

* * *

Питбуль, «отравленный соседями», приезжал. Анализ крови показал парво- и коронавирусный энтерит, – два в одном, – прям бинго для непривитых животных. На две недели собака попала на ежедневные капельницы дважды в день.

Пока кошка Дэби сидела в клетке, ограниченная в движениях, её хозяйка постелила в комнате ковролин и теперь вместо мытья полов пылесосит каждые полчаса, – поведала Светка. На третьи сутки Дэби окончательно оклемалась: слабость зада прошла, будто и не бывало.

Я поругалась с девчонками. Мне пришлось отдавать шпица, умершего в чужую смену, а я ничего про него не знала – ни-че-го! Допросила по телефону тех, кто занимался собакой, а потом объяснялась с её хозяйкой, которая – подумать только! – оказалась заводчицей из ряда классических разведенцев.

И я вспомнила, как однажды принимала одну из её собак. Шпиц, которого она принесла, подверг бы любого в шок: шерсть спутана, испачкана в испражнениях, глаза слезятся. Выяснилось, что заводчица содержит животных в клетках, кормит дешёвым кормом и бесконечно скрещивает между собой, – в таких условиях можно только болеть и умирать: убогое питание отягощается ещё и генетикой. В двадцати пяти процентах случаев собаки болеют именно из-за генетических болячек, коих у них насчитывается порядка четырёхсот, поэтому за рубежом заводчики очень ответственно относятся к подбору пары, обращаясь к собранной для этого случая базе данных. У нас доступны генетические тесты, только это же стоит денег...

Не люблю ругаться с коллективом. Я пытаюсь дружить со всеми, а получается ерунда какая-то. Так что от злости поругалась заодно и с заводчицей. Но она первая начала. Чёрт.

⁶⁵ ОКР – обсессивно-компульсивное расстройство, которое часто проявляется синдромом навязчивых состояний, в частности манией чистоты и порядка.

Глава 12. Синдром Хансена⁶⁶

Чёт систола с диастолой, как дебет с кредитом, не сходятся...

Сегодня мы с Ирккой дежурим сутки, с ночи в день, прям накануне Нового года. Два терапевта в смену, обе – медлительные тормоза. Вдобавок Ирка в депрессии и давно не работала в ночь. Вот будет веселуха, чую! Хоть бы хирургических критических не было.

Смена начинается с торгов по поводу стерилизации кошки.

– Драгоценнейшая, когда Вы в последний раз кушали? – грудной женский голос слышится из коридора.

– П-п-проходите, – заикнувшись, произносит Ира, приглашая обладательницу глубокого контральто войти и пропуская её вперёд.

Вычурно накрашенная женщина с ослепительно-рыжей шевелюрой вплывает субмаринной в кабинет, широким жестом распахивает норковую шубу и усаживается на два стула сразу, заполняя своим присутствием всё пространство.

– Мулечку мою, деточку, нужно так сделать, чтобы коты за ней не ухлёстывали, – приблизив ко мне лицо, озвучивает она причину своего прихода. – Таки расскажите мне про это всё, что имеете, и чтобы было подешевше, а не то меня вырвет.

Мулечка – это, видимо, кошка. Ира, закатив глаза, пятится и исчезает за дверным косяком, давая мне понять, что общение с подобными персонажами выше её психологических сил. Я бы тоже слилась, да пятиться некуда.

Тычу в папку с листками прайса, объясняя, что есть несколько вариантов операции, и конечная стоимость зависит от используемых материалов. Мои попытки договориться оказываются тщетными.

– Шоб я так жил! – восклицает женщина. – Мама дорогая! Я вас умоляю, мне скоро полтос! Почему-таки я должна работать, скажите мне? – она снова наклоняется вперёд, и в декольте обнаруживается бюст, вправленный в лифчик ярко-бордового цвета – его кружевные края бессовестно выглядывают из разреза модной кофточки.

Смиренно жду продолжения, которое незамедлительно и наступает.

– Мулечка моя – кошка женская, и таки такая родная мне, шо я её почти уже ненавижу всеми фибрами своей души. Загуляла только, как ненасытная вот на днях. Мучится – без слёз не взглянешь! Но откуда тогда деньги, скажите мне, ежели я не работаю?

В принципе, всё логично, окромя пылкой любви к родне.

– В стоимость входит труд врачей, аренда помещения и медикаменты, – отвечаю я, попутно осознавая, что мои слова отнюдь не звучат для неё аргументами. Особенно первое из перечисленного.

Женщина томно вздыхает и сообщает новые подробности своей жизни, полностью меня игнорируя:

– Можно подумать мне есть за это дело. Моя жилплощадь, скажу я Вам, завидовать никому не даёт, а имущества в ней – скамеечка и две табуретки. И вы, конечно, спросите, почему я не замужем? – она замолкает, и, не дождавшись вопроса, сама же и отвечает: – Да не выросла ещё та ромашка⁶⁷.

Делаю попытку вернуться к теме разговора:

⁶⁶ Грыжа диска типа Хансен I – острая экструзия (выдавливание) пульпозного ядра в спинномозговой канал, что вызывает сдавливание спинного мозга.

⁶⁷ Отрывок из песни «Солнечный зайчик» (автор Новелла Матвеева): «И не выросла ещё та ромашка, на которой я себе погадаю».

– Когда кошка в загуле, то стерилизовать её нежелательно. Но если она может сбежать к коту – тогда лучше приносите, не дожидаясь.

– Сбежать может, – говорит женщина наконец про кошку, – кого же она спросит-то, я Вас умоляю! Шлюхенция ненасытная!

Перехожу на похожий жаргон и даже с акцентом:

– У беременной придётся и матку удалять! Стопудняк! А это дороже! Вы хорошо хотите: и наркоз хороший, и чтобы даром!

«Стопудняк! А-ха-ха! Чёткий базар!» – ироничный голос звучит в голове вперемешку с хохотом.

Разговор обретает некую таинственную интимность, что вероятно и означает: «Будь проще, и люди к тебе потянутся».

– Шоб Вы там себе ни думали, а за мной целых десять лет охотились все более или менее приличные кавалеры. И я знаю, что отвечаю Вам правду, и можете дальше думать себе, чего хдчите, – её интонация дружелюбна и напориста одновременно.

Даже не сомневаюсь, что ассортимент охотников был довольно большой. Возможно даже, добыча не особо быстро и убегала.

– Так что Вы решили? – спрашиваю, всё ещё надеясь вернуться к кошке.

Женщина бросает взгляд в прайс и, сделав губы бантиком, по-детски произносит:

– Тю-ю-ю, за такие деньги я на операцию не согласная.

«Прям как на рынке», – посмеивается внутренний голос.

Объясняю, что есть и более дешёвые варианты, но при этом и сопутствующие материалы хуже, и наркоз другой.

– Шоб да, так нет! От когда такие цены геморройные стали?

Я закатываю глаза, чем в очередной раз меняю ход диалога.

– А скажите мне, добрая дохтур, – взгляд женщины становится проникновенным, – замужем ли Вы сами или Вас ушли?

Похоже, разговоры о постороннем помогают ей определиться.

– Нет, – отвечаю ей, понимая, что этим закручиваю новый виток рассуждений о жизни. О моей личной жизни.

– А хдчите сделать себе изобильную Вселенную, а всем – большую голову, так я научу Вас. И можете не благодарить меня даже, хотя мне это будет и приятно, – на её лице появляется улыбка Моны Лизы, как если бы та имела двойной подбородок, щёки с пунцовым румянцем и ярко-накрашенный розовый рот. – Секрет этот называется борщ.

Перед внутренним взором возникает тарелка огнедышащего борща с озерцами рыжего жира, похрустывающей капустой и мясной мякотью на отломке трубчатой кости. Желудок тоскливо сжимается.

– Давайте сделаем кошке хороший наркоз и наружные швы, – прогоняю я наваждение. – И для кошки хорошо, и Вам дешевле.

Слушать про борщ у меня банально нет времени.

«Как и на личную жизнь», – ехидно хихикает кто-то внутри.

– Наружные? – вопрошает женщина, склонив рыжую голову. Наконец-то речь зашла об операции, а не о борщах!

– Ну да. Придётся, правда, прийти повторно через пару недель, чтобы их снять. Тогда я с удовольствием выслушаю и про суп.

«Приходите в чужую смену, и сделайте уже так, чтоб я Вас искала».

Женщина елозит на стульях и со второй попытки встаёт.

– Ну так я Вам в следующий раз про борщ и расскажу, – она медленно кивает, поворачивается и двигается на выход, с ходу выцепив взглядом Иру. Ущипнув её за тощее межребье-

рье, женщина любвеобильно желает: – И главное, чтоб вы кушали по расписанию! Хорошего человека должно быть немеряно!

После её ухода Ира несколько секунд потрясённо смотрит на дверь, приложив руку к рёбрам. Прыскаю в кулачок.

Согласилась ли женщина на стерилизацию женской Мулечки – так и осталось вселенской тайной. Возможно, пошла рассказывать про приворотное зелье и изобильные Мироздания в другие клиники.

...Дальше заходит мужчина с телефоном в руке:

– Посмотрите. Может, по фотографии скажете, что это?

«Тык... Чо у нас там про лечение по фотографии? Ничего?» – звучит в голове, так как я продолжаю держать папку с прайсом.

– Эм... Цены бы мне не было, – отвечаю, посмеиваясь.

Тем не менее мужчина показывает фото на телефоне. С экрана на меня смотрит старый кот с огромным колтуном на спине.

– Скоблить надо, на демодекоз, – говорю мужчине, – и исключать иммунодефицит. И состричь этот валенок.

Не, ну может быть банальное нарушение обмена веществ или гормональные проблемы, но я ж врач-пессимист, который не шадит чужую психику. Я бы даже подозревала букет болезней.

– Кровь сдать нужно. Эндокринные исключить, – рассуждая вслух, я беру с дерматологического стола своё специально затупленное лезвие для взятия соскобов и, сощуриив глаза, на полном серьёзе спрашиваю: – Поскоблить Вам телефон?

Мужчина смущается, смеётся.

– Понял. Запишите нас на приём.

...Следующий – кот, у которого чешутся уши.

Уже где-то лечили от клеща, закладывая внутрь акарицидную мазь. Лезу ватной палочкой – выделений нет. Наскабливаю по сусекам, смотрю в микроскоп. Часто бывает, что внутри чисто, а это всё равно отодектоз, потому что клещи из обработанных ядом ушей сбегают на тело. С чемоданчиками и рюкзаками, ага.

Каким-то неведомым чудом нахожу одного-единственного худосочного клещика на самом краю соскоба. Аминь! Диагноз есть.

Пишу название препарата:

– Накапаете на холку, трёхкратно, интервал двадцать дней.

Когда много грязи – даже промывать приходится, но сейчас это не тот случай – уши чистые.

– Что, просто капли на холку и всё? – удивляется хозяин кота.

– Да. Препарат всасывается через кожу и воздействует на весь организм. Системно. Клещи бегают по телу, поэтому обработка только ушей не поможет. Нужны именно капли. На холку.

– А чем чистить уши-то? – мужчине хочется усложнить лечение кота и жизнь себе. Понимаю. И даже практикую подобное.

– Ничем. В ушах кожные клетки растут, как черепица. При слушивании они отторгаются так, что очищают слуховой проход самостоятельно. Если травмировать или раздражать их палочкой, то выделений станет больше. К сожалению, были случаи, когда ватка с палочки оставалась в ухе, и развивался гнойный отит. И ещё есть риск затолкать в глубину какую-нибудь ушную пробку – конгломерат из выделений и слущенных клеток. Уши полностью очистятся сами, когда все клещи помрут.

- Я сам чесаться начал, – жалуется мужчина.
 - Неспецифическая сыпь. Пройдёт сама, когда вылечите кота. Вам лечиться не надо.
 - ...Пока я вещаю, Ира принимает повторников, методично делая капельнички.
- * * *

Дальше собственной персоной приходит цинк-зависимый дерматоз – в лице молодой хаски.

- У нас вот, – показывает хозяин на морду собаки.

Картинка классическая: корочки и болячки, щедро покрывающие щёки и кожу у губ, возле носа, вокруг глаз. Кожа потемневшая, местами с залысинами. Язвы на границе с мочкой носа – местами розового. Хаски беспокойно косится на меня своими голубыми глазами, крутится и прихрамывает.

- Когти стрижёте? – спрашиваю владельца.
- Не даёт, – сетует он.
- Давайте посмотрим лапы, держите за ошейник покрепче.

Подхожу к собаке сзади, задираю ей лапы – хаски лягается, скачет и верещит. О, да: мякиши с уплотнённой кожей, местами ороговевшие.

Самое большое количество цинка в организме содержится в коже, – особенно в чешуйках носа и мякишах лап, – они-то в первую очередь и страдают. Мужчина говорит:

- Мы ей для костей добавляем кальций. Заводчица посоветовала.

Хорошо, что он не видит, как я закатываю глаза, – кальций, железо и медь ухудшают усвоение цинка. А у растущих собак кальций закрывает зоны роста костей, от чего те чудовищно искривляются.

Молча скребу, нащипываю волосы, смотрю под микроскопом – нет ни клещей, ни лишая. Бывает ещё листовидная пузырчатка, но её исключают с помощью биопсии, – для этого надо отрезать от собачьего носа кусочек и отправить патологам. Взвешиваем собаку.

– Глюконат цинка пожизненно, – я пишу и сразу зачитываю. – Если через месяц эффекта не будет – удвойте дозу. Потом откорректируете до минимума... Ненасыщенные жирные кислоты: омега три, шесть... Кальций, пожалуйста, не давайте. И ещё один препарат мини-курсом, от воспаления... для усвоения... Не будет лучше – приходите, возьмём биопсию. И давайте когти сейчас подстрижём. Намордник наденьте.

Дальше приём напоминает укрощение мустанга. Мы заваливаем хаски на стол; попереёк неё – как на амбразуру – бросается хозяин, а мотыляющиеся лапы достаются нам с Ирой. Ор стоит невообразимый. Сквозь завязанный рот собака пускает пузыри и так матерится, что в холле становится тихо. Откусывая один за другим искривлённые когти, я только и думаю, что мы никогда не останемся без работы, пока заводчицы разводят животных, не делая генетических тестов. К слову, в случае с бультерьерами акродерматит⁶⁸, при котором тоже есть недостаток цинка, убивает их уже к двум годам. Он так и называется: летальный.

А дальше приходит кот с разрывом бедренных мышц. Инфицированным. С кровопотерей. В болевом и гиповолемическом⁶⁹ шоке. Задняя лапа. Скорее всего его схватила зубами собака, а грязнее рта ничего нет. Любой стоматолог скажет: «рот грязнее жопы», но жопы хотя бы не кусаются. Пресекаю большое воображение от дальнейших фантазий, возвращаясь к коту.

Слизистые оболочки белые. Это от шока или от кровопотери? Может, ему срочно нужно переливание, тем более, перед наркозом?

- Его два дня не было, – рассказывает хозяйка кота.

⁶⁸ Летальный акродерматит (Lethal Acrodermatitis, LAD) – генетическое заболевание бультерьеров. Проявляется поражением кожи на морде и лапах (гиперкератоз, деформация когтей), бронхопневмонией, диареей, замедлением роста.

⁶⁹ Гиповолемический шок – патологическое состояние, возникающее в результате резкого уменьшения объёма циркулирующей в организме крови.

– Да-да, – поддакивает мужчина. – На пять минут вышел.

Первая версия звучит правдоподобнее, судя по засохшим кускам торчащих наружу мышц и прилипшей на них шерстью с запёкшейся кровью. Но про пять минут... Впрочем, логично: вышел на минуточку, исчез на два дня. Мужик.

– Нужен донор, он потерял много крови, – говорю я. При таких повреждениях кровотока неизбежно, и приходится признать очевидное: тут и шок, и кровопотеря. – И анализы крови перед наркозом.

– Не надо анализов. Так зашейте, – отмахивается мужчина.

«Вот бы хирургических критических не было», – передразнивает меня голос в голове. Помолчал бы лучше, я и так не знаю, что делать.

Ира флегматично пододвигает владельцам журнал:

– Пишите расписку.

Те пишут, что предупреждены, ответственность снимают и прочее, прочее. Ставим коту катетер в здоровую, переднюю лапу. Брею шерсть на задней, пытаюсь уgomонить свои мысли. Ира потихоньку вливает жижку. Вот помрёт сейчас, и? Что нам эта долбаная расписка, если он помрёт?

«Не нуди».

При кровопотерях без показателей гематокрита капельницы чреватые, так как маленький, циркулирующий по организму объём крови разбавляется, и эритроцитам становится сложнее переносить к органам кислород. Более того возникает опасность кровотечений, поскольку количество факторов свёртывания и тромбоцитов разбавляется тоже! Но у нас выбора нет: в состоянии шока наркотить страшно, к тому же низкое давление и некупированный шок – это тоже опасность кровотечения!

Владельцы отправляются в холл, и мужчина в дверях сталкивается с тёткой, представляющей контингент а-ля «мне только спросить».

– Операция! – гаркает хозяин кота, и тётка испуганно отпрыгивает обратно. Мужчина оборачивается на нас: – Шейте Ваську, я никого не впусчу! – и он демонстративно прикрывает дверь за собой.

Окей, тылы прикрыты.

– И-и-ира, что делать? – кричу я шёпотом. – Рана инфицирована! Он наркоз-то не переживёт?

Моя паника живёт своей жизнью. Подсохшие мышцы на живом коте выглядят крайне кошунственно.

Ира медленно поднимает глаза:

– Эпидуру сделаем.

О-о-о! Точно! Как я сама не додумалась? Эпидура обезболит лапу, и это даст возможность наркотить кота по минимуму.

Наконец, инструменты закинуты, поле побрито, забираем Ваську в операционную. Наркоз.

Процедура эпидуральной анестезии имеет свои нюансы. Укол делается в область крестца, между позвонками, в выверенную по известным ориентирам точку под определённым углом. Нужно попасть чётко в эпидуральное пространство, – что по ощущениям напоминает прокол тонкого пергамента, – но не глубже, иначе есть риск остановки дыхания. Это конечно не смертельно с реанимационным набором и мешком Амбу под рукой, но после того, как полчаса подышишь за кошку, прежде чем она «вернётся» – поседеешь остатками волос, и не только на голове. Так что я делаю эпидуру аккуратненько, минималочку, и ношу Ваську «на плечике», как грудного ребёнка после кормления. Это, значит, чтобы новокаин остался в нижней части кота, а не уплыл к голове.

Ира терпеливо ждёт, хотя на лице написано: «Да клади уже!» Кладу. Привязываем. Коленного рефлекса нет – эпидура сработала.

Поле. Перчатки. И я начинаю шить.

...Копаюсь долго. Зачищаю некротические ткани, собираю лапу в единое целое. Дренаж туда.

– О, узнаю твой почерк, – посмеивается Ира, потихоньку добавляя пофол⁷⁰: ну да... меня хлебом не корми, дай кому-нибудь дренажик поставить. Только тут сам Бог велел – рана не просто тотально инфицирована, но и старая, так что гной неизбежен.

Кот стабилен, приборы показывают вкусную сатурацию⁷¹, и всё же я отчаянно матерюсь, пока шью. В глубине фарша, под коленом обнаруживается рассечённый пополам лимфоузел; ушиваю его вовнутрь.

Вот всё готово. Убираем наркоз. Грелочку снизу и одеялко сверху. Спустя десять минут кот начинает ворочаться, пьяно вылизывать щёки, слюнявиться и чихать, – иными словами, просыпаться. Прописываю максимальные дозы антибиотиков, внутривенно, два раза в день.

Зовём хозяев.

– Мы капельницы сами, – говорит мужчина. Классический эконом-вариант владельца!

– Давайте ещё... расписку, – пододвигаю ему журнал.

Потом подробно пишу, как разводить препараты. Одна женщина из разряда эконом умудрялась вводить внутривенно собаке чай, и одному Богу известно, как та после этого выжила! Другая же бахнула перекись водорода. Тоже – удивительным образом – без последствий.

Надеваю Ваське воротник, чтобы не разлизал себе лапу.

Провожаем его домой.

– Ир, – мне нужен запоздалый совет. – Как думаешь, что надо было с лимфоузлом-то делать? А то я ушила...

– Сейчас у хирургов поспрашиваю, – она берёт телефон и направляется в хирургию. – Инструменты помою. Кричи, если что.

Дальше заходит женщина, которая хотела «только спросить». Она ставит на стол той-терьера с переломом бедра – этот диагноз я нащупываю и без рентгена. Трогаю аккуратно: отломки кости похрустывают под пальцами. Собачка на лапу не наступает.

– Мы на неё табуретку поставили два дня назад.

– Что ж. Перелом бедра, – озвучиваю вердикт. – Нужно делать рентген и остеосинтез, и чем быстрее, тем лучше. Могу записать вас на завтра к ортопеду-хирургу.

Если вовремя не собрать кость, то она может срастись неправильно или наступит мышечный спазм, и вернуть её в анатомически правильное положение станет невозможно. Но у маленьких собачек проблема ещё и в том, что их кости без нагрузки рассасываются. Особенно показателен в этом отношении рот: как только теряются резцы, через какое-то время кость нижней челюсти растворяется тоже. А зубы собачки теряют часто – из-за зубного камня. Ирония мелких пород: сначала они не могут расстаться с зубами молочными, а потом, к середине жизни, теряют уже постоянные.

Так же бесследно у них исчезают переломанные крупные кости конечностей, если их можно назвать таковыми. Это часто осложняется недостатком кальция, который по науке называется «вторичный гиперпаратиреозидизм», или «рахит» по-народному. Или вот ещё синоним: «болезнь мясника», отражающий причину – чересчур мясной рацион. И есть другая крайность, присущая заводчикам: чрезмерное пичканье щенка добавками кальция, в результате чего зона

⁷⁰ Пропофол (пофол) – препарат для внутривенного наркоза.

⁷¹ Сатурация – показатель, отражающий процент кислорода в крови.

роста костей закрывается раньше времени, а кости продолжают расти, – конечности искривляются, делая собаку инвалидом по жизни.

Детально объясняю женщине про кальций, переломы и остеосинтез. Хмыкнув, она произносит:

– А подстригите ей коготки.

– Это можно сделать после операции, – недоумеваю я.

– Нет, сейчас подстригите.

«Всмысле?» – мой внутренний друг тоже в шоке.

Выдержав паузу, женщина говорит:

– Коготки отросли, вот она и хромает!

Ну да. Табуретка тут какбэ и не при чём...

«А давайте стукнем тётку табуреткой по голове и пускай лечит сотрясение педикюром!» – креативит внутренний голос.

...Я подстригаю собачке когти, уже не распаяясь: молча, старательно. Да как скажете. Не вопрос. С наступающим, кстати.

Табуретка стоит неподалёку, стараюсь на неё не смотреть.

Ира, добрякав инструментами, возвращается из хирургии.

– Ну? – спрашиваю её, паникуя. – Что там про лимфоузел? Что будет? Что ты узнала? Да говори уже, говори!

– Сказали, что может и ничего, – отвечает она флегматично. – Лапа долго отёкшая может быть. При гнойных лимфаденитах⁷² тоже ведь рассекают, дренируют, так что надо понаблюдать: если загниёт или создаст проблему, то удалишь.

– Фух, – отдуваюсь я. – Спасибо тебе.

Позвоню им чуток попозже.

...Пока суть да дело, наступает поздняя ночь.

Нам приносят котёнка, который неудачно прыгнул на нечто острое и распорол себе мышцы до самой грудины.

«Никаких... хирургических... критических...» – ехидна в голове издевается надо мной!

Чего же мне надо было пожелать, чтобы оно вот так, «назло» происходило? Самое простое: вакцинацию, стрижку когтей, снятие клещей и кастрацию котов?

Разглядываю котёнка. Мяско свежее и розовое, кровотечения нет, и вообще он довольно бодр. Не успеваем мы дойти до операционной, как в холле громко хлопает дверь.

– Подготовлю пока, – говорит Ира, забирая котёнка.

Бегу в холл. Там стоит пара, на руках держат таксу.

– Говорите быстрее, что? – тороплю их. – У нас операция!

– Спрыгнула с дивана! – мужчина тычет на таксу. – Ноги и отказали.

«Диагноз: такса».

Прямо в холле быстро проверяю рефлексы – полное отсутствие и болевых, и двигательных, – дело труба. Пятая степень неврологии говорит о грыже: часть хрящевого диска выпадает вглубь позвоночного столба и давит на спинной мозг. Чем больше грыжа – тем тяжелее симптомы. Чем дольше мозг в таком состоянии, тем меньше шансов на полноценное восстановление.

Надо, кстати, как-нибудь съездить в реабилитационный центр, к Насте, порасспрашивать там подробнее, что да как.

– Ему срочно нужна операция, – говорю. – У вас всего четыре часа на всё про всё, и тогда есть шанс, что собака сможет ходить. Иначе она останется на всю жизнь инвалидом.

⁷² Лимфаденит – воспаление лимфатического узла.

Пишу адрес клиники, где могут провести миело- и компьютерную томографию, найти место выпадения диска и сделать операцию сейчас, в такое, предновогоднее время.

– Котёнок! – кричит Ира из хирургии, напоминая, что всё готово.

– Вот, держите адрес! – вкладываю в руку мужчины записку, провожу их на улицу и закрываю дверь.

...Котёнок.

Даём наркоз.

– Сама зашьёшь или я? – спрашивает Ира.

– Да давай уже я, – обрабатываю руки и надеваю перчатки.

Приборы пикают, сатурация высокая, котёнок стабилен. Ровненко, наглухо ушиваю мяско, обколов его антибиотиками. Ирка шипит – она не любит, когда я копаюсь, а сама такая же, – ещё неизвестно, кто из нас более небесная тихоходка.

– Кто там был-то? – спрашивает она с интересом флегматика.

– Хансен, – отвечаю названием синдрома. – Пятая степень.

– О-о, – кивает Ира. – А ты что?

– Отправила в город... А то просидят, пока мы тут шьём, – отвечаю сосредоточенно я. – ...Поспрашивала тут у наших, что посоветовать хозяевам таксы, если у неё третья – тире – пятая степень, а они не хотят операцию...

– И что сказали?

– Сказали: мозги хозяевам.

...Остаток времени проходит в молчании. Шов обрабатываем серебристым аэрозолем, цвет которого так уместен в преддверии Нового года.

Пишу назначение. Просыпается. Отдаём.

С утра раздаётся звонок в дверь, и открывать идёт Ира. Меня в такую рань, а особо до чая, лучше не трогать, – я злая, всклокоченная, мозг дрыхнет. Методично замачиваю чайный пакетик в чашке – бульк, бульк! – и смотрю в монитор, как Ира запускает в кабинет пришедших: женщину и мужчину. Мужчина несёт на руках маленькую собаку.

Чай отвратительно горький. Откапываю в недрах нашего с Ирой шкафчика пакетик с двумя сушёными печенюшками – одну забираю себе. Что там, интересно, с собакой?

«Вот не можешь ты чаю спокойно попить, да?»

Заглатываю размякшую печенюху.

Пойду гляну, вдруг помощь нужна.

А внизу – те самые люди, что приходили ночью. С таксой. Никуда они не поехали.

– Да у него просто почки, наверное, – говорит мужчина, когда я вхожу в кабинет.

– Ты чо, дебил? – кричит женщина. – Какие почки? Это желудок!

«Бля-я-я...»

Вслух я молчу. Ира цепляет зажимы таксе на пальцы, демонстрируя полное отсутствие глубокой болевой чувствительности – при иных обстоятельствах собака и дёргалась бы, и верещала. А она не реагирует. Ноль, никак. Теперь, когда спинной мозг был пережат так долго, он вероятнее всего умер от кислородного голодания.

Это я. Я была недостаточно убедительна. Не заставила ждать их в холле, чтобы потом с умным видом посмотреть на собаку, блистая терминами и говоря всё то же, но так, чтобы они поверили. И чтоб Ирка поддакивала. Что теперь ждёт эту таксу? Паралич и необходимость отдавливать мочу четырежды в день? Усыпление? Захотят ли они вообще заниматься собакой?

Слово в слово Ира повторяет мой ночной спич про неблагоприятный прогноз. Уходят они уверенные, что это если не желудок, то точно почки. Или на худой конец «поджелудка».

– Пойду... чай допью, – уныло бубню я.

Неплохое начало дня.

Выясняется, что работать с ночи в день ещё тяжелее. Перед Новым годом все решают внезапно излечить долгие хронические болячки своих животных и почистить им параанальные железы, а заодно и зубы. Маленькие собачки идут одна за другой, изредка разбавляясь большими, наевшимися костей от холодца, и кошками, сожравшими «дождик». Оливьешники, по статистике, обычно приходят уже в январе нового, наступившего года.

Бесконечные приёмы заполняют день, не давая даже передохнуть. К вечеру мы с Ирой валимся на диван в полнейшем никакосе.

И тут бодрая, сияющая Света, которая вышла в день за админа, приносит две банки мочи без пяти минут как уходить.

– Ты издеваешься? – со мной происходит истерика.

После суток я могу только спать. Никакой микроскопии осадков мочи, никаких заключений! Нет. Нет, нет и нет!

– Ой, – Света пятится. – Извини. Просто больше некому сейчас посмотреть...

Вот не выливать же теперь! Хозяева там как-то подлавливали кота, собирали эту мочу, неслись в клинику, чтоб была свежая. Ну, прямо перед боем курантов, когда же ещё-то? Видать, целый год подловить не могли.

– Ладно... Давай сюда, – проклиная свою сговорчивость, забираю у Светы банки и иду центрифугировать. Быстрее сделаю – быстрее освобожусь.

Весь Новый год я блаженно сплю, сквозь сон радуясь за людей, которые что-то орут за стенами, взрывают хлопушки и поют под караоке пьяными, весёлыми голосами. Потом добавляются девчачьи визги. Дикие сексуальные оргии сопровождаются громогласными криками, обозначающими, видимо, новогодний оргазм – в иные дни у соседней царит целомудренная тишина.

... Через пару дней звоню хозяйке кота с лапой и лимфоузлом. Очень вовремя.

– У него лапа отекла аж в три раза! – испуганно говорит женщина: судя по многоголосому шуму она где-то в офисе, на работе – очевидно, не мы одни работаем в эти дни.

Медленно зеленею:

– Лапа?

«Ну пипец, придется резать, доставать лимфоузел... Чёрт!»

– Ну да, передняя лапа, на которой катетер стоял. Мы капельницы больше не делаем – катетер сняли вчера.

«У-у-уф! Передняя?»

– А задняя?

– Не, с задней всё хорошо! – уверяет женщина, и я медленно розовею обратно.

Лапа отекает, если после снятия катетера забывают снять эластичный бинт. А бывает и после потери организмом белка. Вот и тут. Кровотечение, видать, сильное было, когда он себе сосуды бедренные расфигачил.

– Там бинт эластичный на лапе, да? Сняли его?

– А нам никто не сказал...

Да сами забыли, может...

Назначаю таблетки и антибиотик в уколах: нельзя было так рано капельницы отменять. Упёрто зачитываю дозу, хотя слышу по интонации, что женщина занята и торопится.

– Запишите! – ору, упрямо отказываясь прощаться. Шьёшь их, шьёшь, а они послеоперационный нарушают, рискуя свести к нулю все усилия. Мне хватило снятия шовчиков у того кота после остеосинтеза.

– Да-да, я всё записала.

– Если что – звоните.

– Хорошо.

Уф... Минус один головняк.

Больше они не приходят и не звонят.

* * *

– А поедете на каток? – розовощёкий мужчина сидит напротив меня в кафешке, где мы встретились пятнадцать минут назад.

Очередное знакомство по интернету.

Зовут Андрей. Он довольно словоохотлив, без умолку болтает.

– Да не умею я на коньках, – говорю ему, сдержанно улыбаясь.

– Душечка моя! Мы все чего-то, да не умеем! На то она и жизнь дана, чтобы учиться и всё перепробовать! – восклицает он, потирая руки в преддверии моего обучения.

Ну да, да. В жизни надо всё попробовать, а кое-что попробовать не пробовать.

Однако на коньки я соглашаюсь, и сразу после кафе мы идём на местный каток, который находится неподалёку.

Пункт проката совмещён с раздевалкой, и в окошке уставшая тётка выдаёт нам две пары коньков – потёртых, с истрёпанными шнурками. Мне вспоминается фраза из анекдота, когда дочка просит у папы новые туфельки, а он отвечает: «Ты ещё коньки не сносила!»

В коридоре шныряют люди: орут, хохочут и суетятся. Сажусь на выдавшую виды скамейку и втискиваю ноги в жёсткие ботинки коньков. Надо уметь веселиться. Быть в моменте или как там... Затягиваю шнурки на бантик с традиционно хирургическими узлами.

Наконец, дело сделано, я поднимаюсь и тут же шлёпаюсь на скамью обратно, потеряв равновесие. Твою ж губернию! Как эти фигуристы умудряются подпрыгивать в воздух и, самое главное, приземляться? Как хоть до катка-то дойти?

Андрей протягивает руку:

– Пошли! – голос радостный, глаза горят.

Ну... Ладно... Опираясь на него, встаю и медленными шажками перемещаюсь в сторону глади катка, где бодро нарезают круги фигуристы, – всё это отнюдь не предвещает безопасного опыта.

Андрей держится легко и непринуждённо: видно, стоит на коньках не впервые. Тропинка покрыта неровными ледяными кочками и сверху присыпана рыхлым снегом, – идти практически невозможно. Периодически я падаю на Андрея, цепляясь за него, и это выглядит ужасно неловко.

– Да кончай притворяться! – кричит он всё так же весело.

Я ещё даже не начинала, так-то... Машу руками, как мельница. Отцепляюсь от него и впиливаюсь в растущую рядом берёзку. От неё перебегаю к более толстому дереву, – кажется, это тополь. И затем меня выручают перила, сколоченные по периметру площадки. Отчаянно вцепившись в них, я добредаю до выхода на лёд, где и обретаю устойчивость – здесь ровно. Так, ладно. Потихонечку буду ехать. Надо испытать этот чёртов оргазм, иначе пиздец.

Какое-то нехорошее предчувствие следует тенью... а, это Андрей. Он виртуозно огибает меня, призывно машет рукой и исчезает, погнавшись за группкой людей, которые с ровной скоростью нарезают большие круги. Пространство огромно. Жуть. Но вот уже получается скользить, и я неуверенно еду.

Удовольствие, скажем прямо, так себе, на любителя. Ведь ещё и затормозить как-то надо суметь.

«Катись-ка отсюда, солнце», – просыпается внутренний голос.

И что я зря на коньки вставала, что ли? Катись... Ну... Ладно... Я только пару кружочков сделаю, и на сегодня – хватит.

Пока я тихонечко разгоняюсь, Андрей успевает набрать скорость – понимаю это по его пугающим воплям, гремящим сзади.

– Давай быстрее! – кричит он, обогнав меня снова и пролетая спиной вперёд.
Как будто от этого мои навыки могут чудесным образом улучшиться...
Свидания у меня – одно хлеще другого!

И не успеваю я так подумать, как случается непредвиденное. На четвёртом круге Андрей подъезжает сзади и хватает меня за плечи. Я поскользываюсь и гулко приземляюсь затылком об лёд: в момент соприкосновения двух твёрдых поверхностей – льда и черепа – перед глазами взрывается яркий салют и брызгают искры.

«Звёзды на льду», – успевает мелькнуть вместе с болью, прежде чем всё булькает в тотальную темноту.

...Когда сознание возвращается и я открываю глаза, из репродуктора слышится женский встревоженный голос:

– Девушка! С Вами всё хорошо?

Меня окружает куча коньков и лиц.

– Ты зачем ещё и упала-то? – раздаётся весёлое сверху. Зрение с трудом фокусируется на склонившейся фигуре. Узнаю в нём Андрея.

Зачем я упала... Шею и затылок пронзает острая боль, и ещё какое-то время я лежу, боясь шевелиться. Наконец, голос женщины в репродукторе становится крайне взволнованным, и я, пожалев её, переваливаюсь на живот, а затем кое-как встаю на карачки. Поза для первого свидания – что надо. И, судя по ярким звёздам, почти оргазм.

Люди постепенно разъезжаются: шоу окончено. И свидание, видимо, тоже. Той же неровной тропой добираюсь до раздевалки.

Андрей следует за мной, удивлённый до глубины души:

– Ой, а ты что ли всё? Закончила?

Да, я совсем всё. Кончила, и закончила, и закончилась, да.

Отдаю коньки обратно в окошко.

Андрей остаётся кататься дальше.

По пути домой, изнывая от дикой боли в шее и голове, покупаю в аптеке защитный ортопедический воротник. Из глаз непроизвольно катятся слёзы. Завтра – рабочий день.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.